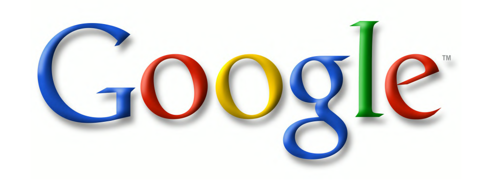

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ

МИНИСТЕРСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ТЮРГО

и

ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

сочиненія

Г. Е. Аѳанасьева.

Одесса.
Тип. В. Кирхнера.
1884.

Дозволено цензурою. Одесса. 19 марта 1884 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Вторая половина XVIII вѣка поражаетъ насъ появленіемъ ряда государственныхъ дѣятелей, какъ будто по уговору, принимающихся за реформу старыхъ монархій, сохранившихъ въ своемъ устройствѣ большое наслѣдство среднихъ вѣковъ. Фридрихъ Великій, Іосифъ II, Скилаччи, Помбаль, Струэнзе и Тюрго, вотъ рядъ дѣятелей, почти одновременное появленіе которыхъ весьма знаменательно, какъ указатель существованія общихъ причинъ, обусловливавшихъ необходимость перестроя государствъ на новыхъ началахъ. Общая имъ всѣмъ черта, — это стремленіе къ секуляризаціи государства, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, положивъ въ основаніе своей дѣятельности понятія о государствѣ, выработанныя современнымъ умственнымъ движеніемъ, не останавливались на освобожденіи государства изъ подъ вліянія церкви, а присоединили къ этому стремленіе уничтожить тѣ путы, которыя заключались въ средневѣковыхъ, сословныхъ и мѣстныхъ привиллегіяхъ.

Тюрго занимаетъ между упомянутыми реформаторами первое мѣсто по цѣльности своей программы и по гуманности началъ, положенныхъ имъ въ ос

ніе своей дѣятельности. Если кто изъ современниковъ стоитъ къ нему въ этомъ отношеніи ближе другихъ, такъ это Іосифъ II, гуманнѣйшій изъ государей того времени. Какъ тому, такъ и другому дороги были интересы низшихъ классовъ, подавленныхъ не столько тяжестью государственныхъ требованій, сколько неравенствомъ ихъ распредѣленія между отдѣльными классами общества. Дѣятельность Тюрго, однако, находилась довольно долго внѣ вниманія историковъ. Въ этомъ отношеніи она раздѣляла одинаковую участь со всѣмъ тѣмъ, что непосредственно предшествовало великой революціи. Грандіозныя событія послѣдней надолго заслонили собою предшествующія событія. Тѣмъ не менѣе, однако, нѣкоторыя изъ этихъ событій важны не только по отношенію къ революціи, или какъ подготовившія послѣднюю, или какъ опредѣлившія ея направленіе; но и безотносительно, какъ такія общественныя явленія, которыя имѣли будущность, но по случайнымъ обстоятельствамъ остались безъ результатовъ. Упомянемъ, напримѣръ, о провинціальныхъ собраніяхъ временъ Людовика XVI.

Кратковременная дѣятельность Тюрго произвела сильное впечатлѣніе на передовыхъ людей его времени, и неудача ея не умалила этого впечатлѣнія [1]). Она произвела нѣкоторое дѣйствіе и на массу населенія. Неудача ея не уничтожаетъ заслуги дѣятеля, пытавшагося предотвратить бурю, приближеніе которой чувствовалъ не онъ одинъ.

[1]) Ср. Oeuvres posthumes de Turgot. Lausanne 1787.

V

Наша историческая литература не оставила безъ вниманія дѣятельности Тюрго. Первый трудъ по этому предмету принадлежитъ бывшему профессору Ришельевскаго лицея Муравьеву. («Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, или начало преобразованій во Франціи XVIII в.». М. 1858 г.). Авторъ, однако, не могъ пользоваться, какъ онъ самъ признаетъ, многими весьма цѣнными матерьялами, такъ какъ не могъ ихъ найти въ Москвѣ. Такъ, онъ не знаетъ мемуаровъ Дюпонъ де Немура, такъ какъ это сочиненіе дѣйствительно рѣдко. Въ Кіевской университетской библіотекѣ оно существуетъ, и было пріобрѣтено еще въ то время, когда существовала Academia Vilnensis. Независимо отъ этого, трудъ Муравьева показываетъ, что авторъ не задавался цѣлью изложить подробно ученую и административную дѣятельность Тюрго, онъ дѣлаетъ только бѣглый очеркъ ея, не дѣлая даже никакихъ выводовъ. Трудъ этотъ въ настоящее время не имѣетъ уже значенія. Недостатки его въ то время указаны были Чернышевскимъ въ рецензіи, помѣщенной въ Современникѣ.

Нѣсколько позднѣе (1860 г.) явилась въ Русскомъ Словѣ статья Благосвѣтлова о министерской дѣятельности Тюрго. Статья написана живо, обладаетъ несомнѣнными литертурными достоинствами, но страдаетъ существеннымъ недостаткомъ: вниманіе автора обращено не на суть дѣла, а на частности. Рисуя положеніе Франціи, онъ обращаетъ особенное вниманіе на злоупотребленія чиновничества, а не на учрежденія, права, привиллегіи, повинности, существованіе ко-

торыхъ основывалось на положительномъ законѣ, или на общемъ духѣ конституціи. Между тѣмъ неудовлетворительностью то этихъ сторонъ жизни можетъ быть серьезно мотивирована необходимость переворота. Кромѣ того авторъ недостаточно изучилъ предметъ, о которомъ взялся говорить, — вслѣдствіе чего у него встрѣчаются фактическіе промахи. Вотъ все, что я знаю въ русской исторической литературѣ по отношенію къ предмету моей работы.

Иностранная литература, преимущественно французская, совершенно естественно гораздо болѣе занималась дѣятельностью Тюрго. Первое сочиненіе принадлежитъ Дюпонъ-де-Немуру, другу Тюрго. Вышло оно въ 1782 г. въ Филадельфіи (Memoires sur la vie et les ouvrages de Turgot). Оно цѣнно, потому что Дюпону, какъ человѣку очень близкому, было извѣстно многое, что для другихъ было тайной. Въ его сочиненіи только можно найти финансовый отчетъ Тюрго, такъ какъ въ сборникѣ отчетовъ онъ не помѣщенъ. Конечно, пользуясь мемуарами Дюпонъ-де-Немура, надо подвергать учету его невольное пристрастье, какъ друга; но онъ человѣкъ очень правдивый, и учетъ этотъ поэтому очень невеликъ.

Пять лѣтъ позже появленія мемуаровъ Дюпонъ-де-Немура, появилась біографія Тюрго, написанная Кондорсе (La vie de M. Turgot. Berne, 1787) и изданная анонимно за границею. Эта біографія изображаетъ главнымъ образомъ идейную жизнь Тюрго и представляетъ скорѣе подробный некрологъ, написанный въ память покойнаго друга. Въ томъ же году появилась

брошюра о Тюрго, въ которой изданъ былъ впервые его проэктъ муниципальныхъ собраній и сдѣлана оцѣнка этого проэкта. (Oeuvres posthumes de M. Turgot. Lausanne 1787). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1808 г.) впервые изданы были сочиненія Тюрго Дюпонъ-де-Немуромъ и снабжены послѣднимъ примѣчаніями, имѣющими особенную цѣну. Изданіе сочиненій было повторено въ 1844 году Дэромъ и Дюссаромъ въ извѣстной Collection de principaux économistes Гилльомена.

Сочиненіямъ Тюрго предпослана историческая замѣтка о Тюрго, знакомящая съ главными моментами его жизни. Благодаря систематичности и примѣчаніямъ, это изданіе очень удобно для пользованія и служитъ главнымъ источникомъ для изученія дѣятельности Тюрго.

Но прошло еще довольно времени до тѣхъ поръ, какъ административная дѣятельность Тюрго сдѣлалась предметомъ научной обработки. Первою такою попыткою было сочиненіе Тиссо, а вслѣдъ затѣмъ сочиненіе Батби, явившееся въ свѣтъ въ 1866 году. (Turgot, philosophe économiste et administrateur. Paris). Послѣднее отличается большими достоинствами, чѣмъ первое. Авторъ не задавался цѣлью обработать главнымъ образомъ административную дѣятельность Тюрго. Послѣдняя поставлена имъ на заднемъ планѣ. Касаясь ея, однако, Батби подробно изложилъ дѣятельность Тюрго въ Лиможѣ и, воспользовавшись случаемъ, обстоятельно знакомитъ читателя съ положеніемъ провинціи въ то время и въ особенности съ устройствомъ податной системы и системы повин-

ностей. Министерской дѣятельности авторъ касается лишь вскользь, но въ заключеніи онъ ведетъ рѣчь именно по поводу ея. Надо, однако, сказать, что эта послѣдняя глава сочиненія Батби слаба. Вмѣсто того, чтобы въ «заключеніи» подвести итоги дѣятельности и опредѣлить ея значеніе, Батби ограничивается замѣчаніемъ, что если бы программа Тюрго осуществилась, революція была бы предупреждена и дальнѣйшая государственная жизнь Франціи получила бы совершенно иной характеръ и иныя основанія. Затѣмъ авторъ ведетъ до конца разсужденіе о совмѣстимости демократіи со свободой, разсужденіе къ дѣлу не относящееся. Другое сочиненіе о Тюрго, появившееся четырьмя годами раньше, принадлежитъ Тиссо. (Tissot, Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages. 1862).

Это сочиненіе касается равномѣрно всѣхъ сторонъ дѣятельности Тюрго. Характеръ его повѣствовательный. Разсматривая факты, авторъ не выходитъ изъ круга того матеріала, который заключается въ изданныхъ Гилльоменомъ сочиненіяхъ Тюрго.

Заключеніе автора о дѣятельности Тюрго сводится къ тому, что послѣдній былъ человѣкомъ, стремившимся къ общественному благу. Такъ какъ сочиненіе Тиссо предшествовало сочиненію Батби, то послѣднее является дополненіемъ перваго въ томъ отношеніи, что административная дѣятельность Тюрго въ Лиможѣ у Тиссо почти не тронута, тогда какъ Батби на ней именно остановилъ особенное вниманіе. Наоборотъ, дѣятельность Тюрго, какъ министра, изложенная въ сочиненіи Тиссо обстоятельнѣе, очерчена у Батби лишь

слегка. За этими сочиненіями слѣдуетъ трудъ Матье (Mastier), который, однако, отличается меньшими достоинствами, чѣмъ первыя, и притомъ административной дѣятельности Тюрго не касается вовсе. Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ появилось сочиненіе Каде (Cadet) — «Тюрго», предназначенное для массы народа (ц. 30 с.) и указывающее своимъ появленіемъ на значеніе, которое стали придавать въ послѣднее время дѣятельности Тюрго, какъ реформатора. Уже въ то время, какъ издана была эта маленькая книжка, готовился трудъ о Тюрго, съ достоинствами котораго не можетъ сравниться ни одно изъ предъидущихъ сочиненій. Этотъ трудъ вполнѣ справедливо былъ увѣнчанъ академіей наукъ. Я говорю о появившейся въ 1877 году книгѣ Фонсена «Опытъ о министерствѣ Тюрго». (Fonsin. Essai sur le ministère de Turgot). Скромность названія этого труда только усиливаетъ впечатлѣніе, которое выносишь послѣ его прочтенія. Авторъ справедливо говоритъ, что до него министерство Тюрго не было предметомъ спеціальнаго трактата. Фонсенъ взялся за такую задачу и разобралъ очень полно не только содержаніе министерской дѣятельности Тюрго, разъясняя смыслъ каждой его мѣры, но и обстановку, среди которой ему приходилось дѣйствовать. Выдающимся вкладомъ этого труда въ науку слѣдуетъ признать обстоятельное и ясное изложеніе вопроса, какъ сформировалась враждебная Тюрго сила и какъ совершилось его паденіе. Послѣднее обстоятельство разработано особенно подробно и отчетливо.

Сочиненіе Фонсена таково, что послѣ него очень

трудно выступить съ работою о министерствѣ Тюрго. съ работою, имѣющею большую цѣну. Признаюсь, выходъ въ свѣтъ его труда озадачилъ меня значительно. Моя работа была тогда на половину сдѣлана; въ 73 и 74 годахъ мною собраны были въ Парижской Національной библіотекѣ матеріалы для выясненія значенія нѣкоторыхъ мѣропріятій Тюрго, и оказалось, что многое изъ того, что мною было проштудировано и собрано, было, вѣроятно, въ тоже самое время, предметомъ занятій Фонсена. Я рѣшился, однако, кончить свою работу, руководясь слѣдующими соображеніями: 1) для русской исторической литературы моя работа можетъ быть полезна, такъ какъ сочиненіе Фонсена не переведено и едва ли будетъ переведено когда либо; 2) Цѣль моей работы была иная, чѣмъ у Фонсена, а потому характеръ ея нѣсколько иной и 3) выводы, къ которымъ я пришелъ тогда и которые излагаю теперь, имѣютъ самостоятельный характеръ, а можетъ быть, могутъ имѣть нѣкоторое значеніе для науки. Вотъ мотивы, побудившіе меня не бросать начатаго труда, кончить то, что уже было на половину сдѣлано и отдать свою работу на судъ русскаго общества.

Положеніе Франціи.

Начало царствованія Людовика XVI рѣшило вопросъ въ высшей степени важный въ исторіи Франціи, — вопросъ о томъ, какъ будетъ произведенъ перестрой государственнаго механизма и организаціи общества, по инициативѣ ли королевской власти и при участіи ея въ этой работѣ, или же помимо ея и даже противъ ея воли, причемъ въ послѣднихъ случаяхъ она должна была неизбѣжно подвергнуться участи всего феодальнаго порядка и погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, стремясь остаться вѣрною своему феодальному происхожденію.

Что самый перестрой государства былъ лишь вопросомъ времени и притомъ времени весьма непродолжительнаго, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, и достаточно сдѣлать бѣглый очеркъ положенія страны въ то время, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Королевская власть давно повергла къ своимъ ногамъ бывшихъ своихъ противниковъ, и король остался единственнымъ распорядителемъ судебъ страны.

Воля короля стала закономъ и выставлялась таковою въ заключительныхъ словахъ каждаго эдикта. Тѣ учрежденія, которыя когда то составляли противовѣсъ этой волѣ, или перестали существовать фактически, какъ états généraux, или были обречены на безплодные протесты, подчиняясь въ концѣ концовъ королевскому повелѣнію, — таковы парламенты, — или же, наконецъ,

сохранили такой узенькій кругъ компетенціи, — какъ напримѣръ, провинціальныя собранія въ такъ называемыхъ pays d'état, — что нисколько не мѣшали королевскому абсолютизму. Королевская власть была всесильна въ распоряженіи имуществомъ подданныхъ, такъ какъ налоги и торгово-промышленное законодательство были въ ея рукахъ; она была не менѣе сильна и въ судебной сферѣ, ибо, помимо обыкновенныхъ судовъ, могла всегда создать экстренныя судилища и изъять дѣло изъ обычнаго порядка производства; — отъ нея и ея агентовъ всецѣло зависѣла личность обывателя, ибо достаточно было lettre de cachet, чтобы лишить его свободы и до конца жизни держать подъ замкомъ.

Но въ этомъ самомъ всесиліи власти была ея слабость. Ставъ всѣмъ въ государствѣ, королевская власть взяла на себя непосильную задачу замѣнить собою силу общественную. Не допуская политической самодѣятельности общества, она приняла на себя отвѣтственность за все, происходящее въ госу арствѣ и не только за то, что дѣлалось, но и за то, что не дѣлалось и чего она не въ силахъ была бы сдѣлать.

Слабая сторона королевскаго абсолютизма была так же и въ томъ, что, покончивъ борьбу съ феодалами, объединивъ Францію, онъ обнаружилъ, что собственно борьбу съ феодализмомъ онъ велъ лишь по стольку, по скольку послѣдній мѣшалъ ему, абсолютизму, а потому оставилъ въ неприкосновенности всѣ тѣ привилегіи, которыя, составляя сущность феодальнаго строя общества, не мѣшали всемогуществу королевской власти.

Такимъ образомъ королевская власть, возвысившись, благодаря несомнѣннымъ услугамъ, оказаннымъ ею обществу, теряла смыслъ своего могущества, переставая оказывать таковыя услуги и позволяя себѣ

оставаться позади общественныхъ интересовъ Ставъ въ такое положеніе, она дѣлалась тяжестью, несомою въ силу привычки, но все съ большимъ и большимъ неудовольствіемъ.

Царствованіе Людовика XV было именно такимъ моментомъ въ исторіи королевской власти. Король, по сущности придворнаго церемоніяла, имѣлъ мало времени для занятій государственными дѣлами [1]); личное нерасположеніе Людовика XV къ работѣ, полная деморализація удовольствіями самаго низкаго разбора превратили короля въ декорацію, скрывавшую дѣйствія придворныхъ королевскихъ любовницъ и ихъ протеже, причемъ, конечно не было и рѣчи о государственномъ благѣ. Въ своемъ равнодушіи къ послѣднему король соперничалъ съ придворными, принимая участіе въ постыдныхъ спекуляціяхъ «Pacte de Famine». Королевскій авторитетъ былъ потрясенъ до того, что въ обществѣ находили вѣру даже такіе слухи, что королю, во время болѣзни дѣлаются ванны изъ человѣческой крови. Трупъ короля, во избѣжаніе скандала, везли въ С. Дени окольными путями, и похоронная процессія болѣе была похожа на карнавалъ, чѣмъ на печальную церемонію. Много надо было энергіи, чтобы поднять королевскую власть на высоту ея прежняго величія посредствомъ удовлетворенія общественныхъ нуждъ; но это не было невозможно: Людовика XVI встрѣчали, какъ «желаннаго» и возлагали на него надежды.

Жизнь поставила вопросы, просвѣщенные люди искали и находили средства ихъ разрѣшенія. Административная централизація оказывалась машиной крайне тяжелою на подъемъ, неспособною удовлетворять, какъ слѣдуетъ и своевременно общественныя потребности: раздавались голоса въ пользу развитія областной жизни, автономіи и политической свободы.

Но центромъ тяжести положенія былъ принципъ привиллегіи, проникавшій все общественное устройство. На 26 милльоновъ населенія привиллегированныя сословія составляли ничтожное меньшинство. Число благородныхъ опредѣляютъ въ 140 тысячъ, а численность духовенства въ 130 тысячъ, итого 270 тысячъ [2]). Это сотая часть населенія, а она владѣла большею половиною пространства Франціи. Доходы этихъ сословій были весьма значительны, если и не такъ велики, какъ должны были бы быть при такой значительной поземельной собственности.

Доходы духовенства были особенно значительны. Цѣнность его владѣній, составлявшихъ $^1/_3$ всей Франціи, опредѣляютъ въ 4 милльярда; десятина давала дохода 123 милльона; доходность его земель опредѣляютъ различно. Болѣе вѣроятнымъ образомъ можно опредѣлить этотъ доходъ около 140 милліоновъ ливровъ, что вмѣстѣ съ доходомъ отъ десятины составитъ болѣе 250 милліоновъ ливровъ. Въ этотъ счетъ не вошли доходы отъ выполненія требъ и разныхъ сборовъ; а эта статья дохода оцѣнивалась милльонами.

Но оставляя въ сторонѣ этотъ доходъ, за неимѣніемъ данныхъ для болѣе или менѣе вѣроятнаго его опредѣленія, получимъ все таки 250 милльоновъ доходу, что на теперешнія деньги составитъ 500 милльоновъ [3]). Сюда не входитъ также и оцѣнка разныхъ феодальныхъ правъ, которыми пользовалось духовенство наряду съ дворянствомъ [4]). Если принять во вниманіе, что въ наше время расходы по содержанію церкви составляютъ около 50 милліоновъ, то очевидно будетъ, какъ велика была лишняя тяжесть, лежавшая на трудящихся классахъ страны.

По доходамъ духовенства можно судить о богатствѣ дворянства. Его земли захватывали $^1/_4$ государства, но доходность ихъ была относительно менѣе велика, такъ

какъ значительная часть помѣщиковъ проживала внѣ своихъ помѣстій, въ столицѣ, и, такимъ образомъ, хозяйство было въ забросѣ [5]).

Большинство помѣщиковъ отдавало свои земли въ аренду половникамъ, причемъ послѣдніе обыкновенно отдавали половину валоваго дохода; только въ сѣверной Франціи арендаторами были люди болѣе значительные, а въ остальной — бѣдняки, которые не могли вести хорошо хозяйство и не видѣли выгоды въ развитіи земледѣлія, а хозяйничали хищническимъ образомъ. Поэтому то мы видимъ, что на воздѣлываемый гектаръ земли затрачивалось во Франціи вчетверо меньше капитала, чѣмъ въ Англіи, а урожай французскаго земледѣлія былъ въ 12 разъ меньше англійскаго, причемъ доходъ французскаго земледѣлія относится къ англійскому какъ 9 къ 14, такъ что если рента французскаго земледѣльца была $3^3/_4\%$, а англійскаго — $2^3/_4\%$, то это не доказываетъ процвѣтанія французскаго земледѣлія, а также не доказываетъ, что землевладѣльцы Франціи абсолютно получали больше англійскихъ. Это доказываетъ только, что поборы съ крестьянъ были значительнѣе, что въ рукахъ послѣднихъ оставляли меньшую часть продуктовъ ихъ труда, и больше ничего [6]).

Но кромѣ поземельнаго дохода, который получали помѣщики, надо прибавить $2^1/_2$ милліона разныхъ таможенныхъ пошлинъ, поступавшихъ въ пользу помѣщиковъ, да разные феодальные поборы деньгами и натурой, которые оцѣниваются въ 100 милліоновъ, въ томъ числѣ однихъ крѣпостныхъ пошлинъ взималось около 37 милліоновъ [7]). Эти то феодальныя права, принадлежавшія частью и духовенству, составляли центръ тяжести положенія и, надо помнить, что они далеко не приносили столько пользы ихъ обладателямъ,

сколько причиняли вреда населенію. У Буато приведено 36 названій различныхъ феодальныхъ правъ, связанныхъ съ поборами или натуральными повинностями. Тутъ встрѣчаемъ тяжелое рядомъ со смѣшнымъ. Рожденіе и смерть помѣщика вызываютъ приношенія; помѣщикъ собираетъ подымное (Droit du feu); ему повинны запахать поле, нарубить дровъ, навозить сѣна, собрать виноградъ и т. п. (corvées); онъ наслѣдуетъ послѣ иностранца, умершаго въ его владѣніяхъ, а также и послѣ незаконнорожденнаго умершаго въ его владѣніяхъ, а также безъ завѣщанія и бездѣтнымъ. (Droits d'aubaine et de batardise).

Феодалъ имѣлъ право первымъ начать сборъ винограда и затѣмъ разрѣшить крестьянамъ начать его въ ихъ виноградникахъ. Крестьяне обязаны были молоть хлѣбъ на его мельницѣ, печь его въ его пекарнѣ, давить виноградъ его прессомъ, пользоваться мясомъ только въ его лавкѣ и съ его бойни (Banalités, ban des vendanges). Феодалъ монопольно продаетъ вино въ 40 дневный періодъ, послѣ окончанія сбора винограда (droit de banvin). Феодалъ одинъ имѣетъ право заводить голубятни, исключительное право охоты и частію рыбной ловли.

Много было поборовъ и правъ мѣстныхъ, иногда мало употребительныхъ. Были и личныя привиллегіи. Епископъ Кагора имѣлъ право, когда служилъ обѣдню, класть на престолъ свой мечъ, шлемъ, перчатки и кирасу. Маркизъ Шателю (Chastellux) пользуется привиллегіей являться въ церковь въ Оксеррѣ, во время богослуженія въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ, съ парой собакъ на сворѣ и съ хищной охотничьей птицей. Аббатъ d'Експильи съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ объ этой странной привиллегіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новобрачные обязаны были въ Духовъ

день, въ присутствіи феодала, прыгать въ яму. Еще въ 1786 г. парламентъ запрещалъ феодаламъ требовать исполненія этой нелѣпой обязанности, а крестьянамъ являться для исполненія ея [3]).

Если привиллегіи въ родѣ послѣднихъ имѣютъ невинный характеръ, то нельзя того же сказать о другихъ — banalités, banvin, corvée, подымное и право охоты были правами, отзывавшимися тяжело на благосостояніи земледѣлія. Можно смѣло сказать, что всѣ монополіи (banalités) не приносили столько пользы помѣщикамъ, сколько вреда крестьянамъ, такъ что, если и оцѣниваютъ феодальныя права въ 100 милл., то потеря отъ нихъ въ общей экономіи была бо́льшая: помѣщики получали 100 милл., но крестьяне теряли больше.

Феодальныя привиллегіи дворянства и духовенства вмѣстѣ съ государственными повинностями и налогами тяжело отзывались на ближайшемъ сосѣдѣ дворянина — крестьянинѣ. Всѣ свидѣтельства современниковъ единодушно говорятъ о крайней нищетѣ его въ теченіи всего восемнадцатаго столѣтія. Періодическія голодовки были обыкновеннымъ явленіемъ; бѣдствія и смертность достигали въ такихъ случаяхъ ужасающихъ размѣровъ. И это было слѣдствіемъ не столько неурожаевъ, сколько, главнымъ образомъ, той низкой степени благосостоянія, когда малѣйшее колебаніе влечетъ за собою кризисъ въ хозяйствѣ Не только не существовало никакого запаса, но и въ обыкновенные неголодные годы хлѣбъ, смѣшанный изъ ячменя и ржаной муки съ отрубями, составлялъ постоянную пищу, которой къ веснѣ уже не хватало. Нерѣдко бывало, что хлѣбъ снимали зеленымъ, сушили и употребляли въ пищу. Дѣти отъ подобной пищи пріобрѣтали огромные животы и умирали, какъ мухи. Вообще смертность дѣтей и взрослыхъ представляетъ характерное, ужасающее явленіе XVIII вѣка.

Жилище и одежда гармонировали съ пищей. Крестьянскія хижины напоминали собою хлѣвъ, а вовсе не походили на человѣческое жилье. Низкія, плохо крытыя соломой, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ, которое служило и дверьми и для выхода дыма, значитъ нѣсколько хуже русской курной избы, — таковы были крестьянскія избы того времени. Тутъ можно было съ грѣхомъ пополамъ укрыться отъ непогоды, но не защититься отъ холода или пользоваться минимальными гигіеническими удобствами. Одежда была самодѣльная изъ грубой шерстяной ткани или изъ холста, вся въ лохмотьяхъ; иногда и зимой холщевыя лохмотья составляли всю одежду; ноги, обутыя въ деревянные башмаки, да и то лишь въ ненастье; маршировать босикомъ не казалось тогда столь страннымъ, какъ это кажется теперь французамъ. Если даже крестьянинъ становился зажиточнѣе, онъ не жилъ лучше, потому что лучшая обстановка привлекала вниманіе сборщиковъ податей—вниманіе далеко не пріятное. Крестьянинъ въ такомъ случаѣ копилъ деньги, лелѣя завѣтную мечту купить землю. Это удавалось благодаря нуждѣ въ деньгахъ, постоянно ощущаемой дворянами, не смотря на всѣ ихъ поборы. Но, достигая своей цѣли, крестьянинъ не становился счастливѣе: требованія фиска удваивались, утраивались, поборы помѣщика увеличивались, и онъ оставался въ концѣ года съ пустыми руками. Нужно было имѣть особенную, непостижимую привязанность къ землѣ, чтобы при такихъ условіяхъ стремиться къ ея пріобрѣтенію. Однако это было.

При такихъ условіяхъ жизни, когда самое упорное прилежаніе не выводитъ человѣка дальше нищеты, нельзя ожидать предпріимчивости, энергіи или даже прилежанія. Мѣсто этихъ качествъ занимаютъ апатія, неповоротливость, лѣнь. Видъ крестьянина свидѣтельствовалъ о бѣдственной жизни. Забито-тупой взглядъ,

хилость и мѣшковатость бросались въ глаза всякому. Артуръ Юнгъ обратилъ особенное вниманіе на старообразность французскихъ крестьянокъ. «Ей можно было бы дать, говоритъ онъ объ одной крестьянкѣ въ Шампани, лѣтъ 60 или 70, такъ она была сгорблена, такъ изможденно было трудомъ лицо ея; она мнѣ сказала, что ей только 28 лѣтъ».

Обработка земли производилась плохо; часто пашня обращалась въ пастбище, такъ какъ меньше труда требуется на выпасъ скота,—и только самое необходимое количество земли распахивалось и засѣвалось плохими сѣменами. Распашка поля была не глубока: едва-едва разрыхлялся верхній слой; орудіемъ запашки служила соха, часто безъ желѣзныхъ сошниковъ; бывали и плуги, но тоже деревянные и тоже иногда съ деревянными сошниками. Животныя, употреблявшіяся въ земледѣліи, волъ и лошадь, были обыкновенно малорослы и хилы по тѣмъ же причинамъ, по которымъ былъ плохъ и ихъ хозяинъ.

На всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ лежала печать запустѣнія, клеймо отчаянія, когда человѣкъ, отказавшись отъ лучшаго будущаго, безнадежно смотритъ на настоящее [8]). Закончимъ нѣсколькими цифровыми данными картину народнаго благосостоянія тогдашняго времени.

Выше говорено о плохомъ состояніи земледѣлія. 10 миллъоновъ гектаровъ лежало подъ паромъ; въ 1860 году было такой земли только 5 миллъоновъ, и каждый гектаръ воздѣлываемой земли сталъ производительнѣе на $^1/_3$ и $^1/_2$. Въ наиболѣе плодородныхъ мѣстахъ урожай пшеницы былъ самъ-пятъ. Англійскій акръ давалъ 28 boisseaux пшеницы, французскій — только 18 boiss. Англичанинъ получалъ съ равнаго пространства земли 36 фунт. стерл., тогда какъ французъ — только 25 фунт. стерлинговъ.

Натуральныя повинности, по разсчету д'Аржансона, отнимали четверть рабочихъ дней, въ теченіи которыхъ земледѣлецъ ничего не получалъ, или получалъ 15 су за лошадь и повозку, тогда какъ долженъ былъ получать экю (3 франка=60 су). Трудъ земледѣльца, переводя вознагражденіе на количество хлѣба, давалъ ему 959 литровъ пшеницы, теперь тотъ же трудъ даетъ 1851 литръ. Тюрго говоритъ въ своемъ разборѣ вліянія податей на земледѣльца, что у послѣдняго остается, за уплатой повинностей, на немъ лежащихъ, едва 25 — 30 ливровъ на душу въ годъ, считая въ этой суммѣ все, что онъ получилъ отъ своего хозяйства натурой и деньгами. Онъ думаетъ, что таково положеніе земледѣльца-половника не только въ Лиможѣ.

Въ 1784 году приходилось по 125 литровъ хлѣба на душу въ годъ (возможное, а не дѣйствительное потребленіе); въ 1860 году дѣйствительное потребленіе равняется 220 литрамъ, при которыхъ есть еще 100 литровъ ржи. Въ 1784 году 41 на сто жителей потребляли пшеничный хлѣбъ; въ 1860 году $^{2}/_{3}$ населенія ѣдятъ его. Мяса приходилось прежде 18 фунтовъ на душу, теперь 28 фунт. Такимъ образомъ несомнѣнно, что заработокъ, питаніе, одежда, жилище, — все это было почти вдвое хуже, чѣмъ теперь. По теперешней жизни легче судить о бѣдственномъ существованіи во время недавняго прошлаго [10]).

Городское населеніе находилось, конечно, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ сельское, но и тутъ мы встрѣчаемся съ принципомъ привиллегіи, проникавшимъ всю тогдашнюю жизнь и тормозившимъ столько же развитіе промышленной и торговой дѣятельности, сколько онъ давилъ все крестьянское населеніе. Правда, промышленники и торговцы давно уже вышли изъ положенія

вассаловъ, избавились отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ феодаламъ, но за то они сами организовались по феодальному, сдѣлавъ изъ промысла привилегію, ставшую современемъ почти что наслѣдственною. Ниже будетъ разсказано о развитіи цеховой организаціи; теперь достаточно будетъ указать, что цеховая организація была тяжела для массы подмастерьевъ, которые волей неволей должны были служить мастерамъ, не имѣя права работать отъ себя и за свой счетъ; она искусственно задерживала увеличеніе численности промышленнаго класса, такъ какъ вступленіе въ цехъ, даже въ качествѣ ученика, сопряжено было съ немаловажными затрудненіями; она задерживала развитіе промышленной техники, такъ какъ цеховые регламенты, санкціонированные со времени Кольбера правительствомъ, строго преслѣдовали всякое отступленіе отъ установленныхъ правилъ, какъ въ способахъ производства, такъ и въ отношеніи сорта и качества продуктовъ.

Наконецъ, цеховая организація служила серьезнымъ препятствіемъ замѣнѣ мастерской мануфактурою, а этой послѣдней—фабрикою. Не придавая особенной важности послѣднему обстоятельству, такъ какъ развитіе машиннаго производства наступаетъ послѣ смерти цеховъ, мы настаиваемъ на томъ, что цеховая организація, разсчитанная на мастерскую, не признававшая мануфактуры, служила препятствіемъ развитію послѣдней и, такимъ образомъ, не допускала воспользоваться тѣми выгодами, которыя являются результатомъ раздѣленія труда. Она искусственно удерживала промышленность на высшихъ издержкахъ производства въ ущербъ народному хозяйству. Если мануфактуры и развиваются, то не благодаря цеховой организаціи, а помимо ея и противъ ея, такъ какъ таковы были требованія времени, находившія иногда поддержку въ пра-

вительствѣ. Все же, однако, онѣ были исключеніемъ изъ общаго правила.

Ставши анахронизмомъ во многихъ отношеніяхъ, цехи не были столь выгодными и для самихъ мастеровъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Безконечные процессы изъ за нарушенія привиллегій разоряли ихъ, и значительное число цеховъ было обременено неоплатными долгами. Правительство, особенно въ XVIII вѣкѣ, обременяло ихъ бюджетъ, создавая разныя цеховыя должности и обязывая покупать послѣднія. Чѣмъ чаще случались затрудненія казны, тѣмъ чаще цехи принуждаемы были дѣлать взносы за дипломы на такія никому ненужныя должности

Цехъ не былъ единственнымъ въ городѣ представителемъ принципа привиллегіи. Самъ городъ былъ своего рода феодаломъ и, потерявъ свою автономію, сохранилъ многія привиллегіи. Городъ пользовался правомъ взиманія ввозныхъ пошлинъ (octroi), затѣмъ идутъ пошлины, взимаемыя съ продуктовъ въ пользу разныхъ городскихъ должностныхъ лицъ, а иногда и въ пользу сеньора. Всѣ такія пошлины ложились главнымъ образомъ на предметы первой необходимости.

За пошлинами слѣдуютъ разнаго рода ограниченія и запрещенія по части торговли, разсчитанныя на то, чтобы дать на городскомъ рынкѣ своимъ торговцамъ и промышленникамъ преимущество предъ чужими. Наконецъ бывали и banalités, совершенно такія же, какъ и у феодаловъ. Руанъ, напр., имѣлъ мельницы, на которыхъ обязаны были молоть хлѣбъ всѣ горожане, а такъ какъ городскія мельницы не удовлетворяли всей потребности въ помолѣ, то горожанамъ предоставлялось молоть хлѣбъ гдѣ угодно, подъ условіемъ внесенія платы за помолъ въ пользу городскихъ мельницъ.

Благодаря такимъ условіямъ городской жизни, промышленники и купцы не могли пользоваться всѣми

выгодами своего сравнительно лучшаго положенія, а что касается низшихъ классовъ городскаго населенія, собственно рабочихъ, то они представляли собою массу людей, стѣсненныхъ привиллегіями мастеровъ, купцовъ и самаго города. Это были недовольные, которые легко волновались, особенно при невзгодахъ, посѣщавшихъ Францію довольно часто. Въ теченіе 80 лѣтъ (1660—1741) Парижъ подвергался страшной дороговизнѣ двѣнадцать разъ и, надо сказать, это происходило въ значительной степени, благодаря только что указаннымъ условіямъ городской жизни.

Такимъ образомъ общественное положеніе Франціи можетъ быть выражено въ такой формулѣ: привиллегія меньшинства, свободнаго отъ всякихъ тягостей государственныхъ, и полное безправіе большинства, несущаго на себѣ всѣ эти тягости. И надо всѣмъ этимъ царитъ обветшалая абсолютная монархія, на которой лежитъ отвѣтственность за все происходящее въ государствѣ.

Государственныя тягости становились тѣмъ невыносимѣе, что онѣ ложились на бѣднѣйшую часть населенія. Между тѣмъ онѣ и абсолютно были значительны. Общая цифра государственныхъ доходовъ въ 1774 году, т. е. въ годъ вступленія на престолъ Людовика XVI доходила до 276.734,342 ливр. [1]), что, по общепринятому разсчету, значитъ столько же, сколько 560 милльоновъ въ настоящее время. Но не эта сумма только составляла тяжесть, лежавшую на платежныхъ силахъ народа. Мы видѣли выше, что духовенство собирало 123 милл. въ видѣ десятины, да феодальные поборы духовенства деньгами и натурой оцѣнивались въ 100 милл., что вмѣстѣ съ доходами государства составляетъ уже сумму почти въ 600 милл. Но это еще не все. Въ суммѣ государственныхъ до-

ходовъ мы видимъ только то, что дѣйствительно поступало въ казну, а не то, что взималось съ плательщиковъ. Нужно помнить, что расходы по взиманію налоговъ были очень значительны вслѣдствіе сложности финансоваго механизма, а также и вслѣдствіе того, что главные косвенные налоги, какъ-то: соляной, табачный, питейный и др.. были на откупу. Мы видимъ поэтому, что въ бюджетѣ 1776 года валовой доходъ исчислялся въ 370 милл., тогда какъ чистый равняется 214 милл., а разница въ 156 милл. не попадала въ казну, и изъ нея 89½ милл. оставалось у откупщиковъ и болѣе 37½ м. составляли расходъ по взиманію такъ наз. общихъ налоговъ (Recettes générales des finances=taille, capitation, vingtièmes [12]). Указанные 156 милл. мы должны, слѣдовательно, прибавить къ полученной нами выше цифрѣ, выражающей расходъ плательщиковъ (600 м.), что составляетъ уже около 756 м. Мы забыли еще натуральныя повинности (дорожную, постойную и по транспортировкѣ войска), которыя тоже лежали тяжелымъ бременемъ на народѣ и оцѣнивались по меньшей мѣрѣ въ 21.000,000 L. [12b]).

Такимъ образомъ расходы плательщиковъ достигаютъ огромной цифры, которая была совершенно не по плечу тогдашнему богатству страны. Но значеніе этой цифры станетъ яснѣе тогда, когда мы примемъ въ разсчетъ, что всѣ прямые налоги взимались почти исключительно съ сельскаго и низшаго городскаго населенія, что главная масса косвенныхъ налоговъ лежала на той же части населенія, что, наконецъ, всѣ феодальные доходы, десятина духовенства и т. д. получались изъ того же источника;— тою же массою бѣднаго населенія, доведеннаго до безъисходнаго положенія, отбывались и натуральныя повинности. Не удивительно, поэтому, что увеличивавшіеся государственные расходы не могли покрываться соотвѣтственнымъ возрастаніемъ нало-

говъ, такъ какъ въ напряженіи платежной силы есть предѣлъ, котораго не въ силахъ отодвинуть никакая человѣческая сила, безъ поднятія благосостоянія страны.

Такимъ образомъ въ бюджетѣ 1726 года мы еще видимъ легкій перевѣсъ доходовъ надъ расходами. Со времени Флери,—этого человѣка, экономнаго до скупости,—начинается дефицитъ, который, въ послѣдніе годы предъ революціей, шелъ впередъ гигантскими шагами. Доходы въ 1726 году равнялись 183 м., въ 1774 г. они дошли до 276 м.; но возрастаніе расходовъ шло еще скорѣе, съ 182 м. въ 1726, они въ 1774 г. поднялись до 325 м. Дефицитъ въ 48574476 ливровъ былъ наслѣдствомъ, принятымъ Тюрго отъ аббата Террэ.

Дефицитъ пополнялся обыкновенно заборомъ доходовъ впередъ, что производилось частію чрезъ посредство откупщиковъ (fermiers généraux), частію чрезъ королевскихъ банкировъ и, конечно, дѣлалось на условіяхъ, невыгодныхъ для казны. Долгъ государственный возрасталъ, и въ моментъ вступленія аббата Террэ (1769 г.) онъ составлялъ 110 м., не считая 161 м. доходовъ, забранныхъ впередъ. Посредствомъ «банкротствъ, несправедливостей и грабежа» (spoliations) онъ успѣлъ, по его словамъ, сократить дефицитъ и вмѣстѣ съ нимъ и заборы доходовъ впередъ до вышеуказанной цифры; но такіе способы подрывали въ конецъ государственный кредитъ [12]). Финансовое положеніе Франціи было такимъ образомъ отраженіемъ ея экономическаго состоянія и вполнѣ оправдывало афоризмъ Кэне: «бѣдны мужики—бѣдно государство». Если кому либо жилось хорошо при такомъ положеніи финансовъ, такъ это откупщикамъ. Они наживались и на счетъ народа, выжимая изъ него все, что только было возможно, и

на счетъ казны, ссужая ей деньги. Когда счеты съ ними были сведены учредительнымъ собраніемъ, казна осталась у нихъ въ долгу на $48^1/_2$ м. ливровъ, да ихъ состояніе оцѣнивалось въ 250 м. (на 60 чел.) Состояніе только 3-хъ откупщиковъ: Давида, Салазара и Маже (David, Salazar & Mager) оцѣнивали въ 180 м. [14]).

Такія колоссальныя богатства служатъ самымъ сильнымъ осужденіемъ финансовой системы, жертвовавшей интересами огромнаго большинства въ пользу нѣсколькихъ лицъ и безъ всякой пользы для государства. Хроническій дефицитъ доказываетъ очевиднымъ образомъ невозможность дальнѣйшаго продолженія финансовой системы, постановившей себѣ за правило: «чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ больше плати», и сдѣлавшей единственнымъ источникомъ государственнаго дохода пустой карманъ бѣднѣйшаго класса населенія. Рано или поздно, — это былъ вопросъ времени и притомъ весьма непродолжительнаго, —государству должна была предстать альтернатива: признать себя банкротомъ, или заблаговременно прибѣгнуть къ другимъ источникамъ дохода. Но такъ какъ и вслѣдъ за банкротствомъ неизбѣжно было въ концѣ концовъ привлечь къ несенію государственныхъ тягостей состоятельные классы, то въ итогѣ будетъ всетаки необходимость отмѣны основнаго принципа «стараго порядка» —привиллегіи, проникавшей весь общественный и государственный строй тогдашняго времени. Такимъ образомъ революція въ смыслѣ основнаго измѣненія общественныхъ и государственныхъ отношеній была неизбѣжна, и ясно, что финансовыя затрудненія станутъ ея поводомъ. Умные люди того времени, какъ Вольтеръ, Тюрго, понимали это очень хорошо и предвидѣли опасность. Отъ правительства Людовика XV ждать было нечего, царствованіе Людовика XVI должно было рѣшить вопросъ: произойдетъ ли революція по почину и подъ руководствомъ

правительства, или послѣднее, выпустивъ руль изъ рукъ, само будетъ снесено вихремъ начавшейся бури.

Людовикъ XVI. — Тюрго.

10 мая 1774 года кончилось позорное царствованіе Людовика XV, и на престолъ Франціи вступилъ Людовикъ XVI. Это былъ молодой человѣкъ двадцати лѣтъ, добрый, по своей семейной нравственности служившій живымъ укоромъ распущенности дѣда и его приближенныхъ, не лишенный природной способности и воодушевленный самымъ искреннимъ желаніемъ добра своему народу. Оставаясь частнымъ человѣкомъ, или вращаясь на небольшой общественной сценѣ, онъ несомнѣнно былъ бы у мѣста; даже на посту короля Франціи, онъ не оказался бы въ неловкомъ положеніи, если бы ничего большаго не требовалось, какъ только продолжать начатое, отказываясь отъ всякаго серьезнаго *почина*.

Но не таково было наслѣдіе, доставшееся Людовику XVI отъ предковъ. Дальше по старымъ путямъ идти было некуда, надобно было открывать новые. Для такого дѣла нуженъ духъ иниціативы, а его не было у молодаго короля. Умъ его былъ тяжелъ и къ тому же непривычный къ сильному напряженію. На сколько король былъ хорошимъ, неутомимымъ слесаремъ, на столько онъ былъ плохимъ мыслителемъ, и сколько нибудь серьезное умственное напряженіе скоро утомляло его.

Чтобы проложить новый путь, по которому Франція могла бы выдти изъ того опаснаго положенія въ которомъ находилась, нужно было имѣть опредѣленную

программу дѣйствій опирающуюся на ясно сознанные принципы: безъ этого можно было бы жить изо дня въ день, влачить жалкое существованіе, пока старая обветшалая машина не рухнетъ въ пропасть, зіявшую уже впереди. А между тѣмъ этого главнаго условія политической дѣятельности, — а въ трудныя минуты ея безусловно необходимаго, — у Людовика XVI не было. Онъ зналъ — и то въ неопредѣленной формѣ, — что положеніе Франціи дурно; ни воспитаніе, ни опытъ (вѣдь ему было лишь 20 лѣтъ) не дали ему никакого представленія о необходимыхъ реформахъ, исключая развѣ того, что надо жить экономнѣе. И до конца царствованія мы не видимъ у него опредѣленнаго плана дѣйствій.

Для перестройки государственно-общественной жизни, — предположимъ, что планъ на лицо, — неизбѣжно было вступить въ борьбу со множествомъ предразсудковъ и, что можетъ быть еще труднѣе, задѣть множество частныхъ интересовъ; при томъ эти предразсудки и интересы принадлежатъ людямъ близкимъ, съ которыми постоянно находишься въ соприкосновеніи. Для такого дѣла требуется недюжинная энергія и сила воли. А между тѣмъ этихъ качествъ меньше всего было у Людовика XVI. Онъ не могъ противостоять малѣйшему давленію, и въ самые серьезные моменты своей жизни онъ отказывался болѣе чѣмъ скоро отъ принятаго рѣшенія и терялъ позицію за позиціей.

Жена его, девятнадцатилѣтняя Марія Антуанетта, не могла восполнить своимъ вліяніемъ ни одного изъ недостатковъ его. Женщина живаго ума, она не могла сосредоточиться на какой либо серьезной мысли. Страстная охотница до нарядовъ, театра, баловъ и всякихъ удовольствій, она посвящала имъ сначала все свое вниманіе и совершенно равнодушно относилась къ поли-

тикѣ, устраняясь не безъ умысла отъ всякаго политическаго вліянія. Но за то тамъ, гдѣ дѣло касалось ея лично, когда слѣдовало выхлопотать награду любимцу, отомстить человѣку, заслужившему неблаговоленіе, тогда она была настойчива и всегда легко подчиняла своей волѣ короля. Она была добра, но за то гордость ея не переносила ни малѣйшаго удара, и тутъ она была злопамятна. Государственные вопросы у нея сводятся часто на личныя отношенія и потому-то вліяніе ея на мужа стало фатальнымъ, когда она стала вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Она низвергла Тюрго за отказъ въ 500,000 фр. и за содѣйствіе отозванію французскаго посла въ Лондонѣ Гина (Guines). Она никогда не могла простить Лафайету его покровительства во время октябрьскихъ дней и поддерживала Петьона на выборахъ въ мэры Парижа, лишь бы не прошелъ Лафайетъ; подъ ея вліяніемъ отклонено королемъ его предложеніе поддержки послѣ демонстраціи 20 іюня, когда Лафайетъ заявлялъ совершенно искренно рѣшимость возстановить потрясенный авторитетъ правительства.

Такимъ образомъ съ этой стороны нисколько не восполнялись недостатки Людовика XVI, какъ правителя. Онъ самъ чувствовалъ необходимость руководителя и, въ виду скорой смерти дѣда, занялся этимъ вопросомъ. Помощь ему оказалъ списокъ лицъ, составленный его отцомъ. Въ этомъ спискѣ давались совѣты, на кого и на сколько можно было положиться.

Тетки короля своими совѣтами также принимали участіе въ выборѣ. Изъ лицъ, указанныхъ въ спискѣ, остановились на двухъ: Машо и Морепа. Оба были министрами при Людовикѣ XV, оба были въ опалѣ. Первый, человѣкъ твердаго характера, пользовался репутаціей честнаго и прямаго человѣка и былъ опытенъ

въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ былъ генеральнымъ контролеромъ и его управленіе не осталось безслѣднымъ. Онъ ограничилъ права духовенства на пріобрѣтеніе имуществъ по духовнымъ завѣщаніямъ и дарственнымъ записямъ; ему же принадлежитъ установленіе налога vingtième, который долженъ былъ ложиться на всѣ классы безразлично. Покойный дофинъ очень рекомендовалъ этого государственнаго человѣка и на немъ остановился сначала выборъ короля и его тетокъ. Но Машо нажилъ себѣ враговъ въ духовенствѣ и, кажется, подъ вліяніемъ этихъ отношеній сдѣланный выборъ оставленъ, и вмѣсто Машо былъ призванъ Морепа [15]). Итакъ первый шагъ Людовика XVI, наканунѣ вступленія на престолъ, есть шагъ не самостоятельный и, нельзя сказать, чтобъ удачный.

Морепа былъ старый придворный, попавшій въ опалу за эпиграмму на Помпадуръ. Онъ не имѣлъ никакой политической программы и вполнѣ принадлежалъ къ кружку Людовика XV по своему взгляду на государственную жизнь. «Жить день за днемъ, не заботясь о будущемъ» — таковъ былъ взглядъ на людей этого кружка. Привыкши къ придворной атмосферѣ, онъ считалъ тѣ мелкія средства и интриги, которыми одерживаются придворныя побѣды, годными для управленія государствомъ. Зная по опыту, какое значеніе можетъ имѣть при дворѣ во-время сказанное остроумное слово, онъ полагалъ возможнымъ остротами рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы. Онъ былъ человѣкъ, глубоко равнодушный къ общественному благу, эгоистъ чистой воды, котораго если могло что либо связывать съ общественнымъ мнѣніемъ, то развѣ жажда популярности или, вѣрнѣе говоря, тщеславіе, стремленіе къ тому чтобы о немъ говорили. Вліяніе этого бездушнаго старика на молодаго короля, въ первые годы его цар-

ствованія, когда многое могло быть сдѣлано, — оказалось, какъ увидимъ, фатальнымъ.

На первыхъ порахъ, однако, его совѣты встрѣчены были всеобщимъ одобреніемъ: отчасти они были даны ради послѣдняго, отчасти въ силу требованій придворной жизни. Д'Эгильонъ былъ тотчасъ же удаленъ. Онъ былъ слишкомъ близокъ къ г-жѣ Дюбари, чтобы могъ быть терпимымъ хоть минуту молодымъ королемъ, а особенно королевой. Такъ какъ онъ соединялъ въ своемъ лицѣ обязанности двухъ министровъ: военнаго и иностранныхъ дѣлъ, то теперь назначены были на его мѣсто два лица: Верженнъ и Мюи. Первому поручены были иностранныя дѣла, второму — военныя. Оба они были благочестивые люди: первый пользовался репутаціей искуснаго дипломата, второй былъ человѣкъ прямой и сторонникъ дисциплины и экономіи. Ни тотъ, ни другой, однако, не принадлежали къ числу новаторовъ, а потому для дѣла реформы назначеніе ихъ было безразлично.

Но общественное мнѣніе далеко не было удовлетворено отставкой d'Эгильона: оставались еще Мопу и Терре. Первому не могли простить уничтоженія парламентовъ, какъ послѣдней, хотя и весьма слабой преграды королевскому произволу; второй не могъ быть терпимъ за свои финансовыя мѣропріятія, которыми онъ самъ хвастался, именуя ихъ банкротствомъ, грабежомъ и несправедливостью. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ обществѣ Малиссе, извѣстномъ подъ именемъ Pacte de Famine. Эта компанія спекулировала хлѣбомъ, пользуясь отсутствіемъ свободы хлѣбной торговли и поддержкой министра, который всегда во-время для компаніи издавалъ разрѣшенія и запрещенія вывоза хлѣба. Самъ король принималъ денежное участіе въ дѣлахъ этой шайки. Сказаннаго достаточно, чтобы понять

непопулярность аббата Террэ. Когда его отставка и отставка Мону были объявлены, всеобщая радость высказалась самымъ шумнымъ образомъ. Въ Парижѣ устроены были фейерверки, иллюминація, и народная ненависть къ павшимъ министрамъ выразилась въ томъ, что повѣшены были торжественно чучела, изображавшія отставленныхъ министровъ. Самъ Террэ едва не былъ брошенъ толпою въ прудъ въ Шуази [16]). Торговки Парижа (poissardes), пользовавшіяся привиллегіей являться поздравлять короля съ именинами (25 августа, отставка министровъ послѣдовала 24), выразили радость по поводу изгнанія министровъ слѣдующимъ каламбуромъ: «Sire, nous venons faire compliment à Votre Majesté de la chasse qu' elle a faite hier, jamais votre grand père n'en a fait une si bonne». Не менѣе сильна была радость по поводу того, что на мѣсто Террэ назначенъ былъ Тюрго, хотя она и не была, да и не могла быть всеобщей. Радовались друзья прогресса и люди, или принадлежавшіе къ одной партіи съ Тюрго, или примыкавшіе вообще къ партіи реформы. Аббатъ Бодо, одинъ изъ выдающихся физіократовъ, горячій приверженецъ и пропагандистъ ихъ системы, давно уже сгоралъ нетерпѣніемъ видѣть портфель министра финансовъ въ рукахъ могучаго представителя своей партіи. Тѣмъ сильнѣе была его радость по поводу состоявшагося назначенія. Еще по поводу назначенія Тюрго морскимъ министромъ, состоявшагося въ началѣ іюля [17]), Кондорсе писалъ Вольтеру:

«Никогда еще въ королевскій совѣтъ не вступалъ «человѣкъ, который соединялъ бы въ себѣ въ такой «степени добродѣтель, мужество, безкорыстіе, привязан«ность къ общественному благу, образованіе и стрем«леніе къ его распространенію. Съ этой минуты (на«значенія Тюрго) я сплю такъ спокойно, какъ будто я

«нахожусь подъ покровительствомъ всѣхъ законовъ «Англіи. Я даже почти пересталъ интересоваться об«щественными дѣлами: такъ я увѣренъ, что они дол«ны пойти хорошо. Тюрго—одинъ изъ вашихъ почита«телей и одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ друзей; по«этому мы имѣли бы свою особенную причину радо«ваться его назначенію, еслибы особенныя причины мог«ли имѣть мѣсто въ такомъ дѣлѣ»...

Самъ Вольтеръ писалъ тогда же Тюрго,—выражая свою радость по поводу случившагося: «Кондорсе пи«шетъ мнѣ, что онъ полагаетъ начало своему счастію «лишь съ того дня, какъ Тюрго назначенъ государ«ственнымъ секретаремъ».

«А я долженъ Вамъ сказать, что считаю себя «весьма несчастнымъ, ибо собираюсь умирать въ то «время, когда добродѣтель и выдающійся умъ на мѣ«стѣ (la vertu et la raison supérieure en place). Вы «будете завалены комплиментами правдивыми и вы бу«дете почти единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ «это случилось. Я далекъ отъ того, чтобы просить у Васъ отвѣта: напѣвая себѣ глухимъ басомъ De profundis, я пою за Васъ: «Te Deum laudamus».

Кондорсе не былъ физіократомъ, Вольтеръ точно также; но они представители всѣхъ сторонниковъ царства разума, представители партіи, на сторонѣ которой было будущее. Вольтеръ одинъ стоилъ цѣлой партіи, какъ и замѣтилъ одинъ изъ современниковъ, узнавъ о томъ, что онъ поддерживаетъ физіократовъ [11]). «Назначеніе Тюрго генеральнымъ контролеромъ (финансовъ) встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ», говорится въ корреспонденціи Метра: [12]) «Вы бы видѣли взрывъ всеобщей радости», говоритъ г-жа Эспинасъ по поводу того же событія.

Но нигдѣ радость не была такою всеобщей, какъ въ Лиможѣ. Тамъ радовались не только люди просвѣ-

щенные, понимавшіе политическое значеніе назначенія Тюрго министромъ, но и все населеніе, видѣвшее его практическую дѣятельность на пользу общую. Какъ только вѣсть о назначеніи его пришла въ городъ, муниципальныя власти и жители города устроили общественный праздникъ съ фейерверкомъ. Среди потѣшныхъ огней устроенно было вращающееся солнце, на которомъ была надпись: «Vive Turgot». Толпа привѣтствовала криками эту надпись. На главныхъ городскихъ воротахъ поставленъ былъ и освѣщенъ гербъ Тюрго, на которомъ была надпись: «Restauratori». Крестьяне прервали свои страдныя работы и отслужили молебенъ по поводу назначенія въ министры ихъ добраго интенданта. Ихъ радость была смѣшана съ печалью: они жалѣли, что его больше не будетъ у нихъ.

По поводу паденія Террэ и назначенія Тюрго сочинены были стихи, выражавшіе надежду на улучшеніе дѣлъ:

„Grâce au bon Roi qui règne en Erance
„Nous allons voir la poule au pot!
„Cette poule c'est la Finance
„Que plumera le bon Turgot.
„Pour cuire cette chair maudite
„Il faut la Grève pour marmite
„Et l'abbé Terray pour fagot“.

Человѣкъ, назначеніе котораго вызвало такой всеобщій энтузіазмъ, былъ дѣйствительно рѣдкій и въ высшей степени замѣчательный.

Едва ли можно было подыскать въ то время человѣка, болѣе подготовленнаго къ той трудной задачѣ, которая сама собою навязывалась всякому генералъ-контролеру, который захотѣлъ бы не топтаться на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи наступленія катастрофы, а

двинуться, дабы избѣжать послѣдней. Тюрго былъ человѣкъ очень широкаго образованія и при томъ не поверхностнаго, а настолько глубокаго, что онъ могъ бы выступать съ самостоятельнымъ взглядомъ и сужденіемъ во многихъ изъ тѣхъ отраслей знанія, къ которымъ онъ былъ прикосновененъ. Ученикъ Кенэ и Гурнэ, значитъ экономистъ по спеціальности, онъ оставилъ по себѣ слѣдъ трактатомъ въ высшей степени оригинальнымъ и важнымъ въ исторіи экономической науки (Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ). Читая его, вы видите физіократа, который, кажется, вотъ-вотъ скажетъ, что трудъ есть источникъ богатства народовъ и тѣмъ предвосхититъ мысль своего знакомаго шотландца, знаменитаго автора «Изслѣдованій о сущности и причинѣ богатства». Поэтому то Кауцъ и Келлнеръ ставятъ его внѣ чистыхъ физіократовъ и видятъ въ его экономическихъ воззрѣніяхъ непосредственный переходъ къ ученію Смита. Исторія также была предметомъ работы его пытливаго ума. Его рѣчи и планы рѣчей изобличаютъ человѣка, сумѣвшаго окинуть взглядомъ весь длинный путь, пройденный человѣчествомъ и подмѣтить направленіе его движенія. Тюрго не раздѣлялъ теоріи Вико и былъ сторонникомъ теоріи прогресса. Самое начало человѣческой цивилизаціи, уходящее все дальше въ глубь вѣковъ по мѣрѣ расширенія изслѣдованій, интересовало нашего пытливаго мыслителя. Обобщая наблюденія, сдѣланныя надъ жизнію американскихъ племенъ и сопоставляя ихъ съ данными историческими, онъ пытался представить себѣ существенныя формы жизни первобытнаго человѣка, а потомъ объяснить себѣ происхожденіе государства. Въ этихъ разсужденіяхъ (напр., о происхожденіи государства и монархіи) онъ совершенно самостоятеленъ.

Первобытная исторія связана съ лингвистикой. Тюр-

го и сю занимался. Зная хорошо классическіе языки, на столько хорошо, что онъ могъ говорить и писать на нихъ, онъ не только занимался на досугѣ переводами древнихъ писателей, но также и этимологіей. Онъ написалъ объ этомъ предметѣ статью въ энциклопедіи, а затѣмъ сдѣлалъ критическій разборъ сочиненія Монертюи о происхожденіи языковъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ мы видимъ человѣка, хорошо изучившаго дѣло и разсуждающаго объ немъ самостоятельно. Въ заключеніе укажу на письмо къ Бюфону, на знакомство съ Лавуазье, чтобы указать, что и естественныя науки не были ему чужды, такъ же какъ и географія, для которой онъ даже составилъ планъ ея построенія. Такимъ образомъ въ Тюрго мы видимъ сына XVIII вѣка, создавшаго энциклопедію,— и онъ былъ энциклопедистомъ сознательно на томъ основаніи, что науки тѣсно связаны между собою и другъ друга поддерживаютъ. Но голова Тюрго не была складомъ фактовъ, сложенныхъ, положимъ, въ порядкѣ; она господствовала надъ ними; его умъ отличался ясностью и послѣдовательностью. Возьмите его размышленія о богатствѣ, или мелкія статьи для энциклопедіи, или, наконецъ, его циркуляръ, особенно предисловіе къ законамъ, — вы увидите всюду замѣчательно ясное пониманіе и изложеніе сущности дѣла рядомъ съ знаніемъ мельчайшихъ подробностей; послѣднія никогда не подчиняютъ его себѣ; напротивъ онъ остается господиномъ надъ ними.

Сильная теоретическая мысль и ученыя занятія сочетались въ Тюрго съ большимъ запасомъ практическихъ свѣдѣній. Онъ жилъ не кабинетной жизнью, а жизнью человѣка, близко стоявшаго къ государственной жизни и лично въ ней участвовавшаго. Еще въ качествѣ молодого парламентскаго чиновника (maître de requêtes) онъ совершалъ экскурсіи вмѣстѣ съ Гурнэ для ознакомленія съ положеніемъ французской промы-

пленности. Гурнэ былъ интендантомъ промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ теоретически занимался экономическими вопросами. Экскурсіи съ нимъ имѣли большое значеніе. Онѣ вліяли на выработку взглядовъ Тюрго на промышленность и торговлю, въ значительной степени отличавшихся отъ взглядовъ физіократовъ. Во время этого же непосредственнаго знакомства съ промышленной жизнью при томъ подъ руководствомъ такого знатока дѣла какъ Гурнэ, Тюрго укрѣпился въ идеѣ свободы торговли и промышленности. Затѣмъ въ теченіи тридцати лѣтъ онъ былъ интендантомъ Лиможа и въ теченіи всего этого времени всецѣло отдавался мѣстнымъ административнымъ и хозяйственнымъ вопросамъ. Каждый годъ онъ объѣзжалъ всѣ закоулки своего интендантства и лично вникалъ во все. Достаточно просмотрѣть его работы во время голода, ежегодные отчеты, подававшіеся министру, чтобы видѣть до какихъ подробностей онъ зналъ дѣла своей провинціи.

Кадастръ, пути сообщенія, хлѣбная торговля, кустарные промыслы, рекрутскій наборъ, раскладка налоговъ, благотворительныя работы,—вотъ дѣла, которыя занимали его и которыя ему извѣстны до самыхъ мельчайшихъ подробностей. А вѣдь всѣ эти дѣла были въ томъ же положеніи и во всей Франціи съ небольшими варіяціями.

Каждый годъ Тюрго ѣздилъ въ Парижъ и такимъ образомъ поддерживалъ связи съ научнымъ и литературнымъ міромъ,—связи, которыя ему всегда были дороги; онѣ не допускали его потонуть въ провинціальной глуши съ ея узкими интересами и взглядами.

Но и у себя въ провинціи онъ поддерживалъ научныя и литературныя связи. мало того — возбуждалъ интересъ этого рода въ мѣстномъ обществѣ. Въ Лиможѣ онъ былъ председателемъ королевскаго земледѣль-

ческаго общества и принималъ живое участіе въ его работахъ: онъ написалъ нѣсколько рецензій, сочиненій, представленныхъ въ Общество для полученія преміи. Надо сказать, что главнѣйшія сочиненія Тюрго, какъ то: «Reflexions sur la formation et la distribution des richesses», «Valeurs et monnaies», «Memoire sur le frêt d'argent», «Lettres sur la liberté du commerce de grains», «Memoire sur les mines», написаны были во время пребыванія его въ Лиможѣ.

Нечего послѣ этого и говорить, что Тюрго былъ, что называется, работящій человѣкъ. У него дѣло спорилось. Извѣстно, что онъ писалъ свои письма о свободѣ хлѣбной торговли во время зимняго, крайне утомительнаго путешествія по гористымъ мѣстностямъ своей провинціи. А между тѣмъ эти письма—цѣлый трактатъ по данному предмету (они занимали 150 листовъ).

Но всѣ эти выдающіяся качества пріобрѣли Тюрго симпатію населенія управляемой имъ провинціи благодаря его беззавѣтной преданности общественному благу, исключавшей и тѣнь какой либо корысти. Онъ два раза отказывался отъ перевода на лучшій постъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что такой переходъ съ мѣста на мѣсто умалитъ ту долю пользы, которую онъ можетъ принести. Во время голода въ Лиможѣ онъ не только развиваетъ изумительную дѣятельность въ борьбѣ съ несчастіемъ, не только вымаливаетъ у правительства необходимую помощь, но и употребляетъ всѣ свои личныя средства, весьма небольшія, весь свой кредитъ для помощи населенію. Въ своихъ представленіяхъ въ министерство онъ изъ года въ годъ твердитъ о бѣдственномъ положеніи провинціи и о непомѣрномъ ея обремененіи налогами; а это значитъ, при порядкахъ того времени, вредить своей служебной карьерѣ.

Но Тюрго не справлялся съ своими личными интересами, когда дѣло шло о правдѣ. Искренность была основнымъ свойствомъ его натуры. Ему горестно лицемѣріе всякаго рода; сдѣлки съ совѣстью для него невозможны. Когда онъ кончалъ свои богословскія занятія, приготовляясь къ духовному поприщу, онъ увидѣлъ, что его убѣжденія не подходятъ къ этому званію. Онъ пишетъ объ этомъ отцу, откровенно мотивируя этимъ свое твердое рѣшеніе отказаться отъ духовнаго званія. Отецъ одобрилъ рѣшеніе сына, но друзья его, аббаты Верри, Сиее, de Brienne и de Bouaqueline (впослѣдствіи почти всѣ высшіе сановники духовной іерархіи) были другаго мнѣнія и представляли ему не только всѣ блестящія перспективы, ожидающія его на духовномъ поприщѣ, какъ человѣка талантливаго, но и всю пользу для общества, которую онъ можетъ оказать, благодаря своему положенію. На всѣ эти доводы онъ отвѣчалъ: «Я не могу обречь себя носить «маску въ теченіи всей жизни»; и онъ дѣйствительно никогда не носилъ ея.

Можетъ быть, благодаря этому, онъ иногда не могъ разглядѣть маски на чужихъ лицахъ. Это была слабая сторона его, особенно когда ему пришлось вращаться въ придворной сферѣ, гдѣ все основано на припрятываніи своего «я», и гдѣ самый языкъ, по выраженію Талейрана, созданъ для скрыванія своихъ мыслей. Прибавимъ къ этому, что Тюрго былъ до крайности застѣнчивъ. Мальчикомъ онъ прятался отъ гостей за кресломъ своей матери, взрослымъ онъ даже не могъ говорить свободно въ присутствіи мало знакомыхъ людей. Часто сухость,—результатъ застѣнчивости, — принималась за гордость, грубость и нетерпимость. Это послѣднее качество было въ немъ; это правда, но въ весьма незначительной дозѣ. Благодаря, однако, ригористической правдивости и застѣнчивости.

у него не было даже и той малой степени покладистости, которая необходима въ сношеніяхъ съ людьми при совмѣстной дѣятельности. Я не хочу этимъ сказать, что этотъ недостатокъ покладистости былъ препятствіемъ для общественной дѣятельности: я хочу только замѣтить, что при условіяхъ тогдашней придворной жизни онъ былъ препятствіемъ для успѣха; но не забудемъ, что онъ сторицею выкупался другими достоинствами Тюрго, ставившими его гораздо выше всѣхъ окружающихъ. Если онъ потерпѣлъ, то, какъ увидимъ, не въ немъ вина. Какъ успѣхъ не есть еще оправданіе ни лица, ни системы, такъ и, напротивъ, неудача не есть непремѣнное осужденіе.

Вступленіе Тюрго въ министерство было въ значительной степени случайнымъ. Если на него указывалъ голосъ просвѣщенныхъ людей, то надо имѣть въ виду, что голосъ этотъ не былъ еще въ то время на столько вліятельнымъ, чтобы произвести давленіе на правительство. Призваніе Тюрго одни объясняли тѣмъ, что его школьный товарищъ, аббатъ Верри, рекомендовалъ его г-жѣ Морепа, съ которою былъ въ большой дружбѣ, а та обратила на него вниманіе своего мужа. Другіе говорили, что призывая Тюрго въ министерство, Морепа имѣлъ рекомендацію со стороны герцогини d'Анвилль (d'Enville). Между этими извѣстіями противорѣчія нѣтъ, и они не исключаютъ другъ друга. Наконецъ, самъ король былъ предрасположенъ въ пользу Тюрго. Онъ видѣлъ его въ своемъ совѣтѣ, куда онъ былъ по обычаю приглашенъ предъ своимъ отъѣздомъ въ провинцію [20]). Здѣсь онъ съ большою живостью и энергіей возражалъ министру Террэ, желавшему увеличить налоги, платимые интендантствомъ Лиможа. Тюрго заявилъ, что онъ скорѣе подастъ въ отставку, чѣмъ согласится раззорить несчастный народъ [21]). Вскорѣ послѣ этого случая состоялось его назначеніе въ

морскіе министры. Этотъ постъ былъ только переходною ступенью къ мѣсту генералъ-контролера, и Тюрго занималъ его немного болѣе мѣсяца.

Но мысль стать министромъ финансовъ Франціи въ первую минуту испугала Тюрго, и онъ сталъ было отказываться, когда Морепа отъ имени короля предложилъ ему этотъ постъ. Только уступая настояніямъ Морепа, онъ согласился. Когда онъ пришелъ къ королю благодарить за оказанное довѣріе, король сказалъ ему: «Вы, однако, вѣдь не хотѣли быть генералъ-контролеромъ?» «Государь», отвѣтилъ Тюрго, «я при-«знаюсь, что предпочелъ бы морское министерство, «какъ мѣсто болѣе прочное, и гдѣ я могъ бы съ боль-«шею увѣренностью надѣяться сдѣлать больше добра; «но въ настоящую минуту я отдаю себя въ Ваши ру-«ки не столько какъ короля, сколько честнаго человѣ-«ка». Король взялъ его за обѣ руки и сказалъ: «Вы не ошибетесь» [22]). Черезъ нѣсколько дней послѣ того Тюрго, пользуясь разрѣшеніемъ короля, адресовалъ ему письмо, въ которомъ изложилъ въ общихъ чертахъ ту финансовую программу, которую король обѣщалъ поддерживать. Это письмо развиваетъ три положенія, выраженныя съ лаконической ясностію: «Не должно быть ни банкротства, ни увеличенія налоговъ, ни новыхъ займовъ».

Не только отрицается явное банкротство, но и всякое маскированное уклоненіе отъ выполненія обязательствъ принятыхъ на себя государствомъ. Увеличеніе налоговъ отрицается въ силу безвыходнаго положенія народа; но это не исключаетъ, по мнѣнію Тюрго, увеличенія доходовъ государства, которое возможно при болѣе равномѣрномъ распредѣленіи налоговъ и при замѣнѣ налоговъ тяжелыхъ и разорительныхъ другими налогами, болѣе справедливыми и не падающими всею тяжестью на низшій класъ народа.

Новые займы невозможны, но и тутъ возможно облегченіе государства посредствомъ замѣны займовъ по высшимъ процентамъ займами, болѣе выгодными.

Но всѣмъ этимъ мѣрамъ должно предшествовать сокращеніе расходовъ, дабы не только не было дефицита, но былъ бы излишекъ милльоновъ въ двадцать. Безъ этого, говоритъ Тюрго, первый пушечный выстрѣлъ приведетъ государство къ банкротству. Для осуществленія экономіи въ государственныхъ расходахъ необходимо, чтобы всѣ министры, при составленіи своихъ смѣтъ, входили въ соглашеніе съ генералъ-контролеромъ, и безъ такого соглашенія не производили расходовъ. Далѣе, слѣдуетъ, чтобы самъ король былъ менѣе щедръ въ своихъ милостяхъ. «Вамъ, Го«сударь», говоритъ Тюрго, «слѣдуетъ вооружиться «противъ Вашей собственной доброты и притомъ Ва«шею же добротою. Подумайте, откуда получаются «деньги, которыя вы можете распредѣлять между Ва«шими придворными, и сравните бѣдственное положеніе «тѣхъ, у кого приходится часто вырывать деньги помощію «самыхъ строгихъ мѣръ, съ положеніемъ тѣхъ, которые «пользуются наибольшимъ удобствомъ (plus de titres) для «того, чтобы пользоваться Вашими щедротами. Есть мило«сти, которыя легче расточаются, потому что онѣ не ло«жатся непосредственно на государственную казну. Та«ковы обезпеченные доходы (intérêts) croupes» (этимъ названіемъ обозначались суммы платившіяся членамъ королевской фамиліи откупщиками государственныхъ доходовъ) «и привиллегіи. Они наиболѣе опасны и до«ступны злоупотребленіямъ. Всякій излишекъ въ поступ«леніи налоговъ, не необходимый для ихъ взиманія, «есть долгъ, предназначенный или для облегченія пла«тельщиковъ или на государственныя нужды». Далѣе Тюрго указывалъ на улучшеніе земледѣлія, уничтоженіе злоупотребленій и улучшеніе способа взиманія по-

датей, какъ на средства, которыя вмѣстѣ съ экономіей способны облегчить народъ, не уменьшая чувствительно государственныхъ доходовъ.

Но онъ хорошо понималъ затрудненія, лежавшія на пути къ осуществленію его намѣреній и откровенно высказалъ королю свои опасенія: «Я предвидѣлъ», говоритъ онъ въ заключеніе своего письма, «что я «одинъ буду въ борьбѣ противъ злоупотребленій «всякаго рода, противъ усилій тѣхъ, которые вы«игрываютъ отъ этихъ злоупотребленій, противъ «массы предразсудковъ, возстающихъ противъ вся«кой реформы, и которые составляютъ такое могу«щественное оружіе въ рукахъ всѣхъ заинтересован«ныхъ въ увѣковѣченіи безпорядка. Мнѣ придется бо«роться противъ природной доброты и великодушія Ва«шего и лицъ, которыя ему особенно дороги. Меня бу«дутъ бояться, я буду ненавидимъ большею частію дво«ра, всѣми тѣми, кто ищетъ милостей. Мнѣ будутъ «приписывать всѣ отказы, меня будутъ изображать «человѣкомъ черствымъ, потому что я буду представ«лять Вашему Величеству, что Вы не должны обо«гащать, въ ущербъ благосостоянія народа, даже «тѣхъ, кого Вы любите. Народъ такъ легко ввести въ «заблужденіе, что можетъ быть я навлеку на себя его «ненависть тѣми самыми мѣрами, которыя будутъ мною «приняты для защиты его противъ притѣсненій. На «меня будутъ клеветать и, можетъ быть, съ вѣроят«ностью, достаточною для того, чтобы лишить меня до«вѣрія Вашего Величества. Я не буду жалѣть потери «мѣста, на которое я разсчитывалъ. Я буду готовъ «отказаться отъ него тотчасъ же, какъ только я по«теряю надежду быть полезнымъ Вашему Величеству; «но Ваше уваженіе, репутація честнаго человѣка, об«щественное расположеніе, которое склонило Вашъ вы«боръ въ мою пользу, мнѣ дороже жизни, и я рискую

«потерять ихъ даже не заслуживъ въ собственныхъ «глазахъ никакого упрека».

Очевидно, что Тюрго не составлялъ себѣ иллюзій на счетъ затрудненій своего будущаго поприща. Если онъ, не смотря на это, вступалъ на него, то единственно полагаясь на обѣщанную поддержку короля. Увы! этотъ человѣкъ самъ требовалъ поддержки; и въ его слабости заключается залогъ неудачи всякой серьезной рѣшительной реформы старыхъ порядковъ. Но тогда эта сторона дѣла еще не выяснилась, а потому возможна была надежда, даже разсчетъ на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, даже при слабой надеждѣ на успѣхъ Тюрго долженъ былъ рѣшиться на опытъ реформы, такъ какъ онъ хорошо понималъ, что въ ней — якорь спасенія, что въ ней—оружіе противъ грядущихъ опасностей, которыя онъ предвидѣлъ также хорошо, какъ и Вольтеръ.

Хлѣбная торговля.

Трудно изложить удовлетворительно судьбы хлѣбной торговли во Франціи, а также и политики правительства по этому вопросу, такъ какъ этотъ предметъ еще не тронутъ исторической литературой [23]). Поэтому по неволѣ приходится ограничиться лишь очень бѣглымъ очеркомъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка вывозъ хлѣба былъ очень свободенъ; съ этого же времени и до Франсуа I эта свобода подвергалась нѣкоторымъ сокращеніямъ. Въ 1537 году Франсуа возстановляетъ свободу внѣшней торговли хлѣбомъ весьма подробнымъ эдиктомъ отъ 20 іюня. Минуя значительный періодъ религіозныхъ войнъ, когда хлѣбная торговля фактически становилась затруднительной, мы встрѣчаемся съ Сюли, реставраторомъ финансовъ и народнаго благосостоянія Франціи.

Его предпочтеніе земледѣлію извѣстно. Развитіе его онъ ставилъ въ зависимости отъ существованія свободы вывоза. По поводу постановленія судей Сомюра, запрещавшаго вывозъ, онъ писалъ Генриху IV: «если каждый судья королевства сдѣлаетъ тоже самое, то скоро подданные Вашего Величества останутся безъ денегъ, а слѣдовательно и Ваше Величество».

Въ 1600 году парламентъ Тулузы обращался къ Сюли съ ходатайствомъ о запрещеніи вывоза хлѣба, но получилъ отказъ, «въ виду вреда подобной мѣры для интересовъ государства». Наконецъ, ради развитія земледѣлія Сюли заботится, чтобы свобода вывоза не оставалась мертвой буквой Дабы открыть рынокъ для французскаго хлѣба, онъ заключилъ съ Голландіей выгодный для нея торговый договоръ [21]). Свобода вывоза хлѣба существовала и послѣ Сюли до 1631 г., когда вывозъ хлѣба былъ запрещенъ. Но это распоряженіе Людовика XIII просуществовало не долго. Во время управленія Мазарини, когда финансами завѣдывалъ Фуке, вывозъ хлѣба былъ разрѣшенъ снова постановленіемъ королевскаго совѣта 24 января 1657 года. Мотивировано разрѣшеніе вывоза тѣмъ, что «жителямъ провинцій, вынужденнымъ продавать свой хлѣбъ (при отсутствіи вывоза) по дурной цѣнѣ, нечѣмъ будетъ платить taille и другіе налоги».

Изъ выисканнаго мотива слѣдуетъ, что собственно торговые и промышленные интересы страны, или интересы земледѣлія не имѣлись въ виду министромъ, когда онъ издавалъ свое распоряженіе [22]).

На совершенно иную почву былъ поставленъ вопросъ хлѣбной торговли Кольберомъ. Устремивъ все свое вниманіе на развитіе французской торговли и промышленности, онъ поставилъ рѣшеніе вопроса о хлѣбной торговлѣ въ зависимости отъ интересовъ мануфактурной промышленности. Такъ какъ ему интересно было удешевить французскіе фабрикаты, то онъ рѣшился удешевить хлѣбъ, главный предметъ продовольствія рабочихъ, и сдѣлать это посредствомъ урегулированія вывоза хлѣба.

Нужно сказать, что тому же рѣшенію регулировать вывозъ хлѣба содѣйствовали и страшныя сцены голода 1662 г., которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ: ци-

чего онъ такъ не боялся, какъ повторенія этихъ событій.

Задавшись этою цѣлью онъ не дѣлалъ никакого общаго распоряженія о разрѣшеніи или запрещеніи вывоза, а принималъ ту или другую мѣру, смотря по состоянію урожая и высотѣ цѣнъ на хлѣбъ. До 1669 года онъ, однако, не дѣлалъ никакихъ постановленій по хлѣбной торговлѣ. За то въ теченіе остальныхъ 14 лѣтъ своей дѣятельности онъ издалъ 29 постановленій по этому предмету. Изъ нихъ 8 постановленій было абсолютно запретительныхъ, останавливавшихъ вывозъ хлѣба въ сложности на 4½ года. Восемь постановленій разрѣшаютъ вывозъ хлѣба съ платою пошлины въ 22 ливра съ muid [26]), установленной тарифомъ 1664 г., пять постановленій разрѣшаютъ вывозъ съ платою ½ или ¼ этой суммы и наконецъ восемь постановленій разрѣшаютъ вывозъ безъ всякихъ пошлинъ.

Въ существѣ дѣла распоряженія Кольбера были равнозначительны запрещенію международной хлѣбной торговли. Серьезныя хлѣбныя спекуляціи требуютъ затраты значительнаго капитала, вызываютъ операціи — разсчитанныя на болѣе или менѣе продолжительные сроки; поэтому ни одинъ значительный негоціантъ, пользующійся кредитомъ за границей, не рѣшится затратить капиталъ въ дѣло, положеніе котораго будетъ совершенно измѣнено черезъ полгода, а можетъ быть, и раньше. Мы знаемъ, что распоряженій Кольбера по хлѣбной торговлѣ было болѣе, чѣмъ два въ годъ; вотъ почему значительные капиталы были отстранены отъ нея и вывозъ сталъ ничтожнымъ. По свидѣтельству Буагильбера и Форбоннe мѣры Кольбера совершенно уничтожили хлѣбную торговлю.

Впослѣдствіи и Гальяни. и Тюрго приписывали отсутствіе серьезныхъ негоціантовъ въ хлѣбной торговлѣ именно зависимости отъ произвола властей. Представ-

женія депутатовъ всѣхъ городовъ, сдѣланныя въ 1701 году коммерческому совѣту, единодушно приписываютъ притѣсненіямъ властей вообще, застой въ торговлѣ, а депутаты Бордо указали, что мало-мальски разбогатѣвшіе купцы оставляютъ дѣла, чтобы только отдѣлаться отъ непріятностей сношенія съ властями.

Цѣль, преслѣдуемая Кольберомъ,—пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, повидимому, была достигнута. Цѣны на хлѣбъ дѣйствительно понизились. Измѣненія въ нихъ происходили въ слѣдующемъ порядкѣ:

съ 1636	по	1645 г.—	12 L.	за	сетье
» 1646	»	1655 »—	17 »	»	»
» 1656	»	1665 »—	18 »	»	»
» 1666	»	1675 »—	10 »	»	»
» 1676	»	1685 »—	10 »	»	» [27])

Но, во первыхъ, низкія цѣны не есть доказательство, что хозяйство идетъ хорошо; современники свидѣтельствуютъ, что низкія цѣны раззоряли земледѣльцевъ, оказавшихся въ плачевномъ состояніи вслѣдствіе значительнаго, нечаяннаго сокращенія рынка, и косвенно дурно отразились на ходѣ мануфактурной промышленности, о которой хлопоталъ Кольберъ. Раззореніе земледѣльцевъ влекло за собой сокращеніе потребленія предметовъ обрабатывающей промышленности, что, конечно, было чистымъ убыткомъ для послѣдней. Во вторыхъ, цѣны хлѣба, продержавшись на низкомъ уровнѣ сравнительно не долгое время, снова поднялись въ послѣднемъ десятилѣтіи XVII вѣка до уровня 50—60-хъ годовъ, когда, замѣтимъ кстати, былъ голодъ 62 года.

Нищета дошла до такой степени, что преемники Кольбера распорядились запретить совершенно вывозъ хлѣба подъ страхомъ конфискаціи груза и платежа въ 500 ливр. штрафа. Эта мѣра, однако, не предотвратила значительной дороговизны 90-хъ годовъ. Затѣмъ, прав-

вда, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, цѣна сильно падаетъ въ первомъ десятилѣтіи XVIII вѣка, но за то въ это же время многія мѣстности Франціи, наиболѣе плодородныя, страдали отъ голода, и населеніе вынуждено было ѣсть кору.

Такое странное явленіе однако объясняется лишь по стольку торговой политикой правительства, по скольку отсутствіе внѣшней торговли хлѣбомъ затрудняетъ своевременный и значительный ввозъ. Но такъ какъ въ 1703 и 1704 годахъ (когда былъ голодъ въ Гіени и Пуату) была война, то, очевидно, что ввозъ былъ затруднителенъ и помимо торговой политики правительства. Гораздо большее вліяніе на ходъ дѣла могла имѣть внутренняя торговля, а между тѣмъ она сама подвергалась во Франціи издавна разнымъ стѣсненіямъ.

Начало стѣсненія внутренней торговли хлѣбомъ, какъ и вообще всей торговли, кроется въ феодальныхъ отношеніяхъ. Каждая сеньорія была отдѣлена отъ другой заставами, на которыхъ взимались провозныя пошлины. Рѣчные пути не составляли исключенія. Серьезный шагъ къ освобожденію внутренней торговли хлѣбомъ сдѣланъ Кольберомъ. Онъ перенесъ заставы съ границъ сеньорій на границы провинцій и пересталъ слѣпо уважать коммунальныя и сеньоріальныя права въ дѣлѣ торговли жизненными продуктами [28]). Торговыя сношенія провинцій другъ съ другомъ онъ старался освободить отъ препятствій. Но такое направленіе политики просуществовало не долго. Преемники Кольбера постарались не только уничтожить внѣшнюю торговлю хлѣбомъ; но въ 1699 г. издали указъ, по которому торговля хлѣбомъ между провинціями была воспрещена совершенно [29]).

Кромѣ общихъ установленій и распоряженій по хлѣбной торговлѣ, еще раньше появились и долго существовали разныя частныя распоряженія и установ-

ленія, которыя оказывали очень сильное вліяніе на хлѣбную торговлю и часто парализовали благія начинанія правительства.

Тюрго относитъ начало регламентовъ по хлѣбной торговлѣ къ царствованію Карла VI и особенное размноженіе ихъ ко времени религіозныхъ войнъ [2]). Общей причиной, создавшей мѣстныя стѣсненія хлѣбной торговли, былъ феодальный принципъ и духъ привилегіи и монополіи, проникавшіе городскую жизнь стараго порядка. Принимаемыя мѣры по хлѣбной торговлѣ диктовались не подъ вліяніемъ государственныхъ интересовъ, а подъ вліяніемъ интересовъ городскихъ торговцевъ и даже какой либо части ихъ; учреждаемыя установленія по хлѣбной торговлѣ въ силу той же причины всегда имѣли въ виду сохраненіе выгодъ какихъ нибудь монополистовъ, или привиллегированныхъ городскихъ чиновниковъ. Правда, обезпеченіе интересовъ потребителей имѣлось въ виду; но только потребителей города въ тѣсномъ смыслѣ слова, а даже не предмѣстья, не говоря уже о деревнѣ.

Впослѣдствіи, когда государство стало всемогущимъ и города склонили предъ нимъ голову, различныя учрежденія и постановленія по хлѣбной торговлѣ вызывались фискальными интересами. Множество продажныхъ должностей по хлѣбной части было учреждено благодаря желанію пополнить государственную казну.

Еще со времени среднихъ вѣковъ введены были различныя городскія пошлины, взимавшіяся съ хлѣба, какъ то: [illegible], [illegible], [illegible] и друг. Впослѣдствіи къ тому же времени относятся особыя пошлины, собиравшіяся въ пользу сеньоровъ. Впослѣдствіи къ [illegible] [illegible] пошлины, установленныя для [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Такихъ [illegible] [illegible] много было [illegible] На-

рижѣ, гдѣ разныя рыночныя должности учреждаются съ 1688 года, затѣмъ въ Руанѣ, гдѣ должности 90 носильщиковъ были учреждены очень «давно», потомъ уничтожены и снова возстановлены въ 1675 г.

Дѣлались попытки (1759 г.) совсѣмъ отмѣнить многія должности, а вмѣстѣ и пошлины, съ ними связанныя, но до Тюрго эти попытки не осуществились.

За налогами идутъ привиллегированные торговцы-монополисты и монопольныя установленія городовъ. Такъ въ 1692 году образовалась въ Руанѣ корпорація изъ 112 купцовъ, имѣвшихъ исключительное право покупки хлѣба — въ городѣ и на главныхъ рынкахъ Нормандіи; въ Ліонѣ съ 1700 года закрѣпляется за цеховыми пекарями исключительное право продажи хлѣба въ городѣ, при чемъ пекарни предмѣстій лишаются такого права. Въ Руанѣ городъ со времени среднихъ вѣковъ пользуется феодальнымъ правомъ на помолъ (banalité), такъ что всѣ жители города обязаны молоть хлѣбъ по городскимъ мельницамъ. Въ другихъ городахъ закрыты были свободные пути для хлѣба. Такъ съ 1565 года транзитъ по Сенѣ прекращенъ, такъ какъ запрещено было вывозить хлѣбъ изъ Парижа, а въ 1622 и 1632 году это запрещеніе распространено на весь округъ въ 10 льё разстоянія отъ города. Транзитъ по Ронѣ былъ заторможенъ городскими властями Ліона. Со времени перваго тарифа Кольбера, Марсель, оказавшійся на положеніи иностраннаго города, закрытъ для внутренней хлѣбной торговли. Движеніе хлѣба по Гаронѣ черезъ Бордо тормозится транзитными пошлинами этого города, подтвержденными въ 1757 году.

Такимъ образомъ главные водные пути или совершенно закрыты, или основательно загромождены, чтобы парализовать внутреннюю торговлю. Но этимъ дѣло не ограничивалось. Рыночные и другіе регламенты увс-

личивали затрудненія. Еще въ 1415 г. появляется королевскій ордонансъ, запрещающій сваливать съ возовъ хлѣбъ, или даже развязывать мѣшки. Тамъ же встрѣчается запрещеніе выгружать хлѣбъ, прибывшій на баркѣ, или даже просто класть его подъ тентъ. Далѣе предписывается продать хлѣбъ не позже 11 дней. Въ послѣдствіи, однако, въ 1635 г., купцамъ запрещается покупать хлѣбъ въ Парижѣ, а покупки булочниковъ ограничиваются 2 muid (36 гектол.) во время одного базара. Въ 1681 году ордонансъ 1415 г. подтверждается постановленіями, запрещающими склады хлѣба внѣ города, продажу его въ дорогѣ и даже развязываніе мѣшковъ. Въ 1675 г. новыя подтвержденія сдѣланныхъ запрещеній съ прибавкой запрещенія возвышать цѣну послѣ того, какъ начали продажу хлѣба съ данной лодки.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, сказать что либо о регламентахъ другихъ городовъ, за неимѣніемъ данныхъ, но можно съ большою вѣроятностію утверждать, что они были сходны съ парижскими [31]).

Сказаннаго о первыхъ достаточно, чтобы понять, какія затрудненія встрѣчало движеніе хлѣба. Поэтому то всякая мѣра, -касайся она вывоза хлѣба, или же торговли между провинціями,-- -не могла принести всѣхъ результатовъ, пока она не трогала мѣстныхъ установленій и регламентовъ. Мы видѣли, что начало XVIII вѣка встрѣтило хлѣбную торговлю въ путахъ запрещеній. Но этому же столѣтію Франція обязана сильнымъ умственнымъ движеніемъ, отразившимся и на анализѣ экономическихъ явленій. Роль Англіи въ этомъ движеніи извѣстна. Въ дѣлѣ хлѣбной торговли она тоже оказала вліяніе. Въ противоположность французской боязни вывоза хлѣба, она не только допускала его свободу, но даже съ 1688 года поощряла ее преміей

въ 5 шил. на квартеръ пшеницы. Англійское земледѣліе процвѣтало сравнительно съ французскимъ, и это процвѣтаніе стали во Франціи приписывать именно свободѣ хлѣбной торговли.

Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній начинается реакція противъ запретительнаго режима. Въ 1749 г. генералъ-контролеръ Машо (Machault) возстановляетъ свободу торговли хлѣбомъ между провинціями. 17 сентября 1754 года вмѣстѣ съ свободой внутренней торговли, предоставлено было право вывоза изъ Лангедока и области д'Ошъ (généralité d'Auch). Этотъ робкій шагъ къ свободѣ вывоза вынужденъ вышеуказаннымъ поворотомъ во взглядахъ общества относительно хлѣбной торговли [32]). Рѣшительный толчекъ въ пользу свободы хлѣбной торговли и вообще большему вниманію къ интерессамъ земледѣлія дается докторомъ Кэнэ. Покинувъ меркантильный принципъ и попытавшись основать богатство народовъ на земледѣліи, какъ единственно производительномъ занятіи, онъ своимъ сочиненіемъ «Tableau économique» (1758 года) возбудилъ противъ себя много противниковъ. Негоціанты и фабриканты недовольны были своимъ отчисленіемъ въ разрядъ непроизводительныхъ людей. Землевладѣльцы были недовольны тѣмъ, что на нихъ однихъ предполагалось возложить всѣ государственныя повинности. Либералы были недовольны деспотическими склонностями автора и уста и Вольтера («L'homme aux quarante écus») осмѣяли его. Но на ряду съ противниками явились рьяные послѣдователи и, надо признать это, это были вполнѣ убѣжденные и энергичные люди, и искренно преданные общественному благу. Афоризмъ Кэне «pauvres paysans, pauvre royaume» сталъ ихъ лозунгомъ и забота о бѣднѣйшихъ классахъ сдѣлалась основой ихъ программы. Развивая ученіе своего учителя, нѣкоторые изъ нихъ пошли дальше и

отказавшись отъ крайностей, довершили поворотъ въ экономической наукѣ.

Отрицая всякаго рода привиллегіи, признавая свободу производства хлѣба и торговли имъ, физіократы не могли не оказать вліянія на торговую политику правительства, и не только чрезъ давленіе общественнаго мнѣнія,—оно, какъ мы видѣли, и раньше было настроено въ пользу свободы, — но еще близостью къ высшимъ сферамъ самаго основателя физіократизма.

Въ 1763 году (25 мая) возобновлена свобода циркуляціи хлѣба и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено дѣлать хлѣбные магазины. Въ 1764 году появляется эдиктъ о свободѣ хлѣбной торговли. Введеніе къ нему проникнуто физіократическими началами. Подтверждая свободную циркуляцію хлѣба, эдиктъ этотъ представляетъ полную свободу вывоза хлѣба на французскихъ корабляхъ и ввоза на корабляхъ всѣхъ націй. При этомъ платилась пошлина въ 1 проц. при ввозѣ и въ $^1/_2$ проц. при вывозѣ. Кромѣ того эдиктъ указываетъ случай, когда вывозъ можетъ быть пріостановленъ изъ данной мѣстности королевства: для этого требовалось, чтобы въ данной мѣстности на трехъ базарахъ сряду цѣна хлѣба доходила до 12 ливр. 10 су за кенталь (quintal=0,416 сетье).

Это ограниченіе хлѣбной торговли признавалось эдиктомъ временнымъ, установленнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока народъ не пойметъ выгодъ свободной торговли [33]).

Этотъ пунктъ эдикта своею неопредѣленностью могъ послужить основаніемъ для весьма произвольныхъ мѣръ со стороны администраціи. Гальяни справедливо указывалъ потомъ въ своихъ «Dialogues sur le commerce des blés», что была бы только охота, а всегда можно подобрать три базара въ разныхъ пунктахъ данной мѣстности, гдѣ цѣна дойдетъ до требуемаго

максимума. Не трудно наконецъ на какомъ либо небольшомъ рынкѣ искуственно произвести дороговизну.

Существенный недостатокъ, какъ декларацій 25 Іюня 1763 года, такъ и эдикта 1764 года, заключается въ томъ, что эти законодательные акты оставили безъ отмѣны всѣ тѣ мѣстныя установленія, которыя составляли существенное препятствіе для свободы внутренней торговли. Этотъ недостатокъ указывалъ впослѣдствіи Тюрго, доказывая, что сохраненіе этихъ мѣстныхъ установленій, дѣлало опытъ свободы хлѣбной торговли фиктивнымъ. При стѣсненіи же внутренней торговли внѣшняя не могла, во первыхъ, развернуть свои силы и принести всю пользу внутреннимъ провинціямъ, а, во вторыхъ, въ случаѣ неурожая внутри государства она могла принести—вредъ, такъ какъ даже при высокихъ цѣнахъ внутри страны, могло оказываться болѣе выгоднымъ везти его заграницу, чѣмъ тащить внутрь ея—чрезъ лабиринтъ регламентовъ, привиллегій, монополій и другихъ установленій, давившихъ хлѣбную торговлю. Говоря объ этомъ предметѣ, Гальяни замѣтилъ, что существованіе излишка хлѣба для вывоза опредѣлится тогда «когда вполнѣ свободное обращеніе хлѣба внутри страны будетъ установлено совершенно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ». На возраженіе своего противника, что свобода торговли сама создастъ излишекъ хлѣба, онъ отвѣчалъ: «Большая разница между понятіями рекомендовать и сдѣлать. Недостаточно рекомендовать устранить препятствія для свободы внутренней торговли, надо сдѣлать это» [34]).

При несовершенствѣ же свободы внутренней торговли и при легкости вывоза изъ пограничныхъ провинцій, возможно, говорилъ Гальяни, устроить фиктивный вывозъ куда нибудь на близълежащіе острова съ исключительною цѣлью поднять цѣны въ тѣхъ са-

ныхъ провинціяхъ, изъ которыхъ хлѣбъ былъ вывезенъ. Для устраненія такого рода операцій, Гальяни предлагалъ установить вывозную пошлину въ такомъ размѣрѣ, чтобы она равнялась разницѣ между стоимостью доставки хлѣба внутрь страны и стоимостью доставки его въ чужую страну.

Говоря объ этой пошлинѣ и о фиктивномъ вывозѣ, Гальяни осторожно намекаетъ на дѣятельность Pacte de Famine, устроившей на о Джерси склады вывозимаго хлѣба.

Эдикты о свободѣ появились въ концѣ того счастливаго періода (1715—1765 г.), который отмѣченъ обиліемъ урожайныхъ годовъ во всей С. З. Европѣ. Въ теченіи его наиболѣе удобно было перейти отъ запретительной системы къ свободѣ хлѣбной торговли. [35]) Сначала эдикты оказали хорошее дѣйствіе, давъ возможность утилизировать излишки хорошихъ урожаевъ 1765 и 1766 годовъ.—Но съ 1767 года положеніе стало инымъ. Плохіе урожаи повлекли за собой дороговизну. Народъ приписывалъ ее вывозу. Но вывозъ въ лучшіе годы достигалъ суммы 15 милл. франк., что было сущими пустяками съ общей суммой потребителей. Если принять однако въ разсчетъ, что эти 15 мил. франк. брались изъ запасовъ нѣсколькихъ пограничныхъ провинцій, то цифра эта получитъ иное значеніе и вывозъ долженъ былъ сильно вліять на цѣны, такъ какъ подвозъ изъ внутреннихъ областей былъ труденъ. Причина, значитъ, была въ стѣсненіи внутренней торговли.

Сильныя волненія произошли въ Нормандіи въ 1768 году. Парламентъ Руана потребовалъ запрещенія вывоза. Ему было отказано. Онъ началъ преслѣдованіе противъ монополистовъ, и не былъ неправъ, ибо игроки на повышеніе цѣны были могущественны. Кромѣ того не забудемъ о существованіи въ Нормандіи

корпораціи 112 купцовъ, въ рукахъ которыхъ находилась вся хлѣбная торговля этой области. Преслѣдованіе было прекращено королемъ. Тогда парламентъ адресовалъ королю письмо, въ которомъ говорилъ слѣдующее: «Весьма значительныя закупки хлѣба сдѣланы одновременно и за одинъ счетъ на многихъ рынкахъ Европы. Предпріятія частныхъ лицъ не могутъ быть столь значительны. Только общество, членами котораго состоятъ могущественные люди и съ большимъ кредитомъ, способно на такія операціи. Есть признаки вліянія правительства, слѣды власти. Негоціантъ-спекуляторъ не ошибся: покупки хлѣба въ магазины дѣлались подъ покровомъ властей людьми, не обращавшими вниманія ни на какія запрещенія; у насъ есть доказательства въ рукахъ. Запрещеніе продолжать преслѣдованія доказываетъ существованіе виновныхъ, боязнь, чтобы они не были открыты, желаніе избавить ихъ отъ наказанія. Это запрещеніе, послѣдовавшее съ высоты трона, превращаетъ наши сомнѣнія въ увѣренность».

Когда министръ двора Бертенъ (посвященный въ частныя дѣла Людовика XV) отвѣтилъ парламенту, что «его доводы основаны лишь на догадкахъ и что они плохо вяжутся съ уваженіемъ къ королю», парламентъ отвѣчалъ непосредственно королю: «Когда мы говорили, что эта монополія существуетъ и что она покровительствуется, то, Боже избави, чтобы мы имѣли въ виду Ваше Величество; но, можетъ быть, нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кого Вы облекли своею властью» [36]).

Это служитъ доказательствомъ существованія Pacte de Famine, говоритъ Martin. Общество, получившее это прозвище въ народѣ и называвшееся иначе обществомъ Малиссе, по имени одного изъ главныхъ дѣятелей, образовалось подъ благовиднымъ предлогомъ уравнивать цѣны посредствомъ закупки хлѣба въ дешевое время

и продажи его для прокормленія столицы въ болѣе дорогое время. Король успокоивалъ этимъ свою совѣсть, принявъ изъ жадности къ деньгамъ участіе въ этихъ операціяхъ.

Общество производило закупки хлѣба, вывозило его обыкновенно на островъ Джерси и ждало, пока цѣны поднимутся, и тогда постепенно продавало свои запасы тому же народу, у котораго они были взяты раньше по дешевой цѣнѣ. Конкуренціи по закупкамъ оно не боялось, благодаря покровительству правительства; благодаря тому же покровительству оно могло всегда дѣлать закупки своевременно. Преслѣдовать его агентовъ за злоупотребленія нечего было и думать. Когда нѣкто Прево де Бомонъ, добывъ свѣдѣнія объ основномъ договорѣ общества Малиссе, сообщилъ о нихъ Руанскому парламенту, послѣдній не могъ сдѣлать ничего, кромѣ констатированія факта. Документы были похищены раньше, чѣмъ дошли до парламента. Самъ Прево исчезъ. Его нашли лишь черезъ 22 года въ казематѣ государственной тюрьмы. Понадобилось 14 іюля, чтобы ему воротить свободу [37]).

Новый генералъ-контролеръ аббатъ Террэ принималъ сердечное участіе въ дѣлахъ «общества голодовки» и оказалъ ему большую услугу прекращеніемъ вывоза хлѣба. Эта мѣра (14 іюля 1770 года) была объявлена временною, но она-то и послужила министру средствомъ временными разрѣшеніями и запрещеніями вывоза хлѣба оказывать покровительство спекуляціямъ «Общества голодовки» [38]).

Въ концѣ того же года онъ обратился съ циркуляромъ къ интендантамъ, прося дать заключеніе о достоинствѣ декларацій 25 мая 1763 года и эдикта іюля 1764 года. Тогда-то онъ получилъ извѣстныя письма Тюрго о хлѣбной торговлѣ, о которыхъ сказано ниже.

Убѣдительная и горячая защита свободы хлѣбной торговли, заключавшаяся въ нихъ, не оказала дѣйствія на аббата Террэ. Постановленіемъ совѣта 23 декабря 1770 года и указомъ (Lettres patentes) 16 сентября 1771 года запретительная система была возстановлена.

Хотя на словахъ свобода хлѣбной торговли внутри страны признавалась, но на дѣлѣ новыя распоряженія дѣлали ее невозможною.

Всякій, кто желалъ заняться хлѣбной торговлей, обязанъ былъ занести въ полицейскій списокъ свое имя, прозвище, званіе, мѣсто жительства, мѣстонахожденіе своихъ магазиновъ и всѣ документы, относящіеся къ предпріятію.

Далѣе запрещалось покупать или продавать хлѣбъ гдѣ бы то ни было, кромѣ рынка, и притомъ въ опредѣленные дни и часы.

Такимъ образомъ формальности, которыми была обставлена хлѣбная торговля, отчуждали отъ нея всякаго купца; полицейскій же произволъ, которому открывался широкій просторъ различными мелочными и трудно-выполнимыми правилами, сохранялъ, казалось, за собою право разорить и обезчестить всякаго хлѣбнаго торговца. Благодаря этому всѣ купцы мало-мальски значительные, могущіе серьезно заняться хлѣбной торговлей, избѣгали этого «позорнаго» дѣла.

Запрещеніе покупать или продавать гдѣ либо внѣ рынка оказывалось крайне стѣснительнымъ для потребителя. Вольтеръ такъ описывалъ впослѣдствіи положеніе дѣла: «въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мы стенали, будучи вынуждены возить нашъ хлѣбъ на рынокъ *ничтожнаго* мѣстечка, именуемаго нашей столицей. Сеньоры, священники, земледѣльцы и ремесленники

двадцати деревень обязаны отправляться сами или посылать кого либо съ хлѣбомъ въ эту столицу. Если кто либо у себя дома продавалъ сосѣду хотя бы одно сетье хлѣба, то подвергался штрафу въ 500 ливровъ; самый хлѣбъ, повозка и лошади конфисковались въ пользу стражниковъ, открывавшихъ это хищеніе (rapine). Сеньоръ, давшій пшеницы или овса своему вассалу, подвергался риску попасть подъ уголовщину (se voir puni comme un criminel).

Нужно было, чтобы сеньоръ послалъ этотъ хлѣбъ за 4 льё на рынокъ и чтобы вассалъ сдѣлалъ четыре льё, чтобы взять его, да столько же обратно, тогда какъ онъ могъ получить его у себя дома безъ всякаго труда и расходовъ [39]). Наконецъ, купцы не могли дѣлать серьезныхъ покупокъ, ибо всякая серьезная покупка хлѣба на рынкѣ влекла за собою сильное возвышеніе цѣны и затѣмъ волненіе въ народѣ. Само собою разумѣется, что агенты «Общества голодовки» не смущались никакими запрещеніями и свободно нарушали ихъ, производя свои чудовищныя операціи.

Такимъ образомъ, хотя подъ давленіемъ идей экономистовъ совершилась попытка введенія свободной хлѣбной торговли; но эта попытка не удалась. Причины неудачи лежатъ въ томъ, что оставлены были нетронутыми многіе регламенты и учрежденія, парализовавшіе внутреннюю торговлю,—во вторыхъ, въ томъ, что масса народа смотрѣла на хлѣбную торговлю, какъ на неизбѣжное зло, которое можетъ быть терпимо лишь съ извѣстными условіями и ограниченіями, — и въ третьихъ, наконецъ, въ томъ, что низшіе органы власти, иногда вполнѣ независимые, раздѣляя тоже воззрѣніе общества, не могли привыкнуть къ мысли, что такое дѣло, какъ хлѣбная торговля, можетъ идти безъ правительственнаго надзора и руководства.

Оставляя въ сторонѣ первую причину, какъ явленіе случайное, мы можемъ замѣтить, что двѣ другія сводятся къ одному общему явленію, характеризующему старый порядокъ,—къ системѣ опеки. Всѣ отрасли общественной и государственной жизни находились подъ правительственной опекой; необходимость опеки вошла глубоко въ общественное сознаніе, прочно укоренилась въ общественныхъ нравахъ. Странно было при такихъ условіяхъ изъятіе хлѣбной торговли изъ общаго порядка, и страшно это было, потому что касалось насущнѣйшаго интереса человѣка. Очевидно, что прочное освобожденіе хлѣбной торговли возможно было только съ послѣдовательнымъ проведеніемъ принципа свободы (и отрицанія опеки) во всѣ отрасли общественной жизни или, по крайней мѣрѣ, во всѣ экономическія отношенія.

Къ этимъ трудностямъ освобожденія хлѣбной торговли присоединилось, со времени образованія «Общества голодовки», еще одно частное условіе. Дѣятельность этаго чудовищнаго товарищества создала множество могущественныхъ интересовъ, въ выгодѣ которыхъ было сохраненіе существующаго порядка. Выгоды отъ операцій «общества голодовки» доставались сильнымъ міра, которые были вершителями судебъ государства. Положимъ, за смертію Людовика XV, не стало короля, заинтересованнаго въ монопольной торговлѣ хлѣбомъ, но остались принцы и придворные.

Вотъ почему сохраненіе на мѣстѣ аббата Террэ имѣло не мало сторонниковъ, а вступленіе въ министерство Тюрго встрѣчено было, рядомъ съ радужными надеждами друзей прогресса, сильными опасеніями гораздо болѣе многочисленныхъ охотниковъ до наживы на счетъ народа.

Приступая къ уничтоженію и измѣненію порядковъ, господствовавшихъ въ хлѣбной торговлѣ, Тюрго имѣлъ вполнѣ опредѣленный планъ. Воззрѣнія его на хлѣбную торговлю не составляли тайны для людей, такъ или иначе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Еще въ 1770 году, въ то время, когда голодъ посѣтилъ Лимузенъ и Ангумуа, Тюрго пользовался своей властью интенданта для поддержанія свободы хлѣбной торговли и защиты ея отъ предразсудковъ толпы и администраціи [40]). Во всѣхъ изданныхъ съ этой цѣлью актахъ свобода торговли признавалась принципіозно, какъ единственное средство, способное обезпечить народное продовольствіе. Когда въ концѣ того же года поднятъ былъ аббатомъ Дю-Террэ, тогдашнимъ генералъ-контролеромъ, вопросъ о регламентаціи хлѣбной торговли, Тюрго не остался безгласнымъ. На запросъ министра, обращенный къ интендантамъ, Тюрго отвѣчалъ семью письмами. Эти письма, хотя и писаны были въ дорогѣ, среди хлопотъ по распредѣленію налоговъ, представляютъ цѣлые трактаты по вопросу, поднятому министромъ.

Впослѣдствіи часть ихъ была опубликована, и общество узнало въ подробности мотивы, побуждавшіе Тюрго защищать свободу хлѣбной торговли. Въ этихъ письмахъ онъ доказываетъ:

1) Что свобода торговли выгодна для землевладѣльцевъ, потому что ихъ доходы увеличатся. Увеличеніе ихъ доходовъ авторъ ожидаетъ отъ прекращенія колебаній цѣнъ на хлѣбъ, которыя (колебанія) производятъ пониженіе средней цѣны, выводимой за нѣсколько лѣтъ. Авторъ доказываетъ это въ четвертомъ письмѣ подробными вычисленіями и цифровыми таблицами [41]).

2) Что свобода торговли будетъ выгодна для земледѣльцевъ, такъ какъ ихъ доходы будутъ больше

по той же причинѣ, по которой увеличатся доходы землевладѣльцевъ;

3) Что свобода торговли будетъ выгодна и для потребителей, потому что, хотя цѣна на хлѣбъ нѣсколько и поднимется (не вездѣ) до цѣнъ международнаго рынка (marché general), но расширеніе земледѣльческаго производства увеличитъ спросъ на трудъ и заработная плата поднимется еще больше. Къ выгодѣ потребителей еще послужитъ и общее увеличеніе продуктовъ, послѣдствіемъ котораго будетъ обезпеченіе общества отъ голода.

Особенно краснорѣчиво и энергично доказываетъ Тюрго выгоды земледѣльцевъ и выгоды всей страны (въ шестомъ письмѣ). Какъ результатъ свободы хлѣбной торговли, онъ видитъ сначала такое увеличеніе доходности земли, что дѣла фермеровъ значительно поправятся; но рента (prix locative) не поднимется сейчасъ же съ тою быстротой, потому что фермеры могутъ обратиться къ тѣмъ землямъ, которыя до сихъ поръ кое какъ обрабатываются половниками или десятинщиками. А такія земли составляютъ $^4/_7$ всего королевства. Если бы даже, говоритъ Тюрго, онѣ составляли только половину или $^3/_7$, и еслибы система свободы имѣла единственнымъ результатомъ уравненіе производительности этихъ провинцій съ производительностью тѣхъ, въ которыхъ земледѣліе ведется лучшими способами (en grande culture) [42]), еслибы даже производительность и доходность послѣднихъ и не увеличились также въ довольно значительной степени, можете ли вы не замѣтить той огромной выгоды, которую извлечетъ государство изъ такого переворота, того громаднаго увеличенія массы доходовъ и предметовъ жизненныхъ потребностей, и не видѣть того, что выиграетъ производство вообще отъ свободы [43]).

Тюрго не скрывалъ, что общее развитіе земледѣлія будетъ результатомъ не только свободы хлѣбной торговли. «Это измѣненіе (развитіе земледѣлія и богатства вообще) произойдетъ медленно Я согласенъ, говоритъ онъ, что для ускоренія его потребуются другія правительственныя дѣйствія и, главнымъ образомъ, реформа поземельнаго налога», но все же земледѣліе выигрaетъ значительно и до осуществленія этой послѣдней реформы. Не менѣе энергично доказываетъ Тюрго выгоды, которыя извлечетъ потребитель отъ свободы хлѣбной торговли. Онъ выиграетъ прежде всего отъ уравненія цѣны на хлѣбъ. Всякое возвышеніе цѣны, происходящее отъ недостачи хлѣба, отзывается прежде всего на бѣдномъ народѣ. Для восполненія этого недостатка необходимы или запасы хлѣба или привозъ его извнѣ. Запасы хлѣба могутъ быть съ наибольшею выгодою для дѣла устраиваемы и содержимы негоціантами, дѣйствующими за свой страхъ и рискъ. Они же съ наименьшими потерями могутъ доставлять хлѣбъ изъ одной мѣстности въ другую. Но чтобы они могли дѣйствовать, имъ должна быть гарантирована свобода операцій; мало-мальски солидный негоціантъ, а только такіе и могутъ совершать большія операціи, не захочетъ отдавать себя на произволъ полиціи, или хотя бы самаго правительства.

Предположивъ, что правительство само возьметъ на себя снабженіе хлѣбомъ народа, или вздумаетъ дѣлать это черезъ посредство компаній, предположивъ, что всѣ агенты его обладаютъ ангельскою честностью и премудростью болѣе, чѣмъ ангельскою, все же оно не только будетъ продавать хлѣбъ дороже, но въ голодный годъ не доставитъ его вовсе. Помимо ужасовъ голода, которымъ оно подвергнетъ народъ, оно само станетъ ненавистнымъ, не смотря на всѣ благія намѣренія». Едва-ли самые тонкіе политики, говоритъ Тюр-

го, могли бы высчитать, когда и въ какомъ мѣстѣ необходимо уменьшить или увеличить покупную или продажную цѣну хлѣба, и могли бы убѣдить въ этой необходимости народъ, сдѣлать его болѣе разсудительнымъ въ такомъ дѣлѣ, которое касается его собственнаго существованія. Можно ли думать, что онъ будетъ слѣпо довѣрять компаніи, которая одна будетъ распоряжаться цѣнами на хлѣбъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Въ каждой надбавкѣ цѣны онъ увидитъ ненавистное притѣсненіе: пусть компанія состоитъ изъ ангеловъ, онъ будетъ всегда считать ее состоящей только изъ мошенниковъ. Продавцы (производители) и потребители, поочередно возмущаемые, то низкою покупною цѣною, то высокою цѣною продажною, сойдутся въ своей ненависти, и правительство будетъ предметомъ этой ненависти, вызываемой колебаніемъ цѣнъ; народъ всегда припишетъ это колебаніе жадности его (правительства) агентовъ» [41]).

Такимъ образомъ Тюрго указываетъ и на политическую сторону вопроса, указываетъ неудобное положеніе, въ которое ставитъ правительство свой авторитетъ. Образовавшееся вскорѣ затѣмъ общество Малиссе, извѣстное подъ именемъ Pacte de Famine, вполнѣ оправдало высказанное соображеніе.

Но не только это важно. Въ обществѣ вырабатывается увѣренность, что правительство можетъ мановеніемъ жезла ниспослать и манну небесную и заставить умирать голодною смертью. Первыя событія революціи какъ нельзя болѣе выяснили все неудобство, въ которое ставить себя правительство, воспитывая такіе взгляды въ обществѣ на счетъ своего могущества. Конечно, подобный взглядъ на всемогущество правительства былъ во Франціи слѣдствіемъ вообще развитія абсолютизма и централизаціи, но тѣмъ не менѣе Тюрго былъ правъ,

говоря въ частности о подобныхъ же послѣдствіяхъ хлѣбной политики правительства.

Тюрго указываетъ на выигрышъ потребителей отъ расширенія производства хлѣба: въ случаѣ неурожая часть хлѣба, отправляемаго заграницу, остается въ странѣ и покрываетъ дефицитъ, не доводя цѣнъ до невозможно высокаго предѣла. Расширеніе производства хлѣба не можетъ не отозваться и повышеніемъ заработной платы не только въ области земледѣльческой промышленности.

Но для достиженія всѣхъ этихъ результатовъ необходима не только полная свобода хлѣбной торговли, но еще уничтоженіе многихъ препятствій, которыя мѣшаютъ свободному помолу хлѣба и его печенію. Таковы разныя привиллегіи по части помола (banalités) разные феодальные сборы, какъ-то péage, которые взимаются за провозъ хлѣба и существуютъ почти всюду, сборы, именуемые minage (рыночныя пошлины), которые существуютъ во многихъ мѣстахъ.

Только подъ условіемъ уничтоженія всѣхъ этихъ и подобныхъ пошлинъ и привиллегій можно ожидать результатовъ отъ введенія свободной хлѣбной торговли.

Если письма, съ содержаніемъ которыхъ мы только что познакомились, и не были извѣстны публикѣ, то идеи въ нихъ высказанныя, повторяемъ, не составляли тайны, тѣмъ болѣе, что они высказывались «экономистами», а принадлежность Тюрго къ нимъ была извѣстна. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что вслѣдъ за вступленіемъ Тюрго въ управленіе финансами, всѣ стали ожидать мѣропріятій по хлѣбной торговлѣ, одни со страхомъ, другіе съ радостной надеждой. Уже 7 сентября аббатъ Бодо [45]) пишетъ въ своей хроникѣ: «Декларація 25 мая 1763 года о свободѣ внутренней торговли будетъ возстановлена постанов-

леніемъ королевскаго совѣта, которымъ уничтожается все бумагомараніе аббата Террэ». (qui passe l'éponge sur tous les barboullages de l'abbé Terray).

12 сентября онъ опять говоритъ объ этомъ дѣлѣ: «Публика ожидаетъ новый законъ о свободѣ хлѣбной торговли: по поводу него ведутся разныя рѣчи; однѣ за него, другія противъ; но самыя большія глупости говорятся придворными; оно и понятно». «Лихоимцы очень опасаются добраго Тюрго, пишетъ Бодо 13 числа; они льстятъ себя надеждою, что свобода хлѣбной торговли погубитъ его; дурные попы присоединяются къ первымъ. Нужно надѣяться, что эти крамольники позабудутъ свою латынь съ горя. (Ces deux maudites cobales y perdront leur latin, à ce qu'il faut esperer [46]).

Такія ожиданія и опасенія были естественны. Земледѣліе въ системѣ Тюрго занимало первое мѣсто, результаты свободы хлѣбной торговли казались ему столь важными, что онъ не могъ откладывать рѣшенія этого кореннаго вопроса. И впослѣдствіи онъ оставлялъ въ сторонѣ другія реформы и посвящалъ свое время исключительно вопросу о хлѣбной торговлѣ. Такъ было лѣтомъ 1775 года [47]). Тотчасъ послѣ вступленія своего въ министерство, онъ составилъ проэктъ постановленія королевскаго совѣта о возстановленіи свободы хлѣбной торговли. Какъ видно, эта работа не взяла много времени. 24 августа Тюрго вступилъ въ министерство, а эдиктъ помѣченъ 13 сентября. Вопросъ, какъ мы видимъ изъ писемъ Тюрго къ Террэ и какъ можно видѣть изъ его административной дѣятельности въ Лиможѣ, занималъ его давно и былъ ему хорошо знакомъ теоретически и практически. Введеніе къ эдикту въ главныхъ чертахъ повторяетъ тѣ доводы, которые высказываются въ письмахъ въ защиту свободы хлѣбной торговли.

Указавъ на важность вопроса о народномъ продовольствіи, который требуетъ неотложно самаго серьезнаго вниманія (une attention plus prompte) Тюрго указываетъ, что колебаніе цѣнъ такъ-же неизбѣжно, какъ неизбѣжны сами неурожаи.

Далѣе доказывается, что парализовать недостачу хлѣба можетъ торговля; правительство же, *какъ показалъ опытъ*, не можетъ съ успѣхомъ выполнить подобной задачи и скорѣе приходитъ къ противоположному результату.

Теперь Тюрго могъ сослаться на горькій опытъ, который болѣе чѣмъ оправдалъ тѣ предсказанія, которыя онъ высказывалъ своему предшественнику на счетъ результатовъ правительственной торговли хлѣбомъ. Онъ конечно и вообразить не могъ тогда геркулесовыхъ столбовъ безобразія, до которыхъ дошло правительство Людовика XV, безстыдно спекулировавшее на народный голодъ. *Конечно не сущую правду* говорилъ Тюрго въ своемъ введеніи къ эдикту, когда онъ писалъ: «Единственнымъ мотивомъ, который заставилъ предпочесть эти опасныя мѣропріятія (торговыя операціи хлѣбомъ со стороны правительства) естественному ресурсу, свободной торговлѣ, *было, безъ сомнѣнія (?!), убѣжденіе, что правительство такимъ путемъ станетъ хозяиномъ цѣнъ на продовольствіе и будетъ имѣть возможность, удерживая хлѣбъ въ дешевой цѣнѣ, помочь народу и предупредить ропотъ*» [48]).

Для Тюрго, конечно, присутствіе другихъ мотивовъ стояло внѣ всякаго сомнѣнія.

Но остановившись на этомъ мотивѣ, онъ доказываетъ его несостоятельность. «Правительство не можетъ, слѣдственно, взять въ свои руки сохраненіе и перовозку хлѣба не компрометируя народнаго продовольствія и спокойствія. Только путемъ торговли и

торговли свободной можетъ быть исправлена неодинаковость урожаевъ» [49]).

Такими словами заключаетъ Тюрго въ веденіи къ закону свое разсужденіе объ этомъ предметѣ.

Конецъ введенія посвященъ изложенію тѣхъ стѣсненій торговли, которыя были созданы въ послѣднее время и съ которыми мы познакомились выше. Въ заключеніи эдиктъ приглашаетъ купцовъ заняться хлѣбной торговлей и торжественно завѣряетъ ихъ въ особенномъ королевскомъ покровительствѣ и обѣщаетъ имъ совершенную свободу въ распоряженіи ихъ товаромъ. «Его Величество, говорилось далѣе, желаетъ воспретить себѣ и своимъ чиновникамъ всякія мѣры,—враждебныя свободѣ и праву собственности его подданныхъ, которыя онъ будетъ защищать противъ всякаго посягательства». На основаніи всего вышесказаннаго постановленіе королевскаго совѣта предписываетъ, чтобы §§ I и II декларацiи 25 мая 1763 года исполнялись по точному ихъ смыслу; поэтому предоставляется каждому и гдѣ угодно, внутри государства, заниматься хлѣбной торговлей, не подвергаясь никакимъ стѣсненіямъ, ни формальностямъ. Второй параграфъ постановленія воспрещаетъ какимъ бы то ни было чиновникамъ и въ особенности полицейскимъ судьямъ (juges de police) подъ какимъ бы то ни было предлогомъ дѣлать какія либо задержки хлѣбной торговлѣ. Третій параграфъ воспрещаетъ кому либо выдавать себя за агентовъ короля по покупкѣ хлѣба, такъ какъ Его Величество желаетъ, чтобы на будущее время не дѣлалось никакихъ покупокъ за его счетъ. Король сохраняетъ за собою только право въ случаѣ голода оказывать неимущимъ своимъ подданнымъ помощь, какую потребуютъ обстоятельства.

Четвертымъ параграфомъ, въ видахъ поощренія ввоза хлѣба, предоставлялось всѣмъ свободно произво-

дить эту операцію и распоряжаться свободно привезеннымъ хлѣбомъ, даже вывезти его обратно, представивъ лишь удостовѣреніе тожества вывозимаго хлѣба съ привезеннымъ. Что касается вывоза хлѣба, то эдиктъ откладываетъ рѣшеніе этого вопроса до наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Не смотря на ясность и логичность изложенія доводовъ, которыми мотивированы были постановленія, они встрѣтили сильную опозицію внутри самаго совѣта. Монополія, спекуляція государственными деньгами на счетъ важнѣйшаго предмета народнаго продовольствія нашли себѣ защитниковъ между товарищами Тюрго.

Мюи (Muy) военный министръ, Сартинъ морской министръ и Бертенъ (Bertin), министръ земледѣлія, вѣдавшій нѣкоторыя другія дѣла, были противъ свободы хлѣбной торговли и стояли за регламентацію. Богъ вѣсть, отдавали ли они въ этомъ случаѣ дань корысти, или предразсудкамъ. За свободу торговли, вмѣстѣ съ Тюрго стали Морепа и Верженъ (Vergennes), министръ иностранныхъ дѣлъ. Благодаря этимъ несогласіямъ, дѣло рѣшилось не 13, а лишь черезъ недѣлю, 20 сентября [50]). Но на этомъ дѣло не кончилось; сопротивленіе было на столько сильно, что потребовалось новое подтвержденіе сдѣланнаго постановленія.

2 ноября изданы были lettres patentes, которыми подтверждалось постановленіе 13 сентября. съ оговоркою, что регламентація хлѣбной торговли въ Парижѣ пока сохраняется, и предлагалось парламенту регистровать означенный актъ правительства. Регистрація Lettres patentes состоялась лишь 19 декабря. На этомъ сопротивленіе не кончилось. Парламентъ Руана регистровалъ Lettres patentes лишь 19 декабря 1775 го а, больше чѣмъ черезъ годъ, да и то съ прибавкой оговорки, что парламентъ и полицейскіе судьи будутъ по

прежнему заботиться о томъ, чтобы рынки были достаточно снабжены хлѣбомъ. Это постановленіе Руанскаго парламента было кассировано королевскимъ совѣтомъ 27 апрѣля 1776 года [51]).

Тюрго не могъ остановиться на изданныхъ распоряженіяхъ. Существовавшія многія мѣстныя постановленія могли превратить въ ничто объявленную свободу хлѣбной торговли. Декларація 25 мая 1763 года, говорилъ онъ, казалось, должна была подготовить процвѣтаніе земледѣлія и легкость пропитанія...; но множество частныхъ, мѣстныхъ препятствій уничтожали общій смыслъ закона; эти препятствія не были ни изучены, ни уничтожены» [52]). Не желая подвергать свой законъ участи деклараціи 1763 г., Тюрго немедленно обратилъ свое вниманіе на мѣстныя постановленія и учрежденія съ цѣлью уничтожить тѣ изъ нихъ, которыя противорѣчили свободѣ торговли, или же уничтожали ея выгоды для тѣхъ или другихъ мѣстностей.

Въ январѣ 1775 года издано постановленіе совѣта, касающесеся провоза хлѣба чрезъ Марсель. Еще со времени Кольбера этотъ городъ поставленъ былъ въ торговомъ отношеніи къ Франціи, какъ иностранный городъ, въ родѣ porto-franco. Какъ говорили тогда, le port de Marseille était reputé comme etranger». Поэтому всякія таможенныя или торговыя распоряженія его не касались. Онъ вывозилъ, напр., свободно хлѣбъ въ то время, когда вывозъ этого предмета былъ во Франціи запрещенъ [53]). За то правительственныя распоряженія по торговлѣ разсматривали Марсель, какъ иностранный городъ. Хлѣбъ нельзя было везти въ Марсель, если вывозъ его былъ воспрещенъ. Между тѣмъ за Марселью находилась цѣлая область (Провансъ), которая естественно тяготѣла къ этому порту. Чтобы провезти въ нее хлѣбъ, надо было выбирать окольныя и

неудобныя пути. Легко было бы изъ Арля провезти хлѣбъ въ Э; но эта легкость уничтожалась совершенно особенностью положенія Марсели. Такимъ образомъ для Прованса терялись тѣ выгоды, которыя онъ могъ бы извлечь, при свободѣ торговли, отъ урожая въ сосѣднихъ провинціяхъ. Для устраненія этихъ неудобствъ упомянутое постановленіе королевскаго совѣта разрѣшаетъ провозить хлѣбъ черезъ Марсель транзитомъ изъ другихъ портовъ Франціи, при чемъ были приняты мѣры, чтобы предназначенные для этой цѣли грузы не уходили за границу [54]).

Подобный же вопросъ былъ поднятъ о перевозкѣ грузовъ хлѣба въ зернѣ, муки, овощей изъ порта въ портъ.

Вопросъ этотъ имѣлъ тѣмъ большее значеніе, что морская перевозка была наиболѣе выгодною для такого продукта, какъ хлѣбъ. Перевозка сухимъ путемъ стоила дорого. Запрещеніе вывоза изъ портовъ парализовало совершенно дѣйствіе декларацін 1763 года, провозгласившей свободу хлѣбной торговли внутри королевства. Можно было привести въ данную провинцію хлѣбъ изъ за границы, но нельзя было привезти изъ французскаго порта.

Въ 1773 году разрѣшено было движеніе хлѣбныхъ грузовъ между тѣми портами, въ которыхъ была резиденція адмирала (siege de l'amirauté); затѣмъ въ теченіе того же и въ началѣ слѣдующаго года подъ ту же категорію подвели Ла-Рошель и С. Жанъ де Люцъ и нѣкоторые другіе порты. Но при этомъ были изданы особыя правила, которыми опредѣлялся порядокъ провоза хлѣба между портами. Если въ пунктѣ отправленія хлѣба его оказывалось на одну десятую часть больше противъ количества, показаннаго въ деклараціи, или если въ пунктѣ назначенія оказывалось меньше на $^{1}/_{20}$ часть противъ таковой же деклараціи, то хозяинъ подвер-

гается штрафу до 5,000 ливровъ и конфискаціи груза. Тоже самое практиковалось и относительно груза хлѣба, привозимаго изъ за границы. Отъ штрафа и конфискаціи нельзя было избавиться и въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе бури приходилось бросить часть груза въ море. Подобныя строгости отбивали всякую охоту заниматься транспортировкою хлѣба и парализовали какъ каботажъ, такъ и ввозъ хлѣба.

Вслѣдствіе этого постановленіемъ королевскаго совѣта 12 октября 1775 года опредѣлено было отмѣнить эти стѣснительныя правила и вмѣсто того разрѣшалось: 1) производить каботажъ хлѣба между всѣми безъ исключенія портами королевства; 2) отъ хозяина груза или капитана судна зависѣло выгрузить хлѣбъ и не въ томъ портѣ, въ который послѣдній назначался по деклараціи; 3) если по повѣркѣ въ пунктѣ отправленія или въ пунктѣ выгрузки оказывалась разница большая чѣмъ на $^1/_{10}$ противъ количества, показаннаго въ деклараціи, то хозяева груза обязывались доставить въ пунктъ назначенія вчетверо больше того количества, которое превышаетъ разрѣшенную закономъ разницу ($^1/_{10}$); въ случаѣ неисполненія этого требованія они подвергались штрафу въ 1,000 ливровъ; наконецъ, постановлялось, что отъ указаннаго требованія освобождаются грузо-хозяева, у которыхъ недостача окажется вслѣдствіе того, что часть груза по необходимости была выброшена въ море.

Мѣры Тюрго относительно хлѣбной торговли не могли не произвести нѣкотораго смущенія и даже путаницы въ дѣлахъ по этой части. Народъ привыкъ къ мысли, что только административныя стѣсненія, выражающіяся въ регламентаціи хлѣбной торговли и за-

прещеніи свободной циркуляціи хлѣба, могутъ обезпечить народное продовольствіе. Этотъ взглядъ не былъ достояніемъ только низшихъ слоевъ общества, необразованныхъ; но раздѣлялся людьми образованными и массой чиновниковъ. Поэтому казалась страшною даже та ограниченная свобода, которая теперь предоставлялась владѣльцамъ хлѣба въ распоряженіи своею собственностью.

Такъ какъ до сихъ поръ частная предпріимчивость въ дѣлѣ хлѣбной торговли была парализована извѣстнымъ «Pacte de famine», а также и правительственнымъ вмѣшательствомъ въ торговлю, при чемъ оно поддерживало государственными средствами спекуляцію на народный голодъ, то естественно, что съ паденіемъ старыхъ порядковъ, не могла сейчасъ же организоваться свободная торговля, а потому неизбѣжно должно было произойти нѣкоторое замѣшательство, остановка въ дѣлахъ. Урожай 1774 года былъ неудовлетворителенъ, а потому цѣны на хлѣбъ должны были подняться и помимо предъидущихъ обстоятельствъ. Въ моментъ смерти Людовика XV цѣна была 24 ливра за сетье, т. е. немного болѣе $2^3/_4$ су за фунтъ, или $5^1/_2$ су за килограммъ. Чтобы потѣшить молодого короля и вызвать благословенія публики новому царствованію, монополисты понизили цѣну хлѣба до 13 ливровъ за сетье [35]).

Потомъ, понятно, цѣна стала подниматься снова и достигла прежней нормы. Это новое повышеніе показалось болѣе непріятнымъ, такъ какъ, говоритъ современникъ, народъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ, выноситъ это (новое вздорожаніе) гораздо менѣе терпѣливо».

Когда Тюрго вступилъ въ министерство, многіе ожидали, что онъ тоже понизитъ цѣну хлѣба, чтобы призвать на себя благословеніе народа.

Повышеніе цѣны на хлѣбъ не достигло однако той нормы, которой оно достигало въ 1764 и 1770 году. Въ октябрѣ за печеный хлѣбъ, по показанію современника, платили 11 су за четыре фунта, т. е. меньше 3 су за фунтъ, что по разсчету Жобеза, составляетъ около 20 сантимовъ на теперешнія деньги; между тѣмъ въ 1764 году цѣна стояла отъ 27 до 53 сантимовъ за фунтъ на теперешнія деньги, а въ 1770 году достигла до 70 сантим. [56]).

Возрастаніе цѣны хлѣба побудило Тюрго принять тѣ экстренныя мѣры, отъ которыхъ онъ не зарекался въ эдиктѣ 13 сентября. Необходимость принятія этихъ мѣръ вызывалась не только тѣмъ, что свободная торговля еще не установилась; но и тѣмъ, что неурожай поразилъ и тѣ мѣстности, которыя обыкновенно доставляли хлѣбъ (Польша). Тамошнія цѣны скоро послѣ жатвы стали подниматься,—потомъ мало чѣмъ разнились отъ цѣнъ, существовавшихъ во Франціи [57]); поэтому ввозъ во Францію не могъ осуществиться при обыкновенныхъ условіяхъ торговли; понадобились особыя приманки, для того, чтобы побудить негоціантовъ заняться этой операціей. Вотъ почему постановленіемъ королевскаго совѣта 25 апрѣля обѣщана была премія въ 18 су за quintal пшеницы и 12 су за quintal ржи, привезенныхъ изъ за границы.

Сверхъ этой преміи выдавалось еще 20 су за каждый quintal заграничной пшеницы, привезенной въ Парижъ непосредственнно изъ за границы, или же изъ какого либо порта королевства, и 12 су за quintal ржи. За пшеницу, привезенную въ Ліонъ, назначено было 25 су за quinial, а за рожь 15 су.

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ совѣта было издано 8 мая другое, которымъ устанавливалась премія за ввозъ хлѣба сухопутьемъ въ Эльзасъ, Лотарингію

и три Епископства. Обѣщано было 15 су за quintal пшеницы и 12 су за quintal ржи.

За муку назначалась премія въ 18 су за quintal пшеничной и 15 су за quintal ржаной.

Эти мѣры должны были оказать свое дѣйствіе во время самое тяжелое, непосредственно предшествующее «новому хлѣбу». но они были безсильны предупредить безпорядки, происшедшіе въ апрѣлѣ и началѣ мая по поводу дороговизны хлѣба.

Срокъ дѣйствія помянутыхъ постановленій начинался лишь съ 15 мая, т. е. послѣ безпорядковъ; кромѣ того сами безпорядки-то, какъ мы увидимъ ниже, лишь въ самой слабой степени зависѣли отъ дороговизны хлѣба. Безпорядки, извѣстные подъ именемъ La guerre de farines, начались еще въ мартѣ въ городкѣ Ерви (въ 31 километровъ отъ Ю.-В. отъ Труа); но они были очень легко прекращены, и виновные были наказаны [58]).

18 апрѣля безпорядки повторились въ Дижонѣ. Сотенъ пять крестьянъ овладѣли городомъ, разграбили хлѣбные склады и лавки, разрушили мельницу, владѣльца которой они обвиняли въ хлѣбной монополіи; они напали также на домъ С. Коломба, бывшаго совѣтникомъ въ парламентѣ Мону. Они хотѣли убить хозяина, подозрѣвая его въ принадлежности къ Pacte de famine; но онъ спрятался въ кучѣ навоза, а его преслѣдователи нашли, вмѣсто него, его богатый винный погребъ, гдѣ и забыли о предметѣ своего преслѣдованія. Отъ С. Коломба опьянѣвшая толпа направилась къ дому губернатора Дю-Пэна, на котораго возмутившіеся особенно сердились. На жалобу ихъ на недостатокъ хлѣба онъ отвѣчалъ: «Друзья мои, трава начинаетъ показываться, ступайте щипать ее!» Безъ вмѣшательства епископа возстаніе приняло бы очень

серьезный оборотъ. Онъ лично явился передъ возмутившимися и уговаривалъ ихъ успокоиться. Эти увѣщанія, а также и появленіе войскъ, вызванныхъ изъ Оксона (Auxonne въ 31 кил. отъ Дижона), водворили спокойствіе [59]).

По поводу этого возстанія Вольтеръ писалъ Кондорсе и дѣлалъ намекъ, что оно было вызвано врагами Тюрго, а въ письмѣ своемъ къ г-жѣ С. Жюльенъ, писанномъ нѣсколько позже самаго событія, онъ говоритъ уже прямо, что это возстаніе было возбуждено врагами Тюрго [60]). Насколько это вѣрно, мы разберемъ ниже.

Въ концѣ апрѣля начали замѣчать на базарахъ Парижа большое число крестьянъ и притомъ изъ селеній довольно отдаленныхъ. Они держали вызывающія рѣчи и держали себя довольно сомнительно. Во многихъ мѣстностяхъ вокругъ Парижа и въ верхней Нормандіи появлялись подозрительныя личности, побуждавшія къ возстанію или предвѣщавшія его; ходили разные угрожающіе слухи, возбуждавшіе безпокойство. Наконецъ, 1 мая возстаніе началось въ Понтуазѣ и тотчасъ же распространилось на многія мѣстности, находящіяся на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Парижа и частью на сѣверо-востокъ. Возстаніе выразилось въ томъ, что были разграблены пекарни и хлѣбныя лавки, при чемъ хлѣбъ не присвоивали, а либо разбрасывали на дорогѣ, либо кидали въ воду.

Изъ Понтуаза возставшіе отправились на Версаль. По дорогѣ они вели себя не буйно, не имѣли вовсе вида голодныхъ людей, а только уничтожали хлѣбные запасы и транспорты, встрѣчавшіеся на пути. Двигались они не зря, но по заранѣе намѣченному маршруту [61]). 2 мая возставшіе прибыли въ Версаль и наполнили дворъ дворца. Мы не знаемъ числа прибыв-

шихъ въ Версаль, но вѣроятно ихъ было не больше тысячи, такъ какъ Жобезъ указываетъ на шайку въ лѣсу Villers-Cotterets (по сѣв. жел. дорогѣ, около Суасана) въ 1.500 человѣкъ и на шайку Бонди (около Версаля) въ 700 человѣкъ и этимъ шайкамъ онъ приписываетъ главную роль въ возстаніи [62]).

Какъ бы то ни было, но въ Версали было 10,000 человѣкъ войска, спеціально назначеннаго для охраненія дворца, эта сила не тронулась, ни одинъ офицеръ не подумалъ оказать сопротивленіе. Толпа свободно бушевала около дворца, наводя ужасъ на его обитателей. Король изъ окна видѣлъ все, что дѣлалось на дворѣ и попытался выйти на балконъ, чтобы успокоить возмутившихся; но не могъ одолѣть гвалта и шума и воротился въ комнаты совершенно смущенный и крайне взволнованный, со слезами на глазахъ. Онъ нашелъ лучшимъ сдѣлать уступку и приказалъ объявить, что хлѣбъ будетъ таксированъ по 2 су фунтъ.

Вѣроятно не безъ чужихъ совѣтовъ сдѣлано было это, такъ какъ были же такіе, которые совѣтовали даже бѣжать въ Шуази, а сторонниковъ старой системы во дворцѣ было довольно. Послѣ такого объявленія возставшіе разошлись, объявивъ, однако, что завтра явятся въ Парижъ.

Тюрго въ это время не было въ Версали; при вѣсти о событіяхъ въ Понтуазѣ онъ отправился въ Парижъ, гдѣ до поздней ночи совѣщался съ начальникомъ полиціи Ленуаромъ на счетъ мѣръ предосторожности; въ ту же ночь онъ поспѣшилъ окончить инструкціи относительно организаціи разнаго рода работъ для помощи нуждающимся. Утромъ онъ совѣщался съ маршаломъ Бирономъ, начальникомъ французскихъ гвардейцевъ. Онъ былъ еще въ столицѣ, какъ узналъ объ обѣщаніи, данномъ королемъ. Послѣдній самъ написалъ ему записку, прося его немедленно прибыть въ Версаль, и

признавался, что допустилъ политическую ошибку, которую надо исправить [63]).

Тюрго прибылъ туда и уговорилъ короля издать указъ, которымъ воспрещалось требовать хлѣбъ отъ купцовъ и булочниковъ по цѣнѣ ниже рыночной. Въ ночь со 2 на 3 были разставлены войска по дорогамъ къ Парижу и Версали, а также вокругъ дворца. Было арестовано нѣсколько лицъ, по своему званію стоящихъ выше массы народа.

Не смотря на принятыя предосторожности, возставшіе проникли 3 мая въ Парижъ разными воротами, выдавая себя за продавцовъ овощей [64]). Они тотчасъ напали на булочныя и на хлѣбные склады и разграбили ихъ. Только нѣкоторые рынки и главнымъ образомъ хлѣбный рынокъ остались совершенно нетронутыми. Послѣдній охраняли гренадеры французскихъ гвардейцевъ и королевскіе драгуны. Въ другихъ мѣстахъ войска были равнодушными зрителями безпорядковъ, также какъ и масса любопытныхъ, собравшихся по этому случаю; но не пристававшихъ къ возстанію. Около 11-ти часовъ утра послѣднее прекратилось не вслѣдствіе сопротивленія съ чьей либо стороны, а вслѣдствіе усталости дѣятелей, да кромѣ того къ этому времени всѣ булочныя были уже разграблены. Послѣ обѣда любопытные парижане тщетно искали возставшихъ.

Итоги дня показали Тюрго, какъ мало можно надѣяться на дѣятельную помощь со стороны начальника полиціи. Онъ увидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и парламентъ становится ему поперегъ дороги. Послѣдній издалъ постановленіе, которымъ объявлялось, что парламентъ будетъ просить короля о пониженіи цѣнъ на хлѣбъ.

Тюрго отвѣчалъ на это постановленіе тѣмъ, что задержалъ въ типографіи невыпущенные экземпляры по-

становленія, а наклеенныя на улицахъ приказалъ закрыть декларацией отъ имени короля, которою воспрещались всякія сборища подъ страхомъ смертной казни. Съ начальникомъ полиціи Делессеромъ было поступлено рѣшительно: въ королевскомъ совѣтѣ, бывшемъ въ ночь съ 3 на 4, имъ онъ былъ уволенъ за дѣйствія настоящій Тиро. Только что разошелся этотъ совѣтъ, какъ пришли новыя серьезныя вѣсти: оказывалось, что движеніе снова начинается.

Тотчасъ же опять собрался совѣтъ и принялъ слѣдующія мѣры: приказать войскамъ, расположеннымъ вокругъ столицы, придвинуться къ ней поближе; начальство надъ войсками, расположенными въ Парижѣ, передается маршалу Бижо; Тьеръ назначается первымъ министромъ и министромъ Парижскаго департамента по дѣламъ о волненіяхъ (ministre des troubles). Утромъ 4 Гаро отправился въ Парижъ. Прощаясь съ нимъ и обнявъ его, король сказалъ: «слушайте, мой другъ, когда имѣютъ, какъ вы, да и я, честную совѣсть, то людей не боятся». Другъ же говорятъ, что онъ былъ менѣе твердъ и сказалъ Гаро такую фразу: «По крайней мѣрѣ, какъ же [illegible] удержать себя въ чемъ нибудь».

Восстаніе [illegible] [illegible] [illegible] такъ какъ войска уже были расположены [illegible] [illegible] позиціяхъ и имъ было [illegible] [illegible] [illegible] только шумомъ, если не [illegible] [illegible] [illegible] одного офицера [illegible] [illegible] [illegible] одного [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] уличныя были [illegible] [illegible] [illegible] спокойствіе уже [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] всё дѣло о возмущеніи [illegible]

(tournelle civile et criminelle pour juger les auteurs et les complices des auteurs de la sedition). Уже вечеромъ 4 мая начался въ Шатле допросъ арестованныхъ, которыхъ насчитывалось въ это время до 180 челов. Но парламентъ увидѣлъ въ этомъ распоряженіи вмѣшательство въ свои полицейскія права (grande police) и представилъ свои возраженія и снова требовалъ пониженія цѣны на хлѣбъ. Дѣло было покончено въ lit de justice 5 мая, гдѣ парламенту было приказано регистровать эдикты. При этомъ ему было сказано устами хранителя печатей Миромениля: «Когда волненіе будетъ совершенно успокоено, король предоставитъ, если найдетъ удобнымъ, обыкновеннымъ судамъ заботу объ обнаруженіи истинныхъ виновныхъ, которые тайными путями вызывали излишества... (qui par de menées sourdes peuvent avoir donné lieu aux excès)...

Понимая настоящее значеніе мѣръ строгости, Тюрго принималъ и другія: чтобы поддержать бодрость хлѣбной торговли, онъ тотчасъ же выдалъ вознагражденіе (5000 фр.) купцу Планте (Planter) за хлѣбъ, который былъ брошенъ въ воду съ его лодки во время безпорядковъ.

Еще ранѣе того въ концѣ апрѣля были пріостановлены рыночныя пошлины на хлѣбъ въ Дижонѣ, Бонѣ (Beaune), С. Жанъ-де-Лонѣ, Монбарѣ и въ Понтуазѣ [66]).

Желая облегчить бѣднѣйшее населеніе, Тюрго выхлопоталъ у короля распоряженіе о пріостановкѣ дорожной повинности. Въ циркулярѣ, адресованномъ по этому поводу интендантамъ, онъ предписываетъ имъ пріостановить дѣйствіе дорожной повинности, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дороговизна хлѣба даетъ себя сильно чувствовать. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ весенняя дорожная повинность уже отбыта, жители

должны быть освобождены отъ нея осенью. Тамъ же, гдѣ работы еще не начаты, Тюрго рекомендуетъ интендантамъ предложить обществамъ (paroisse) замѣнить отбываніе натуральной повинности денежнымъ взносомъ. Этимъ способомъ предполагалось добыть суммы для доставленія заработка бѣднѣйшимъ жителямъ. Можно догадываться, что самый сборъ денегъ предполагалось сдѣлать только съ болѣе состоятельныхъ крестьянъ.

Для того, чтобы дѣло исправленія дорогъ терпѣло возможно меньшій ущербъ, Тюрго предписывалъ употреблять на это дѣло такъ называемыя ateliers de charité **).

Мы уже упомянули о томъ, что Тюрго организовалъ работы съ цѣлью помощи бѣднымъ. Два документа, помѣченныхъ 1 и 2 мая, свидѣтельствуютъ о заботахъ Тюрго въ этомъ направленіи. Первый изъ нихъ, это мемуаръ, касающійся организаціи работъ въ Парижѣ. Здѣсь онъ рекомендуетъ организацію работъ, предназначенныхъ преимущественно для женщинъ и для дѣтей, какъ то: пряжа, плетеніе кружевъ и блондъ. Для этого предполагалось по извѣстной цѣнѣ выдавать нуждающимся матеріалъ и затѣмъ принимать отъ нихъ готовый продуктъ, выплачивая за него нѣсколько выше рыночной цѣны. Вести это дѣло предполагалось поручить шести купцамъ *)

Другой документъ, это инструкція для организаціи работъ въ деревняхъ. Тюрго предпочелъ постройку дорогъ, какъ дѣло, къ которому можно привлечь наибольшее число нуждающихся въ работѣ. Онъ указывалъ однако на возможность выдачи субсидіи существующимъ заводамъ и мануфактурамъ, чтобы тѣ [illegible] они возобновили свою работу, и на выдачу матеріала для пряжи нуждающимся въ [illegible] изъ которыхъ упалъ сбытъ этого продукта

Инструкція останавливается, однако, главнымъ образомъ на устройствѣ работъ на дорогахъ. Въ 44 параграфахъ, которыми обнимается ея содержаніе, сказано все, что можно сказать объ организаціи этого дѣла со стороны технической, полицейской и хозяйственной. Нужно видѣть подробности, въ которыя вдается авторъ инструкціи, чтобы убѣдиться, насколько знакомо ему было дѣло и какъ усердно онъ заботится о томъ, чтобы въ его инструкціи все было по возможности предусмотрѣно и растолковано совершенно ясно. Веденіе работъ инженерами и ихъ кондукторами, распредѣленіе рабочихъ по участкамъ и бригадамъ, распредѣленіе между ними работы и задѣльной платы, выдача послѣдней впередъ, въ счетъ работы, способы окончательной расплаты и учета работы, — вотъ главныя части этого труда.

Правда, еще въ 70 году, будучи интендантомъ въ Лиможѣ, Тюрго во всей подробности познакомился съ дѣломъ устройства благотворительныхъ работъ; ему поэтому, какъ спеціалисту, не трудно было составлять инструкцію; но если мы примемъ въ разсчетъ обстоятельства, при которыхъ составлялась послѣдняя, и срокъ, въ который надо было кончить ему работу, то нельзя не признать, что этотъ документъ, наравнѣ съ письмами о хлѣбной торговлѣ, можетъ служить характеристикой быстроты, съ которой работалъ этотъ государственный человѣкъ. Въ циркулярѣ къ интендантамъ Тюрго указывалъ, что содѣйствіе священниковъ было бы очень дорого въ дѣлѣ устройства благотворительныхъ работъ. Къ ихъ посредничеству онъ рѣшился обратиться для разъясненія народу истиннаго значенія совершавшихся событій и для предупрежденія, по возможности, повторенія волненій. Для этого, при письмѣ къ епископамъ и архіепископамъ онъ разослалъ инструкцію, которую они должны были раздать

священникамъ. Въ этой инструкціи Тюрго старается выяснить искуственный характеръ возстанія, раскрыть возможныя послѣдствія его и указать на настоящія причины поднятія или упадка цѣнъ на хлѣбъ.

«Оно (возстаніе) не вызвано дѣйствительнымъ недостаткомъ хлѣба, говоритъ Тюрго въ своей инструкціи; послѣдній былъ всегда въ достаточномъ количествѣ на рынкахъ, равнымъ образомъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя первыми подверглись грабежамъ».

«Оно не было также вызвано крайностью несчастья: бывали времена, когда хлѣбъ становился гораздо дороже и никакого ропота не было слышно...»

«Грабежъ былъ начинаемъ людьми, чужими въ тѣхъ приходахъ, которые подвергались ограбленію: эти развращенные люди, исключительно занятые тѣмъ, чтобы возбудить умы, не брали себѣ хлѣба, который грабили, а если и брали, то только для того, чтобы продать его для удовлетворенія своей жадности».

«Случалось, что они платили за хлѣбъ; но покупали такое значительное количество, что деньги, заплаченныя за него, доказывали вполнѣ, что они не были вынуждены (волноваться) ни лишеніями, ни опасеніемъ испытать ихъ...»

«Бывали случаи, что ограбленный хлѣбъ бросали въ воду. Безпутство доходило до того, что сжигали амбары, полные хлѣба и даже цѣлыя фермы. Можно думать, что цѣлью всего заговора было произвести настоящій голодъ въ областяхъ, окружающихъ Парижъ и въ самомъ Парижѣ, чтобы довести населеніе до нужды и отчаянія и тѣмъ вызвать его на крайности».

«Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ безпорядковъ долженъ быть недостатокъ хлѣба, ибо, если бу-

дутъ продолжать... грабить обозы съ хлѣбомъ въ пути, опустошать рынки, какимъ образомъ можно себя льстить надеждою, что они будутъ достаточно снабжены, что хлѣбъ не станетъ еще дороже, что будучи разбросаннымъ, перехваченнымъ и остановленнымъ всюду, онъ не исчезнетъ совсѣмъ?

Если хлѣбъ значительно вздорожалъ, то его сдѣлаютъ дешевле не тѣмъ, что будутъ уничтожать, грабить, истребляя такимъ образомъ часть народнаго продовольствія»...

Тюрго проситъ священниковъ разъяснить народу, что цѣна хлѣба зависитъ отъ качества урожая и что мудрость правительства можетъ достигнуть лишь смягченія дороговизны; но что всѣ эти мѣры предосторожности, которыя никогда не принимались въ такихъ размѣрахъ, какъ съ начала царствованія Его Величества, не могутъ сдѣлать того, чтобы не было дороговизны, которая также неизбѣжна, какъ непогода, дожди и засухи, ее производящіе»...

Эта послѣдняя фраза послужила предметомъ зубоскальства. Одинъ изъ современниковъ, упоминая объ инструкціи, говорилъ, что Тюрго успокоиваетъ народъ тѣмъ, что хлѣбъ—былъ дорогъ, дорогъ, будетъ дорогъ и долженъ быть дорогъ. Многіе духовные были недовольны инструкціей, видя въ самомъ фактѣ порученія, возлагаемаго на священниковъ, попытку Тюрго подчинить духовенство королевской власти и сдѣлать короля главою галликанской церкви [68]).

Но самое сильное негодованіе въ нѣкоторыхъ сферахъ возбудила одна изъ заключительныхъ фразъ инструкціи: Когда народъ узнаетъ, кто его (возстанія) зачинщики, онъ ихъ увидитъ съ ужасомъ, и тѣмъ менѣе будетъ имѣть довѣрья къ нимъ; если онъ узнаетъ о грозившихъ послѣдствіяхъ, то онъ испугается

нихъ болѣе, чѣмъ самаго голода». Этой фразой онъ намекалъ на высокихъ виновниковъ безпорядка (такъ думаетъ Дюпонъ-де-Немуръ и таково было мнѣніе многихъ [69]) и, угрожая раскрытіемъ ихъ вины, раздражалъ ихъ до крайности. Нѣкоторые поняли эту фразу за обязательство раскрыть заговоръ, что считали невозможнымъ, а потому самую фразу признавали неосторожной.

Если дѣйствительно неосторожно дразнить своихъ противниковъ, не имѣя силы уничтожить или побѣдить ихъ, то винить за эту фразу слѣдуетъ архіепископа тулузскаго Ломени де-Бріена, впослѣдствіи министра, которому поручена была послѣдняя редакція инструкціи и которому принадлежитъ помянутая фраза. Я думаю, однако, что Ломени де-Бріенъ вставилъ, а Тюрго пропустилъ означенную фразу не по неосторожности. Въ тотъ моментъ, когда они писали, можно было разсчитывать на раскрытіе высокопоставленныхъ виновниковъ возстанія, и въ особенности бывшихъ участниковъ постыдныхъ спекуляцій хлѣбомъ. Этихъ послѣднихъ именно и разумѣетъ намекъ, какъ можно догадываться изъ прибавки «il les verra avec horreur». Къ нимъ дѣйствительно не могли относиться иначе, какъ съ ужасомъ, люди, испытавшіе прелести продѣлокъ «Pacte de Famine» [70]).

Между тѣмъ въ Шатле производилось разбирательство, которое совершенно оправдываетъ мнѣніе Дюпонъ де-Немура, что главные виновники остались въ сторонѣ. Двухъ лицъ признали зачинщиками возстанія и приговорили къ смертной казни. То были цирюльникъ и старьевщикъ. Казнь надъ ними была совершена 11 мая на Гревской площади, въ присутствіи огромной толпы народа. Можно согласиться съ тѣми, кто, признаетъ, что казнь этихъ лицъ была необходима для того, чтобы избѣжать большаго несчастія

отъ распространенія возстанія. Послѣ подавленія его въ Парижѣ оно распространилось въ Фонтенебло, Компьенѣ, Шуази, Бри-Контъ-Роберѣ; главнѣйшіе рынки Нормандіи были потрясены безпорядками, произведенными людьми, руководившимися болѣе стремленьемъ къ разрушенію, чѣмъ бѣдностью [71]).

Голодъ, бывшій до сихъ поръ лишь фикціею, могъ легко стать серьезной дѣйствительностью. Признавая солидность этихъ доводовъ, признавая далѣе, что казненные были законно осуждены мѣстомъ, которое также законно существовало, мы не можемъ не остановиться на несправедливости состоявшагося приговора.

Несправедливость эта, въ силу которой главныхъ виновниковъ пальцемъ не тронули, есть необходимое слѣдствіе стараго порядка, а вмѣстѣ и его осужденіе. Гдѣ нашлось бы то судебное мѣсто, которое осудило бы главныхъ виновниковъ, сильныхъ міра сего? Парламентъ? Развѣ это сонмище судей привиллегированныхъ, купившихъ и получившихъ по наслѣдству свои мѣста,—судей, способныхъ казнить Калласа, — развѣ оно подняло бы руку на враговъ реформы? Никогда. Судъ превотальный? Онъ могъ осудить цирюльника, но даже не лакея герцога Артуа.

Ходъ разбирательства и его позорные результаты должны были побудить Тюрго какъ можно скорѣе прекратить его и избавиться отъ необходимости приносить новыя жертвы правосудію.

Въ самый день казни былъ изданъ ордонансъ объ уничтоженіи сборищъ», который избавляетъ отъ всякаго преслѣдованія тѣхъ, кто по опубликованіи настоящаго ордонанса, оставитъ возстаніе и воротится на свое мѣстожительство. Изъ этой, можно сказать, амнистіи исключаются лишь зачинщики.

явленіемъ восстаніе событіемъ экстраординарнымъ, причину котораго (principe) раскрыть не могли».

«Сторонники злоупотребленій возмутились, говоритъ Веберъ (молочный братъ Маріи Антуанетты): народъ возстали противъ закона, который долженъ былъ его спасти; создали обманный неурожай (disette factice) среди обилія». «То вѣрно, говоритъ Мармонтель, что грабежъ лавокъ и булочныхъ происходилъ совершенно спокойно и безпрепятственно». Какъ выше, [illegible] полиціи. «Мы увѣрены, говоритъ корреспонденція Метра, что ни недостатокъ хлѣба, ни его дороговизна не были настоящей причиной безпорядковъ; ни одинъ честный человѣкъ не былъ его зачинщикомъ, это заговоръ, составленный противъ генералъ-контролера и, конечно, противъ другихъ министровъ». Приводимъ вещественныя доказательства: въ С. Августинскомъ предмѣстьѣ арестовали одного бродягу прилично одѣтаго, и при немъ нашли 500 ливровъ. Также была арестована одна женщина прилично одѣтая [illegible]. Въ карманахъ арестованныхъ находили много золотыхъ и серебряныхъ монетъ [illegible]. [illegible] de Varenne и одинъ [illegible] Арсенала [illegible] были арестованы [illegible] Гамбургъ [illegible] что [illegible] къ фермерамъ [illegible] анонимныя письма, въ которыхъ [illegible]

[illegible]

движенія служитъ такимъ же доказательствомъ. Относительно возстанія въ Дижонѣ нельзя сказать этого; тамъ безпорядки идутъ такъ, какъ они происходятъ обыкновенно, будучи вызваны нуждой. Народъ, доведенный до крайности, является въ городъ грабить лавки, нападаетъ на домъ члена «парламента Мопу», зная хорошо отношенія этого господина къ «Pacte de famine», пытается убить губернатора и т. д. Нѣтъ ничего необыкновеннаго, могущаго вызвать подозрѣніе. Поэтому Г. Мартэнъ не рѣшается признать въ дижонскомъ возстаніи результатъ махинацій заговорщиковъ [75]).

Если мы не можемъ такъ рѣшительно отрицать дѣйствіе тайныхъ махинацій, то это потому, что не знаемъ, какъ началось движеніе и потому еще, что имѣемъ упомянутое выше показаніе Вольтера, а также и слѣдующее заявленіе Дюпонъ-де-Немура: «Тѣ провинціи, гдѣ происходили волненія, не были изъ числа тѣхъ, гдѣ стояла самая высокая цѣна [76]).

Совершенно иной видъ имѣетъ возстаніе въ окрестностяхъ Парижа. Печатаніе подложнаго постановленія совѣта и анонимныя письма обличаютъ несомнѣнно существованіе зачинщиковъ, стоящихъ по развитію и средствамъ выше массы народа, и гораздо выше. Золотыя монеты и даже значительныя суммы денегъ, найденныя у арестованныхъ, служатъ доказательствомъ участія (тайнаго) въ возстаніи лицъ состоятельныхъ. Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ несомнѣнно является присутствіе опредѣленнаго плана въ движеніи. Возстаніе началось въ 30 километрахъ сѣвернѣе Парижа (въ Понтуазѣ), и тотчасъ движеніе возставшихъ принимаетъ правильный характеръ. Возставшіе двигаются по направленію къ Парижу, придерживаясь теченія Сены. Переходя отъ города къ городу, они напередъ указываютъ свой маршрутъ, дорогой идутъ до-

[illegible] Это не разбойники и не голодные люди. Они не грабятъ ничего кромѣ хлѣба: но и этотъ послѣдній они не берутъ себѣ, а уничтожаютъ. Особенно аккуратно они уничтожаютъ обозы съ хлѣбомъ, а также и всѣ караваны судовъ, направляемыхъ къ Парижу. При этомъ они разрѣзываютъ мѣшки и спускаютъ хлѣбъ въ воду. Такимъ образомъ они задерживаютъ съ сѣвера и сѣверо-запада къ Версалю и къ Парижу. Они также хотятъ прервать подвозъ хлѣба къ столицѣ. Это было особенно важно, такъ какъ [illegible] черезъ этимъ Гавре [illegible] послѣдніе хлѣба изъ Гавра. [illegible] хлѣбные за- [illegible]

[illegible]

[illegible]

ная война» была дѣломъ заговора, составленнаго людьми сытыми, но имѣвшими основаніе враждебно относиться къ торговой политикѣ Тюрго.

Кто же можетъ быть обвиненъ или по крайней мѣрѣ заподозрѣнъ въ тайномъ участіи и руководительствѣ повстаніемъ? Никто не пытался резюмировать всѣхъ подозрѣній и обвиненій такъ точно и подробно, какъ Фонсенъ. Устраняя всякія подозрѣнія противъ Маріи Антуанетты и Морепá, онъ останáвливаетъ вниманіе на обвиненіяхъ противъ Сартина, Конти, парламента, партіи Шуазеля и противъ духовенства и бывшихъ участниковъ Pacte de famine.

Обвиненія противъ Сартина подняты были со стороны аббата Бодо, страстнаго приверженца системы физіократовъ. Аббатъ Бодо, говоритъ продолжатель мемуаровъ Башомона (подъ 25 мая), приписываетъ безпорядки интригамъ Сартина и говоритъ, что это нельзя доказать, только благодаря смерти нѣкоторыхъ посредниковъ. Какое безстыдство! [77]). Сартинъ жаловался Тюрго, тотъ предложилъ ему, если онъ хочетъ, посадить аббата въ Бастилію, на что тотъ отвѣтилъ, что ищетъ правосудія; но никакого процесса не послѣдовало. Между тѣмъ въ корреспонденціи Метра есть извѣстіе, что какой то графъ Д*, ѣздившій въ Эксъ, привезъ съ собой нѣсколько печатныхъ экземпляровъ подлиннаго постановленія королевскаго совѣта и принесъ ихъ Тюрго, который поблагодаривъ его, сказалъ: «Мы почти дошли уже до источника этой ужасной *интриги* (trame) противъ общественнаго спокойствія, и мы надѣемся раскрыть все, хотя мы узнали, что зачинщики употребили самыя смѣлыя средства, чтобы скрыться и, между прочимъ, отправили на тотъ свѣтъ девять или десять посредствующихъ агентовъ» [78]).

Извѣстіе о какихъ то погибшихъ агентахъ встрѣчается, такимъ образомъ, два раза, въ различныхъ ис-

[illegible] достаточно, чтобы [illegible] на вѣру. Но нѣтъ дыму безъ огня, а по-[illegible] предположить, что что-то такое произошло. [illegible] Еще менѣе можно приписывать Сартану [illegible] этихъ агентовъ, ибо самъ Бодо этого [illegible] основаніе для подозрѣнія Сартана [illegible] сообщничествѣ съ безпорядками [illegible] уже потому, что онъ не преслѣдо-[illegible] порядкомъ. Отношеніе же къ [illegible] подчиненнаго Лешуара. [illegible] онъ отпадалъ, — даетъ [illegible] думать, что Сартану, по крайней [illegible] сумматица. [illegible] достаточно [illegible] нѣтъ.

[illegible] Лешуара [illegible] чѣмъ сомнительно. Под-[illegible] у лѣвыхъ. Его [illegible] Лешуару [illegible]

[illegible]

[illegible]

могъ Тюрго за то, что послѣдній твердо защищалъ государственную казну отъ его расхищеній.

Духовенство тоже было причастно движенію; но не in corpore. Нѣсколькихъ духовныхъ лицъ арестовали, иные обвинялись въ томъ, что съ каѳедры проповѣдывали противъ министровъ короля [50]); другіе давали деньги на дешевую, насильственную покупку хлѣба и складывали у себя купленный хлѣбъ.

Сильныя подозрѣнія имѣются противъ Шуазеля. Съ самаго вступленія на престолъ Людовика XVI не прекращались попытки воротить къ власти опальнаго министра. Всевозможные происки пускались въ дѣло для достиженія этой цѣли. М-me де Бріоннъ, особа чрезвычайно преданная Шуазелю, успѣла подать королевѣ анонимный мемуаръ, въ которомъ положеніе Франціи рисовалось самыми мрачными красками, дѣйствія министерства критиковались безпощадно и указывалась необходимость призвать къ управленію «человѣка, который одинъ только способенъ» уничтожить столько золъ. Морепа были также представлены двѣ анонимныя брошюры, еще яростнѣе нападавшія на министерство и особенно на Тюрго. Совершенно естественно было для коноводовъ партіи фактически, путемъ народнаго возстанія, доказать правительству вѣрность изображенной картины бѣдствій и такимъ путемъ достичь низверженія главнаго министра.

Герцогъ Артуа былъ въ числѣ вожаковъ партіи Шуазеля и ревностно дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Его служащіе были, какъ мы видѣли, арестованы въ числѣ участниковъ возстанія и одного изъ нихъ Карре приговорили къ смертной казни, и только особенныя ходатайства герц. Артуа спасли ему жизнь. Изъ одного письма m-me Дюд-фанъ комментированнаго Фонсеномъ видно, что кружокъ этой женщины, принадлежавшей къ партіи Шуазеля, зналъ, что цѣлью возста-

мы было низверженіе Тюрго, что оно имѣло коноводовъ, хотя они ему не были извѣстны. Въ заключеніе въ письмѣ выражается рѣшеніе создать новые планы и проэкты (низверженія Тюрго [31]).

Всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, позволяютъ не безъ основаній видѣть въ возстаніи происки партіи Шуазеля, но ихъ недостаточно для того, чтобы поставить прямое обвиненіе.

Еслибы, однако, данныхъ было гораздо больше, то они представили бы интересъ не въ томъ смыслѣ, что убѣдили бы насъ положительно въ виновности того или другаго лица, или той или другой изъ придворныхъ партій. Ихъ главный интересъ заключался бы въ томъ, что они открыли бы намъ тѣхъ дѣятелей, которые заинтересованы были въ паденіи Тюрго въ силу своихъ интересовъ, жестоко нарушенныхъ его системой. Я говорю о тѣхъ лицахъ, которые въ концѣ послѣдняго царствованія составляли чудовищное сообщество, прозванное «Pacte de famine», спекулировавшее на народный голодъ и за счетъ государственныхъ суммъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни для кого не сталъ Тюрго такимъ страшнымъ пугаломъ, какъ для нихъ, такъ какъ первое время его министерства занято было почти исключительно заботами объ освобожденіи хлѣбной торговли, отъ тѣхъ лишеній, которыя были въ значительной части созданы въ видахъ удобства безстыдныхъ спекуляцій и цѣликомъ были благопріятны для послѣднихъ. Тюрго прекратилъ также покупку хлѣба за счетъ государства.

Само собою разумѣется, что вся масса лицъ, наживавшихся въ послѣдніе годы Людовика XV, осталась теперь на мели, благодаря дѣятельности новаго министра.

Если кому либо нужно было низвергнуть Тюрго, при томъ нужно было ради продолженія наживы, такъ

это монополистамъ и спекуляторамъ хлѣбной торговли. По скольку аббатъ Терре и Мопу были заинтересованы дѣйствіями «Pacte de famine», по стольку, конечно, подозрѣніе падаетъ и на нихъ. Но вѣдь и многіе придворные и члены королевской фамиліи были участниками спекуляцій, а поэтому они должны были быть врагами Тюрго, помимо новизны его системы.

Намъ скажутъ, что возставшіе въ Дижонѣ нападаютъ именно на бывшихъ членовъ «Pacte de famine», что сдвали могло бы быть, еслибы ихъ сотоварищи устраивали возстаніе; но на это легко возразить. Зачинщики возстанія не могли управлять его деталями изъ своихъ апартаментовъ. Напротивъ, народъ, нападая на нихъ, указывалъ людей, могущихъ вызывать дороговизну хлѣба.

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить указаніе на слѣды участія въ возстаніи членовъ «Pacte de famine». Два важныхъ агента этого сообщества Сорренъ (Saurin) и Думеркъ (Doumercq) были арестованы, членъ высшаго эх-совѣта (парламентъ Мопу) Руана былъ также арестованъ. Они были выпущены за недостаточностью уликъ; но не забудемъ, что слѣдствіе по дѣлу о безпорядкахъ было прервано, а потому фактъ освобожденія арестованныхъ ровно ничего не доказываетъ.

Самый фактъ прекращенія слѣдствія о безпорядкахъ объясняется нежеланіемъ или боязнью Людовика XVI преслѣдовать людей близко къ нему стоявшихъ. Догадка на этотъ счетъ, высказанная Дро, подтверждается Веберомъ, который говоритъ, что «король хотѣлъ милосердіемъ заставить умолкнуть зачинщиковъ возстанія».

Это прекращеніе дѣла было плохою услугою для Тюрго послѣ того, какъ имъ уже оффиціально сдѣ-

данъ былъ намекъ на зачинщиковъ возстанія; исторія не можетъ не пожалѣть о томъ, что дѣло было замято, такъ какъ этимъ самымъ она лишена возможности положительнымъ образомъ опредѣлить значеніе «мучной войны» и доказать, что она была реакціей монополистовъ противъ новой системы хлѣбной торговли, была чудовищнымъ соединеніемъ противоположныхъ элементовъ: агенты и жертвы «Pacte de famine» подали другъ другу руки: страсти народныя смѣшались съ побужденіями самыми ретроградными. Буйная и слѣпая часть народа служила противъ друга народа сторонникамъ деспотизма [52]).

Остается сказать еще два слова въ объясненіе событій, отвѣтивъ еще на одинъ вопросъ: какъ могло состояться то соединеніе противоположныхъ элементовъ, о которомъ только что говорилось? Это объясняется слѣдующими соображеніями: правительство Франціи давно стало всемогущимъ въ глазахъ народа, такъ что всѣ явленія жизни приписывались ему; правительство дискредитировало себя въ послѣдніе годы Людовика XV-го именно въ области хлѣбной торговли. Поэтому поднять народъ, притомъ въ небольшихъ размѣрахъ противъ Версаля было не трудно, и походъ противъ Версаля во время «мучной войны» былъ прообразомъ путешествія парижанъ въ Версаль въ октябрьскіе дни (89 года) съ цѣлью понизить цѣну на хлѣбъ, переведя въ Парижъ «главнаго булочника и главную булочницу».

Майское возстаніе было подавлено. Оно не только не низвергло Тюрго, но, какъ замѣчаетъ г-жа Дюдефанъ, оно усилило его значеніе. Онъ могъ поэтому

продолжать свою работу освобожденія хлѣбной торговли отъ путъ, ее связывавшихъ. Какъ человѣкъ ясныхъ, отчетливыхъ убѣжденій, человѣкъ, при томъ практическій и обладающій твердой волей, Тюрго не могъ ни испугаться возстанія и остановиться на полдорогѣ, ни усумниться въ правильности своей системы. Онъ былъ увѣренъ, что возстаніе имѣло мало общаго съ дороговизной хлѣба и что сама дороговизна-то происходитъ отъ такихъ причинъ, которыя могутъ быть устранены силой правительства. Въ то время, какъ враги его вопіяли противъ излишней свободы, онъ былъ убѣжденъ, что для достиженія желанныхъ результатовъ послѣдняя еще далека отъ надлежащей полноты. Общее распоряженіе о свободѣ хлѣбной торговли наталкивалось на разныя мѣстныя установленія, еще не отмѣненныя, и парализовалось ими. Одну изъ существенныхъ причинъ неудачи законовъ 1763 и 1764 года Тюрго видитъ въ томъ, что, издавъ общій законъ, не позаботились объ уничтоженіи этихъ мѣстныхъ установленій [83]).

Эти установленія представлялись въ видѣ разныхъ налоговъ на хлѣбные продукты, существовавшихъ повсюду, въ видѣ разныхъ должностей, содержавшихся на счетъ хлѣбной торговли въ вознагражденіе за то, что лица, занимавшія эти должности, препятствовали ей, наконецъ, въ видѣ регламентовъ, совершенно упразднявшихъ всякую частную предпріимчивость. Налоги на хлѣбъ въ городахъ существовали подъ разными наименованіями. Самымъ распространеннымъ былъ octroi, ввозная пошлина (въ городъ), затѣмъ слѣдовали: minage, aunage, hallage и проч. (этими именами назывались различныя рыночныя пошлины) и пошлины, взимавшіяся въ пользу разныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій. Прежде всего послѣдовало уничтоженіе octroi, minage, hallage, aunage и нѣкоторыхъ другихъ

городскихъ пошлинъ въ тѣхъ городахъ, которыми овладѣло возстаніе, затѣмъ въ теченіи мая мѣсяца сдѣланы были распоряженія объ отмѣнѣ этихъ налоговъ въ генералитетахъ Безансона, Лотарингіи, Меца, Фландріи, Пикардіи, Эно (Hainaut), Шампани, Руана, Мулена, Ларошели и Парижа. Далѣе въ началѣ іюня отмѣнено octroi въ Бордо.

Не смотря на то, что этотъ городъ игралъ важнѣйшую роль въ ввозѣ хлѣба, тамъ взималось octroi не только съ хлѣба, идущаго на потребленіе города, но и съ тѣхъ партій, которыя шли транзитомъ. Въ 1757 году издано было правительствомъ распоряженіе, по которому транзитный хлѣбъ могъ не платить octroi въ теченіи шести дней; но по истеченіи этого срока подвергался оплатѣ, хотя бы и предназначался къ вывозу изъ города. Для такого хлѣба былъ устроенъ особый складъ, въ которомъ онъ долженъ былъ находиться въ теченіи льготныхъ дней. Чтобы избавиться отъ стѣсненій, коммерсанты устраивали свои склады внѣ черты octroi, что, конечно, было очень неудобно для ихъ торговли. На ходатайство ихъ объ отмѣнѣ такого порядка вещей правительство отвѣчало отказомъ (1767 г.), и только въ 1771 года согласилось отмѣнить octroi съ транзитнаго хлѣба; но все таки дѣло это было обставлено такими формальностями, что сдѣланная льгота приносила мало пользы. Поэтому совершенная отмѣна octroi имѣла значеніе для всего юго-запада Франціи, такъ часто нуждавшагося въ привозномъ хлѣбѣ [84]).

На другой день послѣ отмѣны octroi въ Бордо состоялось постановленіе совѣта, отмѣнявшее во всѣхъ городахъ Франціи, за исключеніемъ Парижа и Марсели, octroi и другіе городскіе сборы съ хлѣба; но не сборы, которые производились на рынкахъ въ пользу

executeurs de la haute justice. Послѣдніе этими сборами вознаграждались за свой трудъ [85]).

Это постановленіе совѣта возбудило недоразумѣніе между многими сеньорами, пользовавшимися правомъ (феодальнымъ) на сборъ разнаго рода пошлинъ съ хлѣба. Недоразумѣніе ихъ вызвано было фразой введенія къ постановленію совѣта, гдѣ говорилось объ отмѣнѣ рядомъ съ octroi «какихъ бы то ни было сборовъ»; съ другой стороны они вспомнили, что еще 10 августа 1768 года сдѣлано было распоряженіе о пересмотрѣ правъ сеньоровъ на сборъ пошлинъ съ хлѣба. Съ этой цѣлью приказано было представить въ шестимѣсячный срокъ всѣ документы, удостовѣряющіе упомянутыя права. Теперь сеньоры подумали, что правительство вспомнило объ этомъ, забытомъ распоряженіи и отмѣнило, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, ихъ права.

Тюрго устранилъ ихъ недоразумѣніе указаніемъ на точный смыслъ текста постановленія совѣта и напомнилъ при этомъ принципъ справедливости, котораго онъ всегда держался: коль скоро отмѣняется право на доходъ, то обладатель таковаго права долженъ быть вознагражденъ [86]).

Но такъ какъ сеньоры, поднявъ вопросъ о своихъ правахъ, напомнили Тюрго о состоявшемся въ 1768 году распоряженіи, то 13 августа онъ издалъ постановленіе совѣта, которымъ объявлялось о предстоящей отмѣнѣ всѣхъ налоговъ на хлѣбъ, собираемыхъ въ пользу частныхъ лицъ; послѣднимъ предписывалось представить въ шести-мѣсячный срокъ документы, удостовѣряющіе ихъ права на взиманіе налога [87]).

Но это постановленіе совѣта постигла та же участь, какъ и постановленіе 1768 года, такъ какъ въ маѣ

рохъ, бобы чечевица и рисъ, за что прево и эшевены должны были получать вознагражденіе около 52 тыс. ливр. ежегодно до 1783 г. [88]).

Та часть этого налога, которая взималась съ предметовъ, не перечисленныхъ въ декларацiи, сохранялась до того срока, который былъ назначенъ прежде, т. е. до 1783 года.

Налоги въ пользу мѣрщиковъ и носильщиковъ, взимаемые съ разныхъ продуктовъ составляли сумму около четырехъ милліоновъ, а потому Тюрго рекомендовалъ королю возможно скорѣе покончить съ ними, чтобы избавить торговлю отъ такого бремени [89]).

Часть этихъ налоговъ, взимавшаяся съ пшеницы, meteils, муки, гороху, бобовъ, чечевицы и рису отмѣнена была совершенно, другая же, взимавшаяся съ другихъ предметовъ, сохранилась въ пользу казны и должна была взиматься въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде [90]).

Отмѣной налоговъ и связанныхъ съ ними формальностей Тюрго дѣйствительно освобождалъ хлѣбную торговлю и расчищалъ ей пути, загроможденные разными препятствіями. Какъ онъ самъ говорилъ, имъ были очищены отъ препятствій три другихъ центра, Бордо, Ліонъ и Руанъ, прежде чѣмъ онъ дошелъ до Парижа [91]).

Сюда слѣдовало бы прибавить еще Марсель, который тоже былъ прежде закрытъ для внутренней торговли. О Бордо мы знаемъ. О Ліонѣ должны ограничиться догадками. Тамъ существовали продовольственные магазины. Вѣроятно подъ предлогомъ ихъ наполненія, городскія власти почти въ конецъ уничтожили хлѣбную торговлю. Тюрго уничтожилъ эти магазины. Тамъ существовали такія транзитныя пошлины, что

Рона запиралась для торговли. Значительное уменьшеніе этихъ пошлинъ открыло торговый путь, важный для юга Франціи [92]).

Установленія, тормозившія хлѣбную торговлю Руана, а вмѣстѣ и всего сѣвера Франціи замѣчательны своимъ средневѣковымъ характеромъ. Городъ Руанъ издавна пользовался правомъ (banalité) монополіи на помолъ хлѣба. Для этого существовали четыре городскихъ мельницы, на которыхъ и долженъ былъ молоться весь хлѣбъ, потребляемый городскими булочниками. Такъ какъ четыре городскихъ мельницы далеко не были достаточны для города, то позволялось молоть и на другихъ мельницахъ, лишь бы только городской мельницѣ былъ уплаченъ помолъ. Это право города не распространялось на булочниковъ предмѣстья; но городская администрація позаботилась, чтобы они не могли воспользоваться выгодами своего положенія и стать опасными конкурентами для городскихъ булочниковъ [93]).

Монополія помола наносила ущербъ собственно жителямъ города, учрежденіе же привиллегированныхъ 112 хлѣботорговцевъ наносило ущербъ всей Нормандіи и сосѣднимъ съ нею областямъ. Этимъ купцамъ предоставлено было исключительное право покупки и продажи хлѣба не только въ Руанѣ, но и въ четырехъ главныхъ хлѣбныхъ рынкахъ Нормандіи. (Андели, Эльбефъ, Кодебекъ и Дюклеръ). Такимъ образомъ только черезъ ихъ руки могъ пройти хлѣбъ изъ Нормандіи въ Парижъ и въ мѣстности, находящіяся выше въ басейнѣ Сены. Правда, привиллегіи 112 были ограничены эдиктомъ 28 мая 1763 года; но за ними осталось право свидѣтельствованія всякаго хлѣба, прибывающаго въ городъ, и право опредѣленія его достоинства, такъ что они остались законодателями

цѣны хлѣба, да кромѣ того, своимъ правомъ контроля стѣсняли транзитъ по Сенѣ [94]).

Для дополненія картины положенія хлѣбной торговли въ Руанѣ слѣдуетъ прибавить, что тамъ существовала еще корпорація 90 носильщиковъ, разгрузчиковъ и нагрузчиковъ хлѣба, которой была предоставлена монополія совершенія соотвѣтственныхъ операцій, причемъ они должны были получать вознагражденіе по опредѣленной таксѣ [95]).

Такимъ образомъ свобода хлѣбной торговли для значительной части сѣвера Франціи должна была оставаться мертвой буквой, а провинціи средней Франціи не могли воспользоваться большею частью выгодъ ея, благодаря средневѣковымъ учрежденіямъ Руана. Поэтому эдиктомъ 23 іюня 1775 года Тюрго уничтожаетъ всѣ описанныя установленія, корпораціи, должности, постановивъ при этомъ, что убытки города и заинтересованныхъ лицъ должны быть возмѣщены.

Но нигдѣ не было столько чиновниковъ рыночной полиціи, которые числились на пристаняхъ, набережныхъ, крытыхъ рынкахъ и базарахъ, какъ въ Парижѣ. О числѣ ихъ можно судить по суммѣ въ четыре милльона ливровъ, доставляемой ежегодно налогами, въ пользу ихъ установленными. Какъ справедливо замѣчаетъ Тюрго, множество этихъ должностей обязано своимъ происхожденіемъ не столько потребности въ торговой полиціи, сколько пустотѣ государственной казны. Извѣстно, что короли Франціи очень часто учреждали разныя должности доходныя и почетныя, съ цѣлью ихъ продажи. Такъ было и съ торгово-полицейскими должностями Парижа [96]). Поэтому, когда въ 1719 г. эти должности были отмѣнены, то до самаго 1730 года торговля не ощущала отъ этого никакого неудобства [97]).

Въ 1759 году рѣшено было снова уничтожить эти должности; но дѣло это затянулось отъ неумѣнія найти средства для ихъ выкупа, такъ что по прежнимъ предположеніямъ существованіе ихъ отсрочено было до 1777 года. Тюрго находилъ однако такую отсрочку убыточной, ибо сумма въ 4 милліона, доставляемая налогами въ пользу этихъ должностей, могла быть употреблена на выкупъ ихъ. Поэтому эдиктомъ февраля 1776 г., регистрованнымъ въ знаменитомъ lit de justice 12 марта 1776 года, постановлено немедленное уничтоженіе почти всѣхъ торгово-полицейскихъ должностей [98]). Съ уничтоженіемъ ихъ выигрывала не только хлѣбная торговля, но и другія важныя отрасли торговли, какъ напр. торговля рыбой, такъ какъ уничтожаемые теперь «присяжные продавцы рыбой» не только обременяли своимъ существованіемъ потребителей рыбы, но еще и мошенничали въ ущербъ королю и публикѣ.

Должности рыночной полиціи создавались подъ предлогомъ содѣйствія торговли и сохраненія порядка въ послѣдней. А каковы были эти порядки мы видѣли въ Руанѣ. Въ Ліонѣ тоже совершалось нѣчто подобное. Регламентами 1700 и 1701 года разрѣшено было внѣ городскимъ булочникамъ продавать хлѣбъ въ городѣ лишь въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ, причемъ они обязаны были продавать его по низшей цѣнѣ, чѣмъ городскіе булочники. Это стѣсненіе оказалось недостаточнымъ, а потому десять лѣтъ спустя (1710) былъ изданъ новый регламентъ, которымъ совершенно запрещалось печь или продавать хлѣбъ тѣмъ изъ горожанъ, которые не имѣютъ степени мастера, а окрестнымъ жителямъ дозволялось продавать его лишь на одномъ мѣстѣ, указанномъ городскимъ управленіемъ. Но и на этомъ стѣсненіе не остановилось. Въ 1751 году издается новый регламентъ, которымъ частнымъ лицамъ совершенно запре-

щается приносить хлѣбъ въ городъ подъ страхомъ конфискаціи и 300 ливровъ штрафа; тоже самое запрещеніе относится и къ булочникамъ (т. е. цеховымъ мастерамъ) сосѣднихъ деревень и городовъ, только штрафъ налагается меньшій (100 фр.). Исключеніе сдѣлано лишь для мѣстечекъ Монлюэля (Montluel) и Сенъ-Піеръ-де-Шандье (Saint Pierre de Chantdieu), но все таки жителямъ тѣхъ мѣстечекъ дозволялось приносить хлѣбъ лишь три раза въ недѣлю съ обязательствомъ уносить каждый разъ непроданный хлѣбъ обратно.

Замѣчательно, что этотъ регламентъ былъ изданъ по просьбѣ городскихъ мастеровъ-булочниковъ, тогда какъ, по словамъ Тюрго, цеховыя учрежденія (jurandes, maitrises et communautés) были уничтожены въ Ліонѣ законами 1606, 1641, 1661 и 1717 года. Такъ быстро исполнялись законы стараго времени! Это обстоятельство служило для Тюрго лишнимъ основаніемъ для уничтоженія всѣхъ описанныхъ стѣсненій. Постановленіе совѣта 6 ноября 1775 года разрѣшило всѣмъ приносить въ Ліонъ печеный хлѣбъ и продавать его, гдѣ угодно, по таксѣ, назначенной прево и эшевенами [99]).

Послѣднимъ изъ торговыхъ регламентовъ, уничтоженныхъ Тюрго, былъ парижскій регламентъ. Вѣрнѣе говоря, однако, это былъ цѣлый рядъ регламентовъ, изданныхъ въ разное время; но сохранившихъ свою силу на долго, не смотря на взаимныя противорѣчія. Это былъ такой лабиринтъ запутанныхъ и сбивчивыхъ постановленій, разобраться въ которомъ было не легко, а потому понятно то промедленіе въ уничтоженіи парижскихъ регламентовъ, которое мы видимъ. Познакомившись съ ними, Тюрго изумился ихъ нелѣпости. Онъ увидѣлъ, что они, нисколько не обезпечивая народнаго продовольствія, служатъ лишь

оруціемъ, «которымъ судьи по своему произволу, могутъ поразить, разорить, обезчестить всякаго негоціанта, который имъ не понравился». Съ другой стороны они служили средствомъ для судей «во время голода парадировать отеческою заботливостью о народѣ и, выдавая себя за его покровителей, врываться съ обыскомъ въ дома землевладѣльцевъ и коммерсантовъ; наконецъ, эта отрасль власти очень дорога (была) для тѣхъ, кто ею пользуется».

Вотъ почему регламенты, продолжаетъ Тюрго, не смотря на свою нелѣпость и не смотря на то, что они обыкновенно не исполняются, такъ дороги главнымъ судейскимъ чиновникамъ и парламенту [100]). Вотъ почему ихъ и защищали горячо, какъ продуктъ ума предковъ, умудренныхъ опытностью.

Очеркъ ихъ содержанія, сдѣланный Тюрго въ введеніи къ деклараціи, показываетъ, что трудно представить себѣ что либо противорѣчивѣе. Начиная съ среднихъ вѣковъ накоплялись регламенты, громоздились другъ на друга и образовали зданіе, причудливѣе и уродливѣе котораго трудно что нибудь вообразить. Не трудно догадаться о мотивахъ, диктовавшихъ тотъ или другой регламентъ. По большей части мотивомъ служило желаніе устранить вывозъ хлѣба, парализовать дѣйствіе прасоловъ и вообще спекуляторовъ. Но узость воззрѣній, непониманіе экономическихъ явленій, незнакомство съ отношеніемъ интересовъ потребителей и продавцевъ, все это дѣлало то, что регламенты не достигали цѣли, или давали результаты совершенно противоположные и стали современемъ, какъ справедливо говоритъ Тюрго, средствомъ парада для непризванныхъ и непризнанныхъ отцовъ отечества.

Ордонансъ 1415 года, подтвержденный постановленіемъ королевскаго совѣта 1661 года, запрещаетъ завязывать мѣшки съ хлѣбомъ, или снимать ихъ съ возовъ; хлѣбъ, прибывающій водой, запрещается выгружать, складывать въ магазины, или даже просто подъ навѣсъ. Словомъ предписывается предоставить хлѣбъ всѣмъ невзгодамъ съ очевидной цѣлью заставить владѣльцевъ живѣе продавать его. Предполагая однако, что эти причины не окажутся достаточно сильными, чтобы побудить владѣльца хлѣба поспѣшить продажей его, тотъ же ордонансъ предписываетъ привезшему хлѣбъ продать его раньше третьяго базара, т. е. въ теченіи одинадцати дней, угрожая въ противномъ случаѣ принудительной продажей по цѣнѣ ниже рыночной.

Не напоминаютъ ли всѣ эти предписанія цеховыхъ порядковъ, не сквозитъ ли въ нихъ тотъ же духъ эгоизма, тоже стремленіе къ привилегіи, которыми запечатлѣны вообще всѣ феодальные порядки? Создавъ изъ себя силу, городъ старается лишить земледѣльца всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя могли быть извлечены послѣднимъ изъ его сношеній съ первымъ.

Помянутое постановленіе 1661 года запрещаетъ дѣлать какіе бы то ни было склады хлѣба (amas de grains), или оставлять его на мѣстѣ покупки, или на пристани, или на дорогѣ, по которой онъ долженъ прибыть въ городъ. Повидимому этимъ распоряженіемъ стараются устранить прасоловъ.

Тоже самое имѣется въ виду и распоряженіями 19 августа 1661 года и 31 марта 1635 года, которыми запрещается купцамъ покупать хлѣбъ въ Парижѣ и самимъ булочникамъ не дозволяется покупать больше 2 muids въ теченіи одного базарнаго дня.

Такимъ образомъ съ одной стороны предписывает-

ся продавать какъ можно скорѣе, а съ другой запрещается покупать.

Но привезшій хлѣбъ можетъ увезти его? Это вѣроятно и практиковалось до 1565 года, когда постановленіемъ парламента запрещено было вывозить хлѣбъ изъ Парижа подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія; два полицейскихъ ордонанса 1622 и 1632 г. распространили это запрещеніе на все пространство въ 10 льс вокругъ города.

Такимъ образомъ, если кто либо съ хлѣбомъ попадалъ въ этотъ заколдованный кругъ (около Парижа) очерченный радіусомъ въ 10 льс (около 40 верстъ), то долженъ былъ отказаться отъ надежды двигаться дальше или свободно распоряжаться своимъ товаромъ. Даже развязывать своихъ мѣшковъ въ дорогѣ онъ не имѣлъ права, а ужъ о продажѣ хлѣба внѣ парижскаго рынка нечего было и думать. (Постановленіе совѣта 1661 г.) Запрещеніе вывоза хлѣба изъ Парижа и изъ его округа имѣло значеніе для сосѣднихъ областей, такъ какъ Сена съ своими притоками не только открываетъ доступъ изъ заграницы въ среднія и восточныя провинціи, но каналами Бріарскимъ и Орлеанскимъ притягиваетъ къ этимъ сношеніямъ провинціи по Луарѣ. Всѣ эти провинціи причислялись къ наиболѣе плодороднымъ [101]). Такимъ образомъ регламенты уничтожали всѣ эти выгоды географическаго положенія какъ для заграничныхъ, такъ и для внутреннихъ сношеній. Послѣ уничтоженія привилегій по хлѣбной торговлѣ въ Руанѣ регламенты Парижа все таки стояли непреоборимой стѣной для свободы торговаго движенія.

Но это еще не все. Хлѣбъ въ Парижѣ долженъ былъ продавать непремѣнно самъ хозяинъ или кто либо изъ его семьи, но отнюдь не приказчикъ или другое постороннее лицо.

По прибытіи хлѣба фактуры должны быть представлены нотаріусамъ и чиновникамъ по хлѣбной торговлѣ. Разъ начата продажа хлѣба на данной лодкѣ, цѣна его не можетъ быть поднимаема, пока вся партія хлѣба на данной лодкѣ не будетъ продана [102]).

Всѣ стѣсненія и запрещенія, которыми были наполнены регламенты Парижа, не приносили ни мало пользы городу. Въ теченіе восьмидесяти лѣтъ (съ 1660 по 1741 годъ) Парижъ 12 разъ подвергался сильной дороговизнѣ хлѣба, тогда какъ въ тоже время цѣна хлѣба въ сосѣднихъ провинціяхъ вовсе не была высока [103]). Запуганные коммерсанты не рѣшались браться за хлѣбныя операціи, и правительство волей-неволей должно было взять на себя хлопоты о снабженіи столицы продовольствіемъ. Эти хлопоты сопряжены были съ большими расходами, злоупотребленіями, доставляли большія выгоды бывшему министру финансовъ, его сотоварищамъ, придворнымъ, даже самому королю; но пользы народу никакой не приносили. Цѣна на хлѣбъ въ послѣдніе годы, не смотря на нѣсколько хорошихъ урожаевъ, все время стояла выше, чѣмъ въ 1775 году послѣ плохого урожая 1774 г.

Оставшись въ силѣ, регламенты сдѣлали мертвой буквой декларацію 25 мая 1763 года, а постановленіемъ совѣта 1770 года запретительный режимъ былъ возстановленъ совершенно. Такимъ образомъ періодъ времени съ 1763 по 1770 годъ и еще болѣе слѣдующіе за тѣмъ пять лѣтъ можно назвать періодомъ весьма не искусно произведеннаго опыта свободы хлѣбной торговли. Оставаясь послѣдовательнымъ, нельзя было оставлять въ силѣ нелѣпые и иногда неисполнимые парижскіе регламенты, которые не наносили всего возможнаго вреда только потому, что не исполнялись. Распоряженіе, напримѣръ, обязывавшее привозителя продать хлѣбъ въ теченіе 11 дней и запрещавшее булочникамъ дѣлать

запасы не исполнялось, а оно осуждало столицу имѣть въ запасѣ хлѣба не болѣе какъ на 11 дней. Въ случаѣ распутицы, непогоды, столица легко могла остаться совсѣмъ безъ хлѣба.

Серьезное отношеніе къ дѣлу побудило Тюрго не руководиться лишь принципіознымъ предпочтеніемъ свободы хлѣбной торговли, а заставило подробно изучить зло, которое нужно было устранить: можетъ быть въ этой грудѣ регламентовъ найдутся такіе, которыхъ существованіе желательно? Можетъ быть уничтоженіе нѣкоторыхъ повлечетъ за собою такія жертвы, предъ которыми можно и остановиться? Тюрго, какъ видно, изучилъ дѣло основательно, шагъ за шагомъ прослѣдилъ за издававшимися регламентами и убѣдился самъ, и могъ убѣдить другихъ въ полной ихъ несостоятельности. Сами противники его не находили возможности защищать эти остатки старины. По поводу мемуара Тюрго объ этомъ дѣлѣ, Мироменилемъ сдѣлано только одно замѣчаніе, и то не важное [101]) тогда какъ другіе проэкты онъ щедро снабдилъ своими замѣчаніями. Во время lit de justice Сэгье гораздо слабѣе защищалъ регламентъ, чѣмъ цехи и натуральныя повинности. Онъ указывалъ, что главныя заботы направлены были къ тому, чтобы хлѣбъ былъ всегда на виду у народа, такъ какъ это имѣетъ большое значеніе для предупрежденія безпорядковъ. Доводъ негодный, ибо, какъ говорится въ баснѣ: «видитъ око, да зубъ неймеТъ». Затѣмъ онъ заявляетъ, что столица не испытывала дороговизны, умалчивая о тѣхъ годахъ, которые перечислены Тюрго въ декларацiи. Между тѣмъ время свободы (?), съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя установлена, видѣло не разъ, говоритъ Сэгье, какъ хлѣбъ становился такъ дорогъ, что былъ недоступенъ бѣдному человѣку». Если подъ временемъ свободы подразумѣвать эпоху дѣятельности «Pacte de Famine»,

то замѣчаніе Сэгье справедливо. По всей его рѣчи можно замѣтить, что противъ отмѣны регламентовъ онъ не могъ сказать многаго и самъ чувствовалъ слабость своей позиціи. Парламентъ однако отказалъ въ регистраціи деклараціи объ отмѣнѣ регламентовъ наравнѣ съ эдиктами объ уничтоженіи цеховъ и дорожной повинности. Поэтому декларація вступила въ силу лишь въ lit de justice 12 марта.

Первыми семью параграфами ея отмѣнялись всѣ тѣ запрещенія и стѣсненія, которыми обставлена была хлѣбная торговля въ Парижѣ и его окрестностяхъ и о которыхъ говорилось выше [105]).

Это былъ заключительный актъ дѣятельности Тюрго, послѣдняя побѣда его надъ противниками прогресса и гуманности. Послѣ знаменитаго засѣданія 12-го марта нападки на него его враговъ усилились, пока не привели наконецъ къ его паденію.

Очеркъ исторіи хлѣбной торговли, не смотря на свою краткость, даетъ понять, что поворотъ въ пользу свободы хлѣбной торговли начался раньше Тюрго; но только первые шаги въ этомъ смыслѣ были не удачны, потому что положеніе торговли хлѣбомъ внутри страны не было изучено въ подробностяхъ. Между тѣмъ безъ освобожденія внутренней торговли нечего было и думать о хорошихъ результатахъ свободы хлѣбной торговли. Недостаточно, по удачному выраженію Гальяни, рекомендовать устранить препятствія для свободы, но надо сдѣлать это.

Описаніе препятствій показываетъ до очевидности, что они давно отжили свое время и держались только либо силою привычки, либо требованіями частной выгоды Несомнѣнно также, что вся мыслящая часть общества не стояла за эти стѣсненія. Даже противники безусловной свободы вывоза хлѣба какъ Неккеръ и от-

части Гальяни. не отстаивали запретительной системы ни во внѣшней, ни во внутренней торговлѣ. Всѣ же такъ называемые экономисты и либералы, съ Вольтеромъ во главѣ, стояли въ однихъ рядахъ съ Тюрго по вопросу о хлѣбной торговлѣ.

Такимъ образомъ значеніе всѣхъ мѣръ Тюрго относительно хлѣбной торговли заключается въ томъ, что онъ далъ рѣшительное направленіе тому повороту, который начался ранѣе его, причемъ не ограничился провозглашеніемъ свободы, хотя бы самымъ громкимъ; но на дѣлѣ опрокинулъ всѣ препятствія, стоявшія на дорогѣ и такимъ образомъ сдѣлалъ свободу хлѣбной торговли не только желательною, но и возможною.

Обвиненія въ неосторожности и въ увлеченіи теоріей, направленныя противъ него, лишены всякаго основанія. Хотъ работы наглядно показывають, съ какою осторожностью разбирался онъ въ старомъ хламѣ, прежде чѣмъ уничтожать его; о томъ, что онъ дѣйствовалъ какъ практикъ, а не только какъ теорикъ, свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, близкое знакомство его съ мелочами дѣйствительности, а во-вторыхъ, то обстоятельство, что онъ не нашелъ возможнымъ допустить вывозъ хлѣба, признавая обстоятельства къ тому неблагопріятными. Таково отношеніе Тюрго къ прошедшему и настоящему.

Что касается отношенія его къ будущему, то связь между его программой и будущей политикой, когда общество само получило возможность направлять ее, свидѣтельствуетъ работа по этому вопросу Учредительнаго собранія. § 2 закона 28 сент. 1791 года гласитъ: «Собственники земли [illegible] обработку своихъ продуктовъ [illegible] или сохранять по своему [illegible] и распоряжаться всѣми продуктами [illegible] внутри королевства [illegible] вре-

да другимъ и соображаясь съ законами». Не забудемъ, говоритъ L. de Lavergne, приведя эту выписку, отнести славу закона 1791 года его настоящему автору, — Тюрго Принципы этого закона уже давно выражены въ знаменитыхъ эдиктахъ 1774, 1775 и 1776 гг. [106]). Этимъ опредѣляется отношеніе Тюрго къ будущему. Какъ и въ другихъ своихъ мѣропріятіяхъ, въ дѣлѣ хлѣбной торговли онъ дѣйствовалъ въ согласіи съ дѣйствительными потребностями страны; его предпріятія, поэтому задержанныя реакціонерами, стали програмой будущаго.

облегчалъ возможность перваго, съ одной стороны расчищая дорогу и дѣлая его практически неизбѣжнымъ, съ другой стороны подготовляя умы (частными мѣропріятіями) къ рѣшенію коренной задачи посредствомъ постепенной демонстраціи помянутыхъ началъ.

Мы видѣли, что ключъ къ рѣшенію вопроса находился въ положеніи финансовъ. Безъ рѣшенія финансоваго вопроса нельзя было разсчитывать имѣть время для преобразованій, ибо дѣло шло къ близкому банкротству. Равнымъ образомъ, однако, безъ коренныхъ преобразованій нечего было и думать о серьезномъ поправленіи финансовъ. Положеніе было таково: нужно задержать ухудшеніе финансовъ при помощи паліативовъ, чтобы успѣть произвести преобразованія до наступленія банкротства. Въ рѣшеніи этой диллемы было спасеніе старой монархіи.

Тотчасъ послѣ вступленія своего въ управленіе министерствомъ, Тюрго поручилъ составить бюджетъ на 1775 годъ, такъ какъ онъ имѣлъ основаніе не довѣрять цифрамъ аббата Терре. По провѣркѣ показаній этого министра оказалось, что за 1774 годъ дефицитъ составлялъ 48.574.000 фр., тогда какъ бывшій министръ увѣрялъ, то онъ почти погасилъ его, исключая 5 милліоновъ, а его счеты указывали (тоже невѣрно) на 27 милліоновъ.

По провѣркѣ бюджета на 1775 годъ оказалось, что аббатъ Террэ показалъ доходовъ меньше на 9 207,758 фр. (366.879.746 фр. вмѣсто 377.287.637 фр.), а расходы тоже выставилъ меньше на 32.169.957 фр. (382.275.206 франк. вмѣсто 414.445.163 франк.). Такая разница конечно, трудно объяснима простой ошибкой.

Бюджетъ, составленный по смѣтнымъ предположеніямъ Террэ, представлялъ слѣдующіе итоги: расходы 399.445.163 фр. [107]), доходы 377.287.637 фр., дефи-

цитъ 22.157.526 франковъ, а съ 15 милліонами, предназначенными на погашеніе просроченнаго долга — 37 милліоновъ. При этомъ надо замѣтить, что доходы, забранные впередъ, составляли 782.500.000 фр., о которыхъ Террэ умолчалъ, и срочный долгъ 235.261.360 франковъ.

Тюрго не оставилъ этого бюджета безъ измѣненія. Онъ уменьшилъ предположеніе доходовъ на 7.120,000 фр. для того, чтобы сохранить за собою свободу для нѣкоторыхъ облегченій податныхъ сословій. Расходъ также сокращенъ былъ на 7.689,055 фр. Значеніе этого сокращенія будетъ ясно изъ слѣдующихъ замѣчаній: расходъ по военному вѣдомству; благодаря сочувствію военнаго министра экономіи, сокращенъ былъ на 9 милліоновъ, эта сумма упала главнымъ образомъ на многихъ придворныхъ и представителей высшей аристократіи, числившихся (ничего не дѣлая) въ такъ назыв. Maison militaire de Roi. Затѣмъ значительное сокращеніе (12 м.) коснулось общихъ расходовъ по министерству финансовъ, въ каковой статьѣ значительную часть составляли жалованье высшихъ сановниковъ и суммы, получаемыя принцами крови.

Съ другой стороны, нѣкоторыя статьи были увеличены. Такъ статья пенсій была увеличена, причемъ Тюрго устроилъ возможность тотчасъ уплатить недоданное за два года всѣмъ пенсіонерамъ, получающимъ не свыше 400 ливровъ. Прежде обыкновенно экономіи дѣлались на счетъ этихъ несчастныхъ.

Засимъ значительно увеличена была статья расхода, извѣстная подъ именемъ Déductions. Въ этой статьѣ значились обыкновенно проценты на суммы, выданныя впередъ откупщиками государственныхъ налоговъ (Fermiers généraux), а также и погашеніе этихъ авансовъ, погашеніе и проценты на суммы, за-

нятыя у «Pays d'etats», также расходы по взиманію податей, а также и нѣкоторые королевскіе расходы. Вообще эта статья была очень неопредѣлена. По ней Тюрго произвелъ увеличеніе на 18.961.337 фр. (онъ ее увеличилъ съ 137.742.015 франк. до 156.703.352 франк.). Но такъ какъ онъ не имѣлъ въ виду и не могъ увеличить расходовъ, то означенная сумма (18 милл.) предназначалась, очевидно, на погашеніе займовъ, сдѣланныхъ государствомъ у откупщиковъ и у «pays d'etats». Такимъ образомъ тенденція Тюрго ясна: сокращеніе расходовъ непроизводительныхъ, увеличеніе расходовъ, влекущихъ за собою улучшеніе финансоваго положенія, и увеличеніе расходовъ, требуемыхъ справедливостью. Дефицитъ опредѣляется бюджетомъ Тюрго въ 36.498.710 франковъ, меньше противъ прежняго на 658.816 франковъ. Но этой маленькой суммой не опредѣляется улучшеніе финансоваго положенія.

Для выясненія послѣдняго мы должны вспомнить, что сокращеніе доходовъ предполагалось въ 7.120.000 франковъ, такъ какъ это сокращеніе предполагалось произвести въ счетъ нѣкоторыхъ налоговъ на предметы первой потребности, то оно представляетъ облегченіе, — прибавивъ сюда сокращеніе расходовъ на 7.689.055 фр., а также и 18.961.337 фр., употребленныхъ на погашеніе займовъ, и сокращеніе дефицита на 658.816 фр., мы получимъ цифру въ 34.429.447 фр. каковая и представитъ намъ улучшеніе финансоваго положенія страны, сравнительно съ дѣйствительными, не ложными, смѣтными предположеніями бывшаго министра [108]).

Для большей ясности финансовой картины, обезображенной тунеядствомъ и хищеніемъ, Тюрго приказалъ составить списокъ откупщиковъ государствен-

ныхъ налоговъ, croupiers и пенсіонеровъ съ указаніемъ суммъ, ими получаемыхъ [109]). Онъ имѣлъ пламенное желаніе избавиться отъ всей системы откупа государственныхъ налоговъ, но это было невозможно въ данное время. Также невозможнымъ оказалось освободить откупъ отъ многихъ крупье и пенсіонеровъ, хотя бы потому, что не было средствъ для вознагражденія истинныхъ крупье, или потому, что воля покойнаго короля прикрывала фиктивныхъ крупье и таковыхъ же пенсіонеровъ.

Изъ списка крупье и пенсіонеровъ оказалось, что 60 мѣстъ откупщиковъ были оцѣнены въ 6 м. франковъ, а croupes и пенсіи уменьшали эту сумму на 1.980,000 фр., т. е. 33 проц., что, такъ сказать, составляло расходъ по взиманію податей и относилось въ déductions.

Списокъ пенсіонеровъ былъ столько же разнообразенъ, сколько скандаленъ. Въ немъ значились: Марія Антуанетта и дочери Людовика XV, получавшія по 6000 франковъ каждая, аббатъ Террэ—20,000 франковъ, г-жа Жіанбонъ, бывшая обитательница Parc aux cerfs, въ данный моментъ супруга банкира, г-жа Кавананъ, любовница Людовика XV и, наконецъ, самъ король.

Тюрго не рѣшился предложить Людовику XVI нарушить волю недавно умершаго короля, хотя этотъ послѣдній не постыдился поставить въ этомъ спискѣ своихъ дочерей рядомъ съ госпожами изъ Оленьяго парка (Parc aux cerfs). Зато онъ взялъ съ короля обѣщаніе не назначать ни новыхъ крупье, ни новыхъ пенсіонеровъ на счетъ откупа, не допускать назначенія кого-либо на синекуру по управленію откупомъ. Получивъ обѣщаніе короля, Тюрго написалъ въ этомъ смыслѣ всѣмъ откупщикамъ и при этомъ предувѣдо-

нилъ, что за всѣ суммы, не внесенныя во время въ казну, они будутъ лишены извѣстныхъ процентовъ, соразмѣрно недоимкѣ, и что онъ не будетъ допускать примѣненія extention, т. е. правила, по которому всѣ неясности законовъ толковались въ пользу откупа, во время столкновенія его съ плательщиками. Тюрго принялъ за правило дѣйствовать совершенно наоборотъ: во всякомъ сомнительномъ случаѣ рѣшать дѣло въ пользу плательщика налога.

Обращаясь такимъ образомъ съ откупомъ, министръ далъ сейчасъ и доказательство своего безкорыстія: онъ отказался отъ полученія 450,000 фр., которые составляли pot-de-vin (наводка) по заключенію контракта съ откупщиками. Онъ не подарилъ этой суммы откупщикамъ, а приказалъ внести ее въ казну въ фондъ для бѣдныхъ. Свое жалованье, значившееся въ бюджетѣ въ суммѣ 142 т. фр., онъ сократилъ до 80 т. Но это безкорыстіе только раздражало откупщиковъ, которые видѣли въ немъ доказательство невозможности обдѣлывать свободно разныя злоупотребленія. Только Вердіенъ, Ожеаръ и Лавуазье стали на его сторону, всѣ остальные—противъ. Практика, между тѣмъ, показала, что твердость и честность правительства, укрѣпляя кредитъ, развиваетъ обороты, что отражается на усиленіи поступленій косвенныхъ налоговъ. По показаніямъ Дюпонъ де-Немура съ 10.550.000 фр. они достигли 60.000.000 фр. Какъ ни преувеличены эти цифры, надо допустить, что значительное увеличеніе дѣйствительно было.

Такимъ образомъ, Тюрго въ то время еще догадался, что усиленіе продуктивности налоговъ обратно пропорціонально ихъ обременительности, что и до сихъ поръ признается далеко не всѣми практикаами финансоваго міра, особенно въ нашемъ отечествѣ ¹¹).

Кратковременность дѣятельности Тюрго не дала возможности преобразовать систему налоговъ. Мы знаемъ только, что онъ хотѣлъ уничтожить существующіе налоги, какъ косвенные, такъ и прямые, и замѣнить ихъ однимъ поземельнымъ налогомъ. Трудно сказать, привелъ ли бы онъ въ исполненіе этотъ планъ, приложеніе котораго онъ разсчитывалъ совершить при участіи представителей землевладѣнія, какъ сельскаго, такъ и городскаго. Въ періодъ своей недолговременной дѣятельности, ему удалось только отмѣнить круговую поруку сельчанъ за исправность платежей въ счетъ «taille». Ему не удалось даже передѣлать эту подать такимъ образомъ, чтобы она взыскивалась не съ лица, а съ имущества, какъ это сдѣлано было имъ въ Лиможѣ и нѣкоторыми другими интендантами въ ихъ областяхъ.

Но за то, не имѣя возможности отмѣнить привиллегіи въ податной системѣ, Тюрго старался возможно строже относиться къ привиллегированнымъ въ томъ случаѣ, когда они обязаны были платить.

Высшіе сановники, придворные, князья, графы и даже откупщики платили поголовную подать «capitation» не общимъ сборщикамъ taille, какъ это должны были дѣлать обыкновенные «благородные», а своему спеціальному сборщику. Послѣдній такъ усердно собиралъ съ нихъ то, что слѣдовало, что многіе знатные были въ недоимкѣ за девять лѣтъ (съ 1767 г.) Тюрго отмѣнилъ особаго сборщика, предписалъ взыскать недоимки и объявилъ, что для упрощенія и большей аккуратности въ поступленіи платежей, послѣдніе будутъ удерживаться изъ жалованья или всякихъ другихъ полученій, слѣдующихъ изъ казны высокопоставленнымъ плательщикамъ. Понятно, что такія неслыханныя строгости не понравились придворнымъ [111]).

Нѣсколько болѣе удалось сдѣлать для реформы косвенныхъ налоговъ. Съ отмѣной многихъ обычаевъ, установленій, существовавшихъ по хлѣбной торговлѣ, пали или уменьшились и тѣ налоги, которые съ ними были связаны. Кромѣ того, въ теченіе 1775 года понижены были, а мѣстами и отмѣнены ввозныя городскія пошлины (octroi). Практика блестящимъ образомъ оправдала начинанія Тюрго: тамъ, гдѣ пошлина была убавлена на половину, общій доходъ ся не уменьшился [112].

Конецъ 1775 года показывалъ улучшеніе финансовъ. Мы упоминали о значительномъ усиленіи поступленія косвенныхъ налоговъ. Наоборотъ, сумма антисипацій (налоговъ, забранныхъ впередъ) уменьшилось на 27.700.000 фр, въ публикѣ это уменьшеніе считали еще бо́льшимъ, а именно въ 37 м. [113]).

Изъ отчета, представленнаго королю въ декабрѣ 1775 г., по словамъ Д. де-Немура оказались значительныя улучшенія финансовъ:

1) Оказалось улучшеніе въ доходѣ, не считая доходовъ по управленію транспортами (Regie de Messageries)	2.982.967 frs.
2) Экономія на различнаго рода финансовыхъ операціяхъ и, главнымъ образомъ, въ платежѣ куртажныхъ коммиссіонныхъ и такъ далѣе (эти послѣдніе составляютъ 5.754.600 frs.)	6.075.747 frs.
3) Выигрышъ на процентахъ, вслѣдствіе погашенія антисипацій и части консолидированнаго долга . .	2.431.453 frs.
Всего. . . .	11.490.167 frs.

Если сюда прибавить доходъ отъ управленія транспортами, который составлялъ полтора милл., то мы увидимъ, что выигрышъ составлялъ около 13 милліоновъ, изъ которыхъ 7 м. реализированныхъ въ 1775 году, приходились на уменьшеніе дефицита этого года и на разнаго рода погашенія, а остальная часть могла оказаться въ наличности лишь въ слѣдующемъ году. Не слѣдуетъ, однако, въ этомъ счетѣ забывать упомянутаго выше погашенія антисипацій (27.770.000) и уплаты части консолидированнаго долга 20.233.081 фр. и погашенія на 3.600.000 фр. билетовъ откупщиковъ, которое эти послѣдніе обязаны были дѣлать ежегодно, по условію контракта.

Такимъ образомъ, если мы припомнимъ еще, что по бюджету на 1775 годъ предположено было погасить 15 милл. просроченнаго долга (погашено было всего 14.559.000 frs.) и если примемъ въ разсчетъ, что произведено было чрезвычайныхъ, непредвидѣнныхъ расходовъ на 506.844 фр., то всѣхъ расходовъ, сверхъ обыкновенныхъ, окажется:

1) Консолидированный долгъ и билеты откупщиковъ.	23.833.081 фр.
2) Въ счетъ просроченнаго долга	14.559.000 »
3) Непредвидѣнныхъ расходовъ	506.844 »
4) Погашенія антисипацій . .	27.770.000 »
Итого . .	66.668.925 фр.

На эти расходы Тюрго получилъ разныхъ чрезвычайныхъ доходовъ на 66.213.418 фр., но по этому счету у него состояло свободныхъ къ 1 января 1776 года 12.510.000 фр., слѣдовательно только 53.703.418 фр., чрезвычайныхъ расходовъ покрыто чрезвычайными

доходами, а 12.965.507 фр. покрыто изъ обыкновенныхъ доходовъ. Значитъ, еслибъ не было надобности производить въ 1775 году этихъ погашеній, то изъ средствъ, бывшихъ въ распоряженіи министра въ теченіи года, оказался бы излишекъ въ 12.965.507 фр. Въ началѣ года этого излишка предвидѣть было нельзя, потому что часть его, а именно 7.819.418 фр. были результатомъ улучшеній, происшедшихъ въ теченіи года. Когда роспись была заключена, то оказывался излишекъ (не считая погашеній) въ 5.146,089 фр.; но такъ какъ условлено было произвести еще погашеніе консолидированнаго долга и билетовъ откупщиковъ, всего на 23.833,081 фр., то излишекъ этотъ превратился въ дефицитъ въ 18.686.922 фр. [114]).

Бюджетъ, составленный на 1776 годъ, по словамъ Дюпонъ де-Немура, представлялъ

дефицитъ въ обыкноовенныхъ расходахъ.	14.459.739 фр.
но такъ какъ Тюрго хотѣлъ уплатить долга	9.733.843 фр.
то общій дефицитъ составлялъ..	24.193.582 фр.

Такъ какъ Тюрго ошибся въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ статей доходовъ и статей расходовъ на 6.194.000 фр., то дефицитъ уменьшился на 7.259.000 фр., т. е. составлялъ 16.934.582 фр.

Но эта сумма могла бы быть уменьшена до 7.200.739 фр. [115]), еслибы Тюрго не желалъ платить погашенія въ счетъ просроченнаго долга въ размѣрѣ 9.733.843 фр, Но если и оставить дифицитъ такъ какъ есть въ 16.934.000 фр., то для покрытія его оставалось 12.510.000 фр. чрезвычайныхъ доходовъ отъ 1775 года, а для покрытія остальныхъ 4.424.000 франковъ, и даже болѣе, Тюрго нашелъ средства.

Во-первыхъ, устроенная имъ учетная касса обѣщала ему 10 милл. по 4 проц., а во вторыхъ, крупнѣйшія голландскія фирмы обѣщали ему по 4 проц. и частію по 8 проц. 60.000.000 фр.

Что въ главномъ своемъ показаніи, относительно цифры дефицита 1776 года, Дюпонъ-де-Немуръ правъ, слѣдуетъ изъ того, что въ отчетахъ Матонъ ла Кура (comptes rendus de Mathon le Cour) бюджетъ 1776 г. показанъ съ дефицитомъ въ 23.696,354 фр., значитъ съ цифрою меньшею, чѣмъ у Дюпонъ де-Немура (24.193.582 фр. [116]).

Это свидѣтельствуетъ, что если у Дюпонъ де-Немура встрѣчаются ошибки, то именно ошибки, а не искаженія, сдѣланныя изъ желанія обѣлить своего друга и учителя. На его цифры положиться можно. Но нѣтъ основанія признать его выводы правильными, что дефицитъ былъ меньше 16 милл., ибо уплата просроченнаго долга такъ же обязательна, какъ и уплата жалованья и другіе расходы, а потому нѣтъ основанія снимать ее съ костей для уменьшенія дефицита. Конечно, слѣдуй Тюрго примѣру Террэ, онъ еще съ большею легкостью могъ бы дать на бумагѣ излишекъ доходовъ, вмѣсто дефицита; слѣдуй онъ примѣру этого финансиста, признававшагося собственными устами въ грабежѣ, онъ могъ бы не платить долговъ и процентовъ, но тогда онъ не былъ бы Тюрго.

Онъ понималъ, что не было надобности прятать дефицита, такъ какъ только глупцы и личные враги могли ставить ему въ вину, что онъ въ 20 мѣсяцевъ не успѣлъ уничтожить это, почти вѣковое явленіе финансовой исторіи Франціи. Что же касается улучшенія финансовъ, то оно было несомнѣнно, такъ какъ оно сказалось оживленіемъ государственнаго кредита. Если и допустить, что акціонеры «Учетной кассы» согла-

шались дать государству 10 м. по 4 проц., въ разсчетѣ на будущіе барыши устраиваемаго предпріятія, то ничто не обязывало голландцевъ давать 60 милліоновъ.

Такого рода заемъ свидѣтельствуетъ о довѣріи къ государству, довѣріи, давно небываломъ. А оно было вызвано системою Тюрго. Тотчасъ послѣ его отставки голландскіе банкиры и акціонеры «Учетной кассы» отказались дать обѣщанныя суммы [117]).

Упомянутая выше «Учетная касса» (Caisse d'escompte) была послѣднимъ дѣломъ финансовыхъ мѣропріятій Тюрго. Она была учреждена 24 марта 1776 г. Подъ скромнымъ названіемъ этого учрежденія скрывался банкъ съ капиталомъ въ 15 милл., раздѣленныхъ на 5,000 акцій. Этому банку разрѣшались всѣ банковыя операціи, за исключеніемъ права выпуска билетовъ. Замѣчательно, что учетный процентъ ограниченъ былъ уставомъ 4 процентами и что банкъ обязанъ былъ принимать безвозмездно на храненіе деньги частныхъ лицъ [118]). Назначеніе низкаго учетнаго процента въ «Учетной кассѣ» гораздо вѣрнѣе могло повліять на пониженіе учетнаго процента вообще, чѣмъ всѣ законы противъ ростовщичества, несостоятельность которыхъ Тюрго доказывалъ рѣшительно и убѣдительно.

«Учетная касса» была смѣлымъ шагомъ противъ предубѣжденій относительно кредитныхъ учрежденій, еще очень сильныхъ во Франціи послѣ погрома банка Ло. Силою этихъ предубѣжденій объясняется умолчаніе въ ея статутѣ о правѣ выпуска билетовъ и запрещеніе всякихъ займовъ. Открытіе ея назначено было на 1 іюня 1776 года; оно состоялось послѣ Тюрго, но въ нѣсколько иномъ видѣ. Акціонеры не дали правительству 10 милл. и отказались отъ всякихъ сношеній съ государственной казной, — отчего, конечно,

листовъ «совѣтниковъ-кассировъ». На продажѣ 90,000 головъ скота на рынкахъ Со и Пуасси они выигрывали 92 проц. на свой оборотный капиталъ [177]).

Отмѣна ихъ привиллегіи, съ сохраненіемъ небольшаго налога на скотъ на упомянутыхъ рынкахъ, съ цѣлью вознагражденія монополистовъ за уничтоженіе привиллегіи, была сущимъ благодѣяніемъ, но понятно, что потерявшіе надежду вознегодовали и, какъ привиллегированные, нашли себѣ защиту въ парламентѣ. Понятно также, какъ вознегодовали они на аббата Бодо, разоблачившаго ихъ скромные барыши и разныя злоупотребленія. Парламентъ усердно началъ судебныя преслѣдованія противъ этого зловреднаго автора.

Но защита аббата была его торжествомъ. Публики была масса. Защищался онъ самъ. Онъ неопровержимо доказалъ вѣрность своихъ выводовъ. Рѣчи его, полныя страстныхъ нападокъ на монополистовъ, вызывали бурю рукоплесканій. Его обвинители были освистаны. Судъ не рѣшился вынести обвинительнаго приговора.

Еще въ декабрѣ 1774 года Тюрго занялся вопросомъ о другой монополіи на мясную торговлю. Предполагалось, что въ теченіи поста благочестивые люди не ѣдятъ мяса, поэтому обыкновенная мясная торговля запрещалась; но такъ какъ мясо нужно для больныхъ, то «Hôtel Dieu» было предоставлено исключительное право продажи мяса въ теченіе великаго поста. Мясо продавалось въ тридорога и прескверное. Тюрго отмѣнилъ эту монополію, такъ что постомъ 1775 года больные и скоромники могли ѣсть дешевое и хорошее мясо. Духовенство разсердилось на Тюрго за такое покровительство безбожникамъ.

Лѣтомъ 1775 года онъ еще болѣе возбудилъ противъ себя его ненависть. Дѣло шло о королевской ко-

ронаціи. Тюрго возставалъ, между прочимъ, противъ коронаціи въ Реймсѣ, выставляя на видъ значительные расходы, которые связаны съ королевскимъ путешествіемъ въ этотъ древній городъ.

Но такое предложеніе было отклонено, какъ нарушеніе монархической традиціи. Другое предложеніе, которое Тюрго поддерживалъ съ гораздо большею настойчивостью, касалось королевской присяги. Король давалъ торжественное обѣщаніе истреблять еретиковъ Такое обѣщаніе казалось Тюрго отвратительнымъ, а дача клятвеннаго обѣщанія безъ серьезной рѣшимости исполнить его казалась ему непристойною. Онъ предложилъ королю новый текстъ присяги, гласившей слѣдующее: «Всѣ церкви моего королевства могутъ разсчитывать на мое покровительство и справедливость». Это значило воротиться къ полной вѣротерпимости, что, конечно, было согласно съ духомъ XVIII вѣка. Чтобы убѣдить короля, Тюрго написалъ ему мемуаръ о вѣротерпимости, въ которомъ доказывалъ ея согласіе съ духомъ христіанства и съ началами мудрой политики. Но его желанія слишкомъ пахли XVIII вѣкомъ, чтобы не встрѣтить самаго рѣшительнаго сопротивленія. Епископы выставили его угнетателемъ религіи. Морепа не желалъ навлекать на себя ихъ неудовольствія, поддерживая Тюрго. Король, отожествлявшій церковь съ религіей, колебался и кончилъ тѣмъ, что уступилъ. Онъ отправился въ Реймсъ, и полиція распорядилась, чтобы во всѣхъ городахъ «короля встрѣчали колокольнымъ звономъ, пушечными выстрѣлами и восторженными криками народа» (aux acclamations des peuples).

Онъ думалъ избѣгнуть срама давать фанатическую клятву тѣмъ, что во время произнесенія ея пробормоталъ какія то невнятныя слова. Противники Тюрго

восторжествовали. Духовенство, однако, не могло простить ему попытки эмансипировать государство отъ церкви.

7 августа 1775 года Тюрго реформируетъ почтовыя сообщенія. До него перевозка пассажировъ, почты и товаровъ (messageries) находилась на откупу, дававшемъ государству далеко не то, что оно могло бы выручить, взявшись само за эту операцію; публикѣ приходилось терпѣть разныя неудобства сообщенія и платить за нихъ очень дорого. Медленность почтовыхъ каретъ была изумительна. Путь изъ Парижа въ Руанъ онѣ дѣлали въ 32 часа, въ Орлеанъ — два дня, въ Бордо — 14 дней, въ Ліонъ — 5 и 6 дней. При этомъ надо замѣтить, что на ночь дилижансы останавливались, когда путь предстоялъ длинный—и эти остановки были часто очень длинны, болѣе, чѣмъ нужно для отдыха.

Тюрго не рѣшился предоставить свободной конкуренціи дѣло почтовой перевозки пассажировъ и грузовъ, не разсчитывая на частную предпріимчивость среди французовъ, которая была тогда ничтожна [123]). Но онъ не желалъ и монополіи частныхъ лицъ; онъ рѣшился вмѣсто нея поставить монополію государства. Онъ отдѣлилъ собственно почтовое дѣло отъ перевозки пассажировъ и грузовъ и, оставивъ первое на прежнихъ основаніяхъ, преобразовалъ послѣднюю. Онъ устроилъ новыя восьмимѣстныя кареты, въ которыя запрягалось отъ 6 до 8 лошадей, смотря по вѣсу груза. Лошади для экипажей брались почтовыя, и скорость движенія для дорогъ, наиболѣе плохихъ, была установлена не менѣе 4 льс. Насколько скорѣе пассажиры совершали свой путь въ этихъ новыхъ экипажахъ, такъ и прозванныхъ тюрготинами, видно изъ того, что теперь до Бордо можно было доѣхать въ 5 дней.

respondance secrète des citoyens au nombre des choses sacrées), отъ которыхъ суды, также какъ и частныя лица, должны отвращать свои взоры, и что такимъ образомъ Высшій Совѣтъ Капа долженъ былъ воздержаться принимать доносъ, который ему сдѣлали, Его Величество, присутствуя въ своемъ совѣтѣ, кассируетъ и уничтожаетъ постановленіе Высшаго Совѣта Капа отъ 27 минувшаго марта»... Кромѣ того предписано было начать преслѣдованіе противъ дѣятелей, подстрекателей и соучастниковъ, виновныхъ въ перехватываніи писемъ.

Конечно, послѣ такого торжественнаго заявленія о святости тайны частной корреспонденціи и практическаго доказательства серьезности этого заявленія, многимъ стало неповадно совать носъ въ чужія письма; но Тюрго не добился уничтоженія учрежденія, служившаго живымъ протестомъ противъ провозглашеннаго принципа. Почтенный начальникъ его, какъ увидимъ, отмстилъ самому Тюрго за обзываніе, вскрыванія писемъ дѣломъ «постыднымъ» [127]).

Полагаемъ, нѣтъ надобности говорить, что перечисленные акты составляютъ только часть той многосторонней дѣятельности, которую развивалъ Тюрго на своемъ министерскомъ посту. Мы знаемъ, что эдикты о хлѣбной торговлѣ, цеховой вопросъ со всѣми его мелочами, вопросъ о переложеніи натуральной повинности въ денежную занимали его въ то же время. Борьба съ чумой рогатаго скота, опустошавшей преимущественно югъ и юго-западъ Франціи, тоже отвлекала вниманіе министра, тѣмъ болѣе, что приходилось бороться не только съ болѣзнью, но и съ невѣжествомъ народа, благопріятствовавшимъ распространенію болѣзни. Нерадивость и злоупотребленія чиновниковъ тоже съ своей стороны этому содѣй-

ствовали. Энергія и умъ министра восторжествовали. Въ началѣ 1776 года падежъ скота въ нѣсколькихъ мѣстахъ прекратился вовсе, въ другихъ значительно ослабѣлъ.

Въ то же время, начиная съ мая 1775 года, Тюрго принялся за изученіе винной торговли, которая послѣ хлѣбной занимала первое мѣсто. Затрудненія, встрѣчавшіяся на пути развитія винодѣлія, были не менѣе серьезны и были такого характера, какъ и тѣ, которыя мы видѣли въ очеркѣ хлѣбной торговли.

Главнымъ городомъ по размѣрамъ виннаго рынка былъ Бордо; онъ же былъ главнымъ и по многочисленности регламентовъ по винной торговлѣ, носившихъ вкупѣ названіе «Винной полиціи». (Police de vins). Акты эти начинаются съ XV вѣка и размножаются вплоть до министерства Тюрго, дополняя и разъясняя другъ друга. Всѣ они основаны на феодальномъ принципѣ, на которомъ были основаны banalités разнаго рода. Исходя изъ него, горожане Бордо создали себѣ право продавать свои вина раньше иногороднихъ и поэтому запрещали послѣднимъ въ извѣстное время доступъ въ городъ. Трактирщики и виноторговцы не имѣли права продавать какое либо другое вино, пока въ городѣ есть вино изъ виноградниковъ граждапъ (эдиктъ 3 марта 1422 года). Законодательные акты XVI, XVII и XVIII столѣтій подтверждали и развивали это правило, грозя за нарушеніе его драконовскими наказаніями [128]).

Для достиженія той же цѣли, вина Лангедока не пропускались внизъ по Гароннѣ ранѣе дня Св. Мартина; вина изъ Перигора, Керси и В. Гіени — ранѣе Рождества. Кромѣ того они могли лежать на складѣ въ Бордо не далѣе 8 сентября, т. е. до времени появленія новаго вина.

Въ Марсели съ 1257 года существовало запрещеніе продавать какое бы то ни было чужое вино. Регламентъ 1610 года грозилъ кнутомъ извозчикамъ, которые привезутъ такое вино. Въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ были тѣ же порядки, и, напримѣръ, парламентъ Бордо признавалъ общимъ правомъ каждаго города установлять запретительныя мѣры [129]). Тѣ самые города, которые жаловались на стѣсненія для себя въ Бордо, у себя дома устанавливали такія же правила. Мотивы вездѣ тѣ же. Въ 1756 году городокъ де Вень (de Veines), въ Дофинэ, ходатайствуя объ утвержденіи своихъ привиллегій, наивно мотивировалъ свое ходатайство тѣмъ, что, безъ запрещенія чужаго вина, горожане не станутъ потреблять свое, потому что оно скверно [130]). Благодаря стѣсненіямъ, торговля въ Бордо шла вяло. Жители Марсели пили дрянное и очень дорогое вино, а бѣдные жители вовсе должны были бы отказаться отъ него, если бы не совершалась открытая контрабанда, не смотря на установленныя наказанія [131]). Въ Бордо тоже сами граждане нарушали правила, созданныя «въ ихъ же интересахъ», какъ выражаются присяжные (jurats) составители регламента 1760 года.

Тѣмъ не менѣе стѣсненія для торговли были очень велики: районъ вліянія бордоскихъ регламентовъ былъ особенно великъ, и стѣснительность ихъ особенно чувствительна, благодаря географическому положенію этого города, служащему ключемъ цѣлой водной системы. Въ послѣдніе три года до Тюрго, требованія объ отмѣнѣ ихъ стали особенно настоятельны. Когда только прошелъ слухъ о томъ, что Тюрго намѣренъ отмѣнить ихъ, виноделы Гіени приняли слухъ за совершившійся фактъ и отправили свои вина въ Бордо и оставили ихъ тамъ на складахъ, не взирая на регламенты. Безъ заступничества Тюрго они по-

платились бы своими товарами. Всѣ нетерпѣливо ждали эдикта о свободѣ торговли. Въ февралѣ епископъ Кагора спрашивалъ Тюрго отъ имени своей паствы, скоро-ли ли появится эдиктъ, и выражалъ безпокойство по поводу промедленія [132]). Однако, только 6-го апрѣля появился эдиктъ. Перечисливъ стѣсненія винной торговли и практическія ихъ послѣдствія, онъ говоритъ въ заключеніе: «Но эти вопросы (о стѣсненіяхъ) относятся къ вопросамъ высшаго порядка. Они связаны съ основными началами естественнаго права и правъ нашихъ провинцій по отношенію другъ къ другу. Мы должны имѣть въ виду интересы всего королевства, интересы *всѣхъ* нашихъ подданныхъ, которые, какъ покупатели и продавцы, имѣютъ равное право продавать свои продукты или пріобрѣтать предметы потребленія способомъ наиболѣе для себя удобнымъ и, наконецъ, интересы государства цѣликомъ, богатство котораго зависитъ отъ наиболѣе широкаго сбыта произведеній земли и промышленности и отъ увеличенія дохода, которое есть результатъ перваго. Никогда не могло быть такого времени и никогда его не будетъ, когда такія важныя и справедливыя основанія (considérations) могли бы быть поставлены на одну доску съ частными интересамы нѣкоторыхъ городовъ, или, лучше сказать, съ интересами нѣкоторыхъ богатыхъ жителей этихъ городовъ. Если когда либо власть могла колебаться между такими неравными другъ другу предметами, то это могло быть только по явному недоразумѣнію (surprise manifeste), по поводу котораго провинціи, народъ, наконецъ все государство, оскорбленное въ своихъ правахъ, могутъ всегда протестовать. Результаты его, во всякомъ случаѣ, мы можемъ и хотимъ исправить, возвращая актомъ нашей законодательной власти всѣмъ нашимъ подданнымъ свободу, которой они не должны были быть лиша-

смы [133])». Эдиктъ отмѣняетъ всѣ регламенты и устанавливаетъ полную свободу торговли виномъ и водкой.

По поводу этого эдикта Вольтеръ писалъ: «Я прочиталъ брошюру, которая отбила у меня вкусъ ко всѣмъ «другимъ. Это эдиктъ о свободѣ винной торговли. «Онъ дѣлаетъ прекрасное дополненіе къ эдикту 14 «сентября въ пользу хлѣба. Я понимаю, что есть «люди, которые очень удивлены, видя трактаты по«литики и нравственности подъ формулой «car tel est «notre bon plaisir» [134]), но я не понимаю, чтобы лю«ди солидные (qui ont de la barbe au menton) раз«сердились за истины, которыя имъ разъясняютъ. «Мнѣ кажется, что я вижу Мольеровскихъ медиковъ, «возстающихъ противъ кровообращенія. Невозможно, «чтобы партія людей, закрывающая глаза. отъ свѣта, «продержалась долго. Неріятно возвращаться въ школу, «когда считаешь себя уже докторомъ, et quae im«berbes didicere senes perdenda fateri». Наконецъ, ми«лостивый государь, мнѣ кажется, вино пріобрѣло «новый букетъ и новую крѣпость. Я совѣтую господамъ (членамъ парламента) побольше пить его и поменьше «злословить. Эти добрыя вина г. Тюрго способны меня «оживить. Мое несчастье, что мнѣ уже не долго при«дется ихъ пить» [135]).

Но радость Вольтера и друзей Тюрго и благодарность со стороны Лангедока были преждевременны. «Эдиктъ былъ регистрованъ безъ затрудненій въ парламентахъ Тулузы и Дофине и въ высшемъ совѣтѣ въ Руссильонѣ. Онъ не былъ еще регистрованъ въ парламентахъ Прованса и Бордо, когда Тюрго впалъ въ немилость. Не смотря на то, что король справедливо придавалъ ему большое значеніе, онъ былъ регистрованъ въ Бордо только въ силу соглашенія съ

нѣкоторыми ограниченіями [136]).Самая регистрація не послужила ни къ чему. Какъ только Тюрго палъ, эдиктъ былъ отмѣненъ [137]). Такимъ образомъ эдиктъ 6 марта 1776 года постигла участь, общая большей части нововведеній Тюрго. Нарушивъ нѣсколько хронологическій порядокъ, мы оставили пока въ сторонѣ двѣ важнѣйшихъ реформы Тюрго, которыя затрагивали интересы наибольшей части населенія. Я говорю о реформѣ цеховъ и уничтоженіи натуральной повинности. Къ нимъ мы теперь и обратимся, чтобы затѣмъ закончить очеркъ о дѣятельности великаго министра реформатора и сдѣлать оцѣнку его дѣятельности.

Цехи и ихъ паденіе.

Коммунальное и консульское движеніе, которое охватило Францію въ XII вѣкѣ, впервые выдвинуло на политическую сцену средній классъ. Это былъ новый общественный слой, который предъявилъ феодаламъ требованіе на опредѣленное и до извѣстной степени самостоятельное положеніе въ государствѣ.

Не слѣдуетъ однако думать, что это движеніе, направленное противъ феодализма, качественно отличалось отъ послѣдняго по своему принципу. Освобождающіяся коммуны не считали пріобрѣтаемыя права принадлежащими всѣмъ въ равной степени. Напротивъ, они считали ихъ такою же своею исключительною привиллегіею, какою феодалы считали свои. Горожане враждебно относятся къ стремленіямъ крестьянъ пріобрѣсти подобныя же права и отказываютъ имъ въ своей помощи [138]). Неудивительно поэтому, что горожане усвоили тѣ же самыя феодальныя начала, противъ господства которыхъ надъ собою они боролись.

По всей вѣроятности еще раньше коммунальнаго и консульскаго движеній началось другое движеніе, которое имѣло въ виду обезпеченіе исключительно экономическихъ интересовъ промышленниковъ и торговцовъ [139]). Мы говоримъ объ образованіи цеховъ.

Для нашей цѣли не важно разъясненіе вопроса, были ли цехи возрожденіемъ римской промышленной корпо-

раціи, нѣкогда существовавшей въ Галліи, или преобразованіемъ германскаго военнаго товарищества (ghilde). Важно для насъ только то, что цехи вызваны были сознанною необходимостью защитить трудъ промышленника отъ произвола феодаловъ. Средствомъ для этого явились союзы промышленниковъ, давшихъ себѣ опредѣленную организацію. Лишь только, однако, являются на свѣтъ эти союзы, какъ мы замѣчаемъ въ ихъ жизни проявленіе феодальнаго принципа. Они стараются защитить себя отъ сеньоровъ, это правда, но въ тоже время они защищаются отъ всякой конкурренціи со стороны лицъ не принадлежащихъ къ союзу, и даже затрудняютъ доступъ въ свою среду новыхъ членовъ, ограничивая иногда число мастеровъ, всегда опредѣляя число учениковъ. Если съ начала появленія цеховъ не всѣ они преслѣдуютъ подобную цѣль, то это нисколько не мѣшаетъ имъ спѣться въ этомъ отношеніи къ концу XIII вѣка, и въ XIV всѣ они похожи другъ на друга по своему стремленію къ исключительному пользованію тѣми удобствами труда, которыя ими были отвоеваны у феодаловъ [140]).

Иного результата нельзя было бы ожидать въ то время. Общая сумма идей времени не могла привести къ созданію дѣйствительнаго демократическаго принципа, съ другой стороны у освобождавшихся промышленниковъ не было и интересовъ, которые натолкнули бы ихъ на осуществленіе его. Положивъ аристократическій принципъ въ основаніе своего существованія, промышленники построили на немъ и подробности своей организаціи.

Значительной разницы даже и въ этихъ деталяхъ не было между цехами различныхъ мѣстностей Франціи.

Всѣ ремесленники корпораціи подчинены были строгой дисциплинѣ, которая поддерживала прочность

союза и давала ему силы для самозащиты, а также и для сохраненія своей монополіи. Но не всѣ члены корпораціи поставлены были въ одинаковое положеніе. Какъ и во многихъ средневѣковыхъ корпораціяхъ, мы встрѣчаемъ въ цехахъ три степени: ученика, подмастерья и мастера. Только послѣдніе могутъ быть названы полноправными гражданами цеха; они одни могли работать за свой счетъ и отъ своего имени, они одни, за весьма немногими исключеніями, составляли администрацію цеха, а также принимали участіе въ городскомъ управленіи. Они только могли сообщать тайны ремесла другимъ, принимая къ себѣ «учениковъ». Въ этомъ отношеніи, однако, право ихъ было ограничено. Въ то время, какъ одни уставы разрѣшаютъ имѣть одного ученика, другіе разрѣшаютъ принимать трехъ, не считая сына самаго мастера. За то были корпораціи, которыя позволяли имѣть учениковъ только изъ дѣтей мастеровъ, и такимъ образомъ составляли касту въ самомъ строгомъ смыслѣ.

Мастеръ, принимавшій ученика, долженъ былъ заключить контрактъ съ его родителями. Уставъ цеха обыкновенно не опредѣляетъ подробностей контракта, но предупреждаетъ возможность быстраго и дешеваго обученія. Онъ опредѣляетъ минимумъ срока и минимумъ платы, не заботясь о максимумѣ, а нѣкоторые, напримѣръ уставъ парижскихъ суконщиковъ, прямо разрѣшаютъ брать ученика на большій срокъ и взимать болѣе высокую плату за обученіе; но строго запрещаютъ брать меньше, чѣмъ поставлено въ уставѣ, и сокращать срокъ обученія (обыкновенно срокъ назначался гораздо болѣе длинный, чѣмъ было необходимо для выучки ремеслу).

Окончивъ срокъ обученія и получивъ свидѣтельство, мальчикъ получалъ [illegible] valet). Мастеръ, принимавшій [illegible] долженъ былъ

предварительно убѣдиться, удовлетворяетъ ли послѣдній требованіямъ статутовъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ заключить съ нимъ контрактъ. Подмастерье получаетъ вознагражденіе, хозяинъ не можетъ его удалить до окончанія срока найма безъ законной причины. Мастеръ не имѣетъ права нанять подмастерья изъ другой корпораціи, если есть свободные въ своей, даже помогать другъ другу мастера не имѣютъ права въ такой работѣ, которую могутъ исполнять подмастерья. Такимъ образомъ, если ученики находились въ полномъ произволѣ мастеровъ, если корпорація старалась поставить преграды ихъ приливу, то таже корпорація, образовавъ работника, ставила его въ болѣе самостоятельное положеніе и обезпечивала за нимъ монополію труда въ опредѣленныхъ границахъ. Но эта монополія все таки была не болѣе какъ правомъ быть зансимымъ работникомъ, такъ какъ ouvrier не могъ работать за собственный счетъ и отъ своего имени. Такимъ правомъ пользовались только мастера, которые составляли третій, высшій разрядъ членовъ корпораціи. Для полученія этого званія требовалось предварительно пробыть ученикомъ и работникомъ, дабы получить знаніе ремесла. Затѣмъ статуты требовали еще, чтобы желающій сдѣлаться мастеромъ имѣлъ капиталъ, достаточный для веденія дѣла. Это требованіе встрѣчается въ очень многихъ статутахъ. При поступленіи требовалась, кромѣ того, уплата разныхъ пошлинъ въ кассу корпораціи, сеньору, даже каждому мастеру корпораціи. Въ Парижѣ приходилось платить и королю, такъ какъ нѣкоторые роды промышленности составляли его феодъ: онъ отъ себя и продавалъ право заниматься тѣмъ или другимъ мастерствомъ [111])

За уплатою всѣхъ этихъ пошлинъ окончательный пріемъ аспиранта въ число мастеровъ замедлялся экза-

меномъ. Форма этого испытанія не была еще опредѣлена въ XIII в., и только въ уставѣ одной корпораціи, а именно chapuiseurs (производители монашескихъ кап҃ъ) мы встрѣчаемъ постановленіе о chef d'oeuvre, какъ способѣ доказательства знанія ремесла. Послѣ произведеннаго испытанія, продолжавшагося даже цѣлый годъ, производился пріемъ. Онъ совершался въ торжественномъ собраніи мастеровъ. Вступающій произносилъ клятву на мощахъ въ томъ, что онъ будетъ свято исполнять статуты и добросовѣстно вести свое дѣло. Послѣ того отъ него принималась вступительная плата [142]).

Эгоистическое начало въ устройствѣ цеховъ безспорно. Но рѣзче всего проявляется оно въ регламентахъ промышленныхъ процессовъ и торговли. Они носятъ двойственный характеръ: съ одной стороны мотивомъ ихъ служитъ общественная польза, съ другой стремленіе къ монополіи. Въ первомъ случаѣ регламенты стремятся гарантировать потребителя отъ обмана и съ этою цѣлью предписываютъ, чтобы за работою слѣдили особые чиновники, такъ называемые gardes et prud'hommes. Всѣ регламенты доходятъ до мелочности, проникнуты недовѣріемъ къ добросовѣстности промышленниковъ; они педантично преслѣдуютъ общую имъ всѣмъ цѣль «faire l'oeuvre bonne et loyale», но повидимому никогда не достигаютъ ея вполнѣ.

Эта цѣль объявлялась гласно; но часто въ регламентахъ мы встрѣчаемъ такія предписанія, которыя, хотя прикрываются тою же цѣлью, но не оправдываются ею. Такія запрещенія стремятся предупредить возможность развитія мастерской какого либо члена цеха до большихъ размѣровъ, или же стараются сохранить за цехомъ монополію производства, устраняя конкуренцію лицъ къ нему не принадлежащихъ. Такія постановленія еще не достигли въ XIII вѣкѣ полнаго

своего развитія, они рѣже встрѣчаются на югѣ Франціи, чѣмъ на сѣверѣ, но уже то обстоятельство важно, для характеристики цеха, что они являются чуть не съ самаго начала его существованія [143]) Необходимымъ слѣдствіемъ стремленія къ монополіи были постоянныя столкновенія между цехами по поводу нарушеній исключительнаго права производить предметы извѣстнаго рода Эти столкновенія начались уже въ XIII вѣкѣ. Мы впослѣдствіи скажемъ о нихъ подробно. Исторія цеховъ до столѣтней войны представляетъ намъ уже готовыми всѣ характерные признаки этой организаціи. Какихъ либо новыхъ принциповъ въ жизни этого учрежденія мы не увидимъ; тотъ же эгоизмъ, тѣже аристократическія стремленія.

Отличіе послѣдующаго періода отъ предыдущаго заключается только въ томъ, что все то, что мы видимъ въ послѣднемъ, неопредѣленно, не полно, есть только эмбріонъ по отношенію ко всему тому, что совершилось впослѣдствіи. Въ началѣ столѣтней войны въ политической жизни средняго класса наступаетъ кризисъ. Древній союзъ, существовавшій между нимъ и королевскою властью замѣнился враждою. Столкновеніе, какъ извѣстно, произведено стремленіемъ средняго класса ограничить королевскую власть. Попытка эта не удалась. Напротивъ, мы видимъ, что лишь только королевская власть оправилась отъ бѣдствій войны, начинается уничтоженіе политической самостоятельности городовъ. Въ XV вѣкѣ уничтожается городская милиція, въ XVI вѣкѣ самостоятельность въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ. Далѣе и городскіе финансы стали подъ строгій контроль правительства [144]). Столкновенія съ королевскою властью ограничились однако политическою сферою. Мы далѣе увидимъ отношеніе королевской власти къ жизни цеховъ, теперь скажемъ только, что цехи пережили сто-

лѣтнюю войну со всѣми ея бѣдствіями. Самыя бѣдствія, постигшія горожанъ, какъ и всю Францію, имѣли на жизнь цеховъ скрѣпляющее дѣйствіе. Какъ бѣдствія отъ феодальныхъ притѣсненій прежняго времени произвели союзы промышленниковъ, такъ точно и теперь бѣдствія другаго рода побудили цеховыхъ промышленниковъ еще болѣе сомкнуть свои ряды, еще болѣе замкнуться отъ всего остальнаго общества. Прежнія затрудненія къ достиженію самостоятельнаго положенія въ цехѣ увеличены еще введеніемъ chef d'oeuvre'a [16])

Chef d'oeuvre встрѣчается уже въ XIII вѣкѣ, но только въ одной корпораціи. Почииъ былъ сдѣланъ и это установленіе скоро введено было въ уставы рѣшительно всѣхъ корпорацій. Оффиціальный мотивъ chef d'oeuvre'a заключался въ томъ, чтобы желающіе получить степень мастера фактически могли доказать свою способность производить предметы своей спеціальности. Однако, во 1) предметомъ chef d'oeuvre'a обыкновенно была вещь, давно вышедшая изъ употребленія, во 2) условія, соединенныя съ исполненіемъ chef d'oeuvre'a, дѣлали это учрежденіе крайне стѣснительнымъ. Требовались денежные взносы въ пользу братства, въ пользу часовни, въ пользу присяжныхъ и въ пользу мастера, въ мастерской котораго производилась работа.

Кромѣ того, уставомъ часто опредѣлялось число и качество обѣдовъ, которыми долженъ былъ угостить аспирантъ своихъ будущихъ товарищей. Уставъ напрасно дѣлалъ эти опредѣленія, если думалъ гарантировать [illegible] отъ излишнихъ притязаній послѣднихъ. Обѣды всегда были дороже, чѣмъ требовалъ уставъ. Кромѣ установленныхъ взносовъ всегда были также [illegible] подарки [illegible] находился въ рукахъ администраторовъ, потому что сдѣлка chef

d'oeuvre'а вполнѣ зависѣла отъ присяжныхъ. Скупиться на покупку ихъ безпристрастія было рисковано. Одинъ сѣдельникъ Perrinot Auguier пожелалъ сдѣлать chef d'oeuvre; ему дали сдѣлать вьючное сѣдло, стоившее дорого и не имѣвшее сбыта въ томъ городѣ (Амiенѣ); тѣмъ не менѣе онъ его сдѣлалъ. Освидѣтельствовавъ работу, присяжные признали ее негодною; онъ аппелировалъ къ эшевенамъ; эти послѣдніе выбрали арбитровъ между мастерами; но такъ какъ послѣдніе не могли придти къ соглашенію, то эшевены рѣшились судить дѣло сами. Они велѣли принести еще два вьючныхъ сѣдла, которые прежде были приняты за chef d'oeuvre. Изъ сравненія оказалось, что сѣдло Перрино сдѣлано гораздо лучше. Тогда эшевены признали его достойнымъ степени мастера (XV в.). А вотъ и другой случай, бывшій позже (XVII в.). Одинъ подмастерье кожевникъ Бодекенъ (Boudequin) обратился съ просьбою, чтобы его допустили къ экзамену на степень мастера. Послѣ долгихъ проволочекъ присяжные уступили его настояніямъ; но назначили ему chef d'oeuvre очень сложный предметъ изъ кожи, металлическая отдѣлка котораго должна была быть серебреная. Такъ какъ Бодекенъ не былъ богатъ, то не могъ исполнить назначенную работу и требовалъ назначенія другой. Его просьба не была уважена и онъ апеллировалъ къ прево. Когда же на судѣ у послѣдняго нѣкоторые подмастерья, богатые, заявили, что они согласны исполнить заданную Бодекену работу, то ему было въ апелляціи отказано. Бодекенъ былъ не единственный подмастерье, которому было не подъ силу исполненіе chef d'oeuvre'а. Потерять иногда годъ на производство работы, истратиться на дорогіе матеріалы, накормить обѣдами и ублажить подарками присяжныхъ, уплатить всѣ установленные взносы, — все это могли сдѣлать весьма немногіе [146]) Въ XVII вѣкѣ

во многихъ цехахъ chef d'oeuvre прямо былъ замѣненъ двойнымъ денежнымъ взносомъ, даже не требовалось быть ученикомъ, за все платились деньги. Цѣнность chef d'oeuvre'а простиралась отъ 300 L. до 3000 L. [117]). Сыновья мастеровъ въ особенности пользовались преимуществами. Въ нѣкоторыхъ цехахъ только они могли сдѣлаться мастерами, во многихъ другихъ было опредѣлено число мастеровъ, и поэтому можно было экзаменоваться только при открытіи вакансіи; нѣкоторые, если получали разрѣшеніе отъ короля, совсѣмъ не принимали новыхъ мастеровъ въ теченіи извѣстнаго времени. Такія мѣры мотивировались необходимостью охраны отъ разоренія существующихъ мастеровъ. Всѣ указанныя условія, вмѣстѣ взятыя, привели наконецъ къ тому, что мастера въ цехѣ совершенно обособились въ отдѣльное сословіе, едва доступное для всѣхъ неродственниковъ ихъ. Такое обособленіе было развитіемъ аристократическаго принципа, лежавшаго съ самаго начала въ основаніи цеховой организаціи. Въ теченіи всего долгаго періода съ XIII по XVIII ст. высшее сословіе цеха яснѣе выдѣлилось изъ общей массы; съ этимъ вмѣстѣ и присутствіе аристократическаго принципа стало осязательнѣе. Дифференцированіе цеха на основаніи аристократическаго принципа не остановилось на выдѣленіи и строгомъ обособленіи сословія мастеровъ. Въ XVI вѣкѣ замѣчается дробленіе самаго класса мастеровъ на три разряда: молодыхъ, новыхъ и старыхъ. Для перехода изъ одного разряда въ другой требуется извѣстное время.

Только старые и отчасти новые (modernes) пользуются правомъ занимать должность присяжнаго. Самый способъ выбора въ нѣкоторыхъ корпораціяхъ измѣняется. Право избранія, принадлежавшее всѣмъ, передается нѣсколькимъ лицамъ и такимъ образомъ устанавливается олигархическая избирательная систе-

ма [115]). Кромѣ должностей присяжныхъ въ XVIII вѣкѣ является нѣсколько другихъ, которые не были такъ доходны, какъ должность присяжнаго, но соединены были съ различными почестями. Въ нѣкоторыхъ корпораціяхъ развилось до 10 категорій различныхъ должностныхъ лицъ [116]). Выясненное дифференцированіе цеховыхъ сословій, развитіе замкнутости высшаго сословія, размноженіе почетныхъ должностей, все это находилось въ полной гармоніи со всѣмъ, что дѣлалось въ другихъ слояхъ феодальнаго общества. То же множество титуловъ, привилегій, то же разнообразіе самыхъ тонкихъ и безсмысленныхъ отличій между правами членовъ одного и того же общества.

Цехъ обнималъ человѣка, какъ промышленника и гражданина; но была другая еще организація, которая включала его какъ человѣка и христіанина, — это братство. Братствами назывались союзы ремесленниковъ, существовавшіе независимо отъ цеха. Иногда они сливались съ нимъ въ объемѣ, иногда существовало нѣсколько братствъ въ одномъ и томъ же цехѣ.

Они порождаются развившеюся потребностью иныхъ, не цеховыхъ связей, потребностью пріятельскихъ, веселыхъ собраній, наконецъ развившимся въ XIV в. обрядовымъ направленіемъ, которое увлекало человѣка процессіями, церемоніями и другими религіозными обрядами. Братства встрѣчаются въ XIII вѣкѣ только какъ исключеніе. На югѣ Франціи ихъ было больше, чѣмъ на сѣверѣ. Тамъ даже цехи организовались сначала въ формѣ братства и носили названіе «благотвореніе» (charité, caritat). Въ XIV же вѣкѣ братства являются всюду. Между югомъ и сѣверомъ Франціи произошелъ обмѣнъ: организація цеха была заимствована югомъ, братства — сѣверомъ. Въ это время они окончательно слагаются въ форму религіозно-благотво-

рительныхъ и увеселительныхъ сообществъ [150]). Каждое братство избирало себѣ патрона изъ числа святыхъ, посвящало ему часовню, которую содержало на свой счетъ. Въ этой часовнѣ совершалось въ торжественные дни богослуженіе, на которомъ присутствовали члены братства. Передъ изображеніемъ патрона горѣла свѣча братства, служившая символомъ союза. Величиной ея хвастались братства. Въ торжественные дни всѣ члены братства собирались и отправлялись процессіей въ часовню, а потомъ собирались на пиршество. Торжества были экстренныя и опредѣленныя. Къ числу экстренныхъ торжествъ принадлежали: свадьба членовъ братства, похороны умершихъ, торжественные въѣзды членовъ королевской фамиліи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ процессіи являются или всѣ члены цѣликомъ или только делегаты со всѣми своими значками и знаменами, на которыхъ были изображены гербы братства. (Это особенно цѣнили братчики, ибо гербы ставили ихъ на одну доску съ дворянствомъ).

Даже печальныя торжества превращались въ веселыя. Такъ, у такъ называемыхъ «винныхъ глашатаевъ» (crieurs de vin) похороны происходили слѣдующимъ образомъ: всѣ члены братства должны были провожать гробъ усопшаго отъ дому до могилы. Каждый изъ провожающихъ имѣлъ въ рукахъ колокольчики, которыми онъ звонилъ во все время пути. Около гроба шли два человѣка, одинъ со жбаномъ, другой съ кружкою: они угощали виномъ всѣхъ провожающихъ; на carrefour'ахъ они останавливались, ставили гробъ на землю и тутъ угощали виномъ всѣхъ и каждаго, позволяя пить, сколько душѣ угодно. Такимъ образомъ печальная процессія превращалась въ карнавалъ. Обыкновенными празднествами, т. е. отправлявшимися въ опредѣленные дни, были:

праздникъ освященія хлѣба и праздникъ патрона братства. Во время этихъ праздниковъ устраивались самыя торжественныя процессіи. Нерѣдко вся процессія представляла собою маскарадъ и въ такомъ видѣ направлялась въ церковь, а потомъ въ кабакъ, гдѣ соборне устраивалось пиршество, продолжавшееся иногда до слѣдующаго утра. Всѣ подобныя празднества и процессіи отнимали много времени и брали много денегъ. На нихъ жаловались мастера, видѣвшіе въ нихъ причины многихъ безпорядковъ; но у нихъ не хватало силы отказаться отъ случая явиться торжественно на общій парадъ. Подмастерья же рады были случаю покинуть мастерскую своего хозяина и усердно исполняли свои обязанности въ отношеніи посѣщенія процессій и торжествъ братства.

Мы не должны забывать, однако, что братство было обществомъ не только религіозно-увеселительнымъ, но и благотворительнымъ. Въ расходахъ братства всегда фигурируетъ болѣе или менѣе значительная сумма на раздачу милостыни. Но эти хорошія стороны братства не удержались, онѣ отошли на второй планъ, а на первомъ мѣстѣ остались одни обряды. Самое слово «братство» становилось все болѣе и болѣе пустымъ звукомъ.

Въ XVI вѣкѣ мы видимъ братства, отчаянно преслѣдующими всѣхъ, кто не принадлежалъ къ цеху и однако осмѣливался заняться какимъ-либо ремесломъ. Отдѣльныя братства враждуютъ другъ съ другомъ и эти ссоры, кончавшіяся почти всегда дракою, наполняютъ собою весь XVI вѣкъ [151]) Религіозныя разногласія были только лишнимъ поводомъ для этихъ столкновеній и безпорядковъ. Особенно сильною была вражда между братствами мастеровъ и братствами подмастерій. Въ это время они составляли большею частью отдѣльныя братства. Мастера замкнулись, какъ

мы знаемъ, въ привиллегированное сословіе, смотрѣвшее ревниво на всякаго конкуррента, окружавшее себя все большими заставами. Понятно, что прежнія семейныя отношенія между мастеромъ и его работникомъ рушились, замѣнились завистью, враждою. Братства подмастерьевъ причиняли не мало хлопотъ мастерамъ не только своими праздниками среди недѣли и шумными торжествами, но главнымъ образомъ, стачками, не обходившимися безъ насилія. Они подчинялись строго одному начальнику, прекращали работу, расхаживали по улицамъ, вооруженные палками и шпагами, силой заставляли учениковъ и не согласившихся подмастерьевъ приступить къ стачкѣ, нападали на самихъ мастеровъ и такимъ образомъ добивались исполненія своихъ требованій [152]). Правительство издавало указы противъ братствъ подмастерьевъ, но указы не исполнялись и въ первой половинѣ XVI в., а тѣмъ менѣе было возможности заставить исполнять ихъ во время религіозныхъ войнъ. Только по окончаніи ихъ, королевская власть успѣла справиться съ братствами и въ большинствѣ случаевъ уничтожила ихъ. Они потеряли силу, и тогда только, во второй половинѣ XVII вѣка они получаютъ санкцію закона и начинаютъ существовать съизнова, но уже только въ формѣ религіозныхъ обществъ съ годичными церемоніями, свадьбами, похоронами, со всѣми прежними средневѣковыми формами. Прежняго содержанія не было уже, и они строго подчинялись королевской власти [153]). Въ очеркѣ исторіи братствъ нельзя пропустить аналогіи съ исторіею цеховъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ сначала является союзъ, имѣющій свой raison d'être въ окружающихъ обстоятельствахъ. Члены союза воодушевлены наилучшими намѣреніями; организація представляетъ видимо прогрессивное явленіе. Затѣмъ, по мѣрѣ измѣненія обстоятельствъ, по мѣрѣ изчезно-

венія надобности защиты, по мѣрѣ уничтоженія внѣшней необходимости замкнутости общественныхъ группъ, на сцену выступаютъ исключительно эгоистическіе интересы и стремленіе къ монополіи; мы видимъ преимущественно ссоры и взаимныя преслѣдованія во имя несуществующей опасности. Очевидно и братство, хотя и воодушевляемое религіознымъ духомъ, выродилось въ ту же средневѣковую корпорацію и своею судьбою даетъ лишнее доказательство невозможности образованія въ то время демократическихъ учрежденій. Демократія непримирима съ эгоизмомъ, она есть отреченіе отъ него.

Братства были формой организаціи, годной для осѣдлыхъ промышленниковъ. Они годны были для подмастерьевъ до тѣхъ поръ, пока они легко могли дѣлаться мастерами, когда, по выраженію большинства статутовъ, всякій, окончившій ученіе, могъ сдѣлаться мастеромъ «S'il avait de quoi», если у него были средства. Но съ введеніемъ опредѣленнаго срока, въ теченіи котораго ученикъ долженъ былъ оставаться подмастерьемъ, съ введеніемъ chef d'oeuvre'а, вообще съ усиленіемъ демаркаціонной линіи между мастерами и подмастерьями, съ выдѣленіемъ первыхъ въ особую группу, болѣе и болѣе замыкающуюся, положеніе рабочаго въ цехѣ все болѣе измѣнялось. Все менѣе оставалось связей, которыя его привязывали къ одной и той же корпораціи. Политическое объединеніе Франціи, значительно подвинувшееся впередъ къ XIV в., облегчало переходы изъ одной мѣстности въ другую. Но какъ перебираться въ другой городъ, въ другой цехъ (хотя и однородный), гдѣ встрѣтятся люди, враждебно, злобно встрѣчающіе каждаго пришельца? Они ему и шагу ступить не дадутъ, и на одинъ день работы не уступятъ. Ослабленіе осѣдлости и надежды на свой цехъ, потребность искать счастья въ другомъ мѣстѣ,

вотъ, слѣдовательно, тѣ интересы, которые сблизили между собою подмастерій различныхъ цеховъ, произвели между ними организацію совершенно отличную отъ цеха и отъ братства. Организація эта была «Товарищество», или «compagnonage» (подмастеріе въ XIV вѣкѣ сталъ называться не valet, а compagnon), Оно начало свое существованіе въ XIV вѣкѣ, и является развившимся въ XV вѣкѣ Общество это было тайное, а потому нѣтъ возможности прослѣдить шагъ за шагомъ его исторію и приходится ограничиться только общею характеристикой. Товарищество по объему было гораздо шире цеха и братства; оно обнимало собою рабочихъ нѣсколькихъ цеховъ, если не всѣхъ цеховъ одной и той же спеціальности. По составу товарищество тоже отличается отъ цеха. Оно заключаетъ въ себѣ только подмастерій, составляетъ исключительно рабочій союзъ. Цѣль товарищества — взаимная помощь рабочихъ, въ особенности при переселеніи въ другой городъ. Если рабочій отправлялся въ городъ, его снабжали всѣмъ необходимымъ. Являясь туда, онъ заходилъ въ тотъ трактиръ, который былъ мѣстомъ собранія товарищества. Ему стоило произнести пароль, какъ его принимали съ радостью. У него не было денегъ, ему давали взаймы, устраивали ему квартиру и столъ въ кредитъ, пока онъ не найдетъ работы. Мало того, развился обычай, по которому, если не было свободнаго мѣста, самый давній членъ товарищества въ данномъ городѣ долженъ былъ уступить свое мѣсто пришельцу, а самъ отправляться въ другой городъ. Мотивъ этого обычая былъ, между прочимъ, тотъ, что путешествіе доставляетъ возможность повидать Божій свѣтъ, поучиться различнымъ способамъ промысла. Давній обитатель города успѣлъ уже узнать все, что можно узнать на мѣстѣ; ему даже полезно отправиться въ другой городъ [154]). Если

вѣкѣ, столкновенія съ мастерами либо по поводу понижения заработной платы, либо по поводу пріема на службу чужаковъ, т. е. лицъ, не принадлежащихъ къ товариществу. Чѣмъ сильнѣе шло обособленіе мастеровъ, тѣмъ сильнѣе становилась вражда. Развитіе мануфактурной дѣятельности, притягивавшей въ города лишнее населеніе, содѣйствовало тому, что драки стали принимать болѣе грандіозный характеръ [158]). Вслѣдствіе развившейся вражды къ мастерамъ, малѣйшіе поводы оказывались достаточными для образованія стачекъ. Стачки по поводу найма такъ называемыхъ «чужихъ» рабочихъ принимали грандіозные размѣры, а это даетъ понять, что съ теченіемъ времени товарищества значительно потеряли характеръ общества взаимной помощи и на первомъ планѣ поставили борьбу съ мастерами и защиту монополіи труда.

Такъ какъ именно защита монополіи труда выступаетъ на видное мѣсто, то о товариществахъ можно высказать то заключеніе, что въ развитіи ихъ замѣчаются тѣ же явленія, которыя встрѣчались и въ развитіи цеховъ, хотя и въ слабѣйшей степени Они безспорно демократичнѣе цеховъ, но стремленіе къ монополіи было и въ нихъ. Исторія товариществъ весьма важна для разъясненія вопроса, какія измѣненія происходили въ положеніи рабочаго класса вслѣдъ за измѣненіями въ организаціи цеха и въ какое отношеніе къ послѣднему становилась масса рабочихъ.

Монополія ремесленнаго труда естественно приводила къ его регламентаціи. За отсутствіемъ конкурренціи регламентъ являлся единственнымъ средствомъ гарантіи доброкачественности продукта. Дѣйствительно, всѣ цеховые регламенты ставятъ главнымъ обязательствомъ своихъ членовъ «faire l'oeuvre bonne et loyale» [159]) и съ различными варіаціями развиваютъ это положеніе. Регламентація доходитъ до малѣй-

щается продавать свинину изъ опасенія, что они будутъ откармливать свиней человѣчьею кровью [160]). Таковы регламенты относительно цеховыхъ торговцевъ. Они несравненно суровѣе относительно такъ называемыхъ «внѣшнихъ» (forains) конкуррентовъ. Въ однихъ городахъ, какъ Парижъ, Руанъ, почти совершенно запрещалась торговля неграждапамъ этого города. Послѣдніе должны были сдать свои товары городскимъ купцамъ еще за городомъ. Въ другихъ городахъ, гдѣ допускались на городской рынокъ внѣшніе торговцы, дѣятельность ихъ подвергалась самой эгоистической, стѣснительной регламентаціи и частенько цеховыя силы стремились вытѣснить ихъ совсѣмъ съ рынка.

Всѣ регламенты — продуктъ того времени, когда городская жизнь была совершенно самостоятельною,— когда королевская власть еще не имѣла силы вмѣшиваться въ дѣла городовъ, а ссориться съ горожанами короли не находили выгоднымъ, такъ какъ въ союзѣ съ ними они боролись противъ общаго врага. Королевская власть старается только увеличить число цеховъ, собрать ихъ уставы въ одное цѣлое [161]), но не касается ихъ организаціи. Эти отношенія видоизмѣняются въ XIV вѣкѣ, во время династіи Валуа.

Существенныя условія и случайныя обстоятельства произвели это измѣненіе. Ослабленіе феодализма и развитіе безопасности, усиленіе средняго класса и и расширеніе промышленности, все это дѣлало излишнею монопольную организацію цеха; промышленность менѣе нуждалась въ этихъ укрѣпленіяхъ, — не нуждалась и въ постоянной защитѣ королей. Врагъ былъ настолько слабъ, что не могъ уже нападать въ чистомъ полѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и для королей миновала необходимость въ союзѣ съ среднимъ классомъ. Къ тому же этотъ союзникъ сталъ предъявлять власти «неумѣренныя» требованія. Случайнымъ обстоя-

тельствомъ, вызвавшимъ измѣненіе отношеній,—была, такъ называемая, Флорентійская чума 1348 года. Она унесла много народу. Отсюда вздорожаніе рабочихъ рукъ, сокращеніе производства, возвышеніе цѣнъ на весьма многіе продукты. Эти слѣдствія были приписаны монопольной организаціи цеховъ. Король Карлъ V отзывался о цеховыхъ статутахъ, что «они сдѣланы скорѣе для выгоды ремесленниковъ, чѣмъ на пользу общую». Такой же взглядъ побудилъ его отца ордонансомъ 1351 года объявить промысловый трудъ и рынокъ свободными. Этотъ указъ былъ равносиленъ уничтоженію цеховъ, хотя и не уничтожилъ ихъ. Онъ остался безъ послѣдствій. Цехи оказались слишкомъ крѣпкими учрежденіями, а королевская власть слишкомъ слабою для предпринятаго дѣла. Къ тому-же наступила столѣтняя война, ослабившая монархію и раззорившая средній классъ. По окончаніи ея короли снова съ нимъ сближаются. Они оставляютъ неприкосновенными цехи, но, сохраняя ихъ, подчиняютъ своей верховной власти [162]).

Съ этого времени, т. е. съ половины XV вѣка, вліяніе государства въ цеховой жизни становится ощутительнымъ. То движеніе, которое видоизмѣнило устройство провинціальныхъ цеховъ по образцу парижскихъ, продолжается въ этомъ періодѣ.

Короли поддерживали это объединеніе въ видахъ политическаго единства. Въ видахъ полученія доходовъ при Людовикѣ XI вводится новое право, якобы существовавшее давно, на основаніи котораго король въ извѣстныхъ случаяхъ могъ назначать отъ себя по одному мастеру въ каждой корпораціи. Король въ такихъ случаяхъ получалъ деньги за дипломъ. Впослѣдствіи увеличилось какъ число такихъ извѣстныхъ случаевъ, такъ и число назначаемыхъ мастеровъ въ каждой корпораціи. Точно также источникомъ до-

многіе дипломы, назначенные въ продажу въ 1558 году. Для избѣжанія такого уклоненія столько же, сколько для увеличенія этой статьи дохода, указомъ 1581 года устанавлялся налогъ въ суммѣ отъ 3 до 30 экю на новыхъ мастеровъ [165]). Упомянутые нами указы 1581 и 1597 гг. имѣютъ весьма важное значеніе въ жизни цеховъ. Первый указъ принадлежитъ Генриху III. Указъ имѣлъ цѣлью: 1) организовать въ цехи ремесленниковъ всѣхъ городовъ и деревень королевства, 2) сдѣлать менѣе исключительною систему цеховъ, 3) ограничить злоупотребленія присяжныхъ (jurandes) и мастеровъ, ставя ихъ подъ большій надзоръ королевской власти, 4) взимать налоги съ промышленнаго труда. Для достиженія этихъ цѣлей постановлялось, чтобы всѣ ремесленники образовали цехи и написали статуты ихъ, чтобы мастера одного города могли переходить въ цехъ другаго города того же судебнаго (парламентскаго) округа безъ новыхъ экзаменовъ и формальностей [166]); предмѣстія приравнивались къ городамъ, опредѣлены были сроки и предметъ chef d'oeuvre, а также учреждены, кромѣ коммисіи присяжныхъ еще двѣ коммисіи, по назначенію королевскаго судьи, которыя послѣдовательно одна за другой разсматривали chef d'oeuvre, и только единогласный приговоръ всѣхъ трехъ коммисій рѣшалъ отказъ въ дипломѣ. Въ противномъ случаѣ предпочтеніе давалось благопріятному приговору. Указъ 1581 года не былъ приведенъ въ исполненіе во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые были неблагопріятны для эгоизма цеховъ. Времена же были вообще не совсѣмъ удобны для безусловнаго исполненія королевскихъ повелѣній. Въ 1597 году Генрихъ IV подтвердилъ указъ 1581 года съ тою разницею, что въ корпораціи зачислены были и купцы. Этотъ указъ лучше исполнялся, чѣмъ предъидущій, хотя все таки не всѣ ремесленники вошли въ цехи.

Направленіе политики этихъ указовъ очевидно отличается отъ указа 1351 года Они признаютъ монополію за принципъ промышленной жизни, но только дѣлаютъ короля участникомъ выгодъ этой монополіи. Они подчиняютъ цехи вполнѣ власти правительства. Съ этимъ вмѣстѣ окончательно исчезаетъ raison d'être цеха, такъ какъ существованіе его оправдывалось необходимостью защитить промышленника отъ произвольныхъ поборовъ. Это полное подчиненіе цеховъ опекѣ правительства есть главный результатъ конца XVI вѣка въ ихъ исторіи, въ немъ же главное значеніе указовъ 1581 и 97 года. Все остальное въ нихъ не имѣетъ важнаго значенія. Ослабленіе отдѣльности однихъ городовъ отъ другихъ было ничтожно. Указы все таки оставляли провинціи совершенно отдѣленными другъ отъ друга. Дороговизна chef d'oeuvre'а увеличилась, потому что къ прежней его цѣнности прибавился сборъ въ пользу короля. Обѣды и банкеты остались, хотя король и льстилъ себя увѣренностью, что уничтожилъ ихъ. Иныхъ результатовъ и нельзя было ожидать отъ этихъ указовъ Королевская власть того времени,—продуктъ феодальной эпохи,—не могла возвыситься отъ понятія привиллегіи къ понятію о правѣ. Она не столько заботится о гарантіи всеобщаго права, сколько ревниво оберегаетъ свою абсолютную власть. Она уничтожаетъ могущество феодаловъ, но не уничтожаетъ феодальныхъ учрежденій, которыя не опасны для королевскаго абсолютизма, хотя и вредны для общественнаго развитія. По той же причинѣ она уничтожаетъ политическую силу горожанъ, но признаетъ неприкосновеннымъ основной принципъ цеховъ; а сдѣлавъ это, она тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на немощь въ дѣлѣ общественной пользы. Всѣ ся указы получаютъ значеніе плохаго пластыря на серьезной ранѣ.

Дальнѣйшая политика королевской власти не уклонялась отъ указаннаго пути. Пропуская время Генриха IV и Ришелье, важное только въ отношеніи появленія новыхъ родовъ промышленности, обратимся къ эпохѣ Людовика XIV. Его время, по справедливости, считается кульминаціоннымъ пунктомъ абсолютизма. Промышленность съ ея цеховою организаціею должна была также подчиниться королевской опекѣ. Осуществленіе этого дѣла выпало на долю Кольбера. Трудно подъискать другую личность, которая бы такъ всецѣло посвятила свою дѣятельность на увеличеніе благосостоянія своей страны. Онъ постоянно требовалъ отъ интендантовъ, чтобы они сообщали ему, «поправляются ли крестьяне, какъ они одѣты, какова у нихъ мебель, веселятся ли они больше во время праздниковъ и свадебъ, чѣмъ прежде»? Едва ли другой министръ столько сдѣлалъ для своей страны. Возстановленіе коммерческаго флота, избавленіе каботажа отъ монополіи голландцевъ, развитіе внутреннихъ водяныхъ сообщеній посредствомъ постройки каналовъ, обезпеченіе многоводности рѣкъ и матерьяла для судостроенія посредствомъ эдикта о водахъ и лѣсахъ, введеніе новыхъ родовъ промышленности и усовершенствованіе прежнихъ посредствомъ учрежденія образцовыхъ мануфактуръ, вызова мастеровъ и выдачи субсидій, защита посредствомъ тарифа національной промышленности отъ подавленія ея иностранной конкурренціей,— вотъ главные моменты дѣятельности Кольбера. Но защищая свою промышленность отъ иностранной конкурренціи, Кольберъ желалъ обезпечить за нею не только внутренній, но и иностранный рынокъ. Совершенствованіе производства было лишено своего стимула— конкурренціи: отсюда необходимость опеки правительства. Соотвѣтственно всеобщему убѣжденію, Кольберъ считалъ несовершенство цеховыхъ регламентовъ и не-

исполненіе ихъ главною причиною упадка промышленности [167])., самые цехи онъ считалъ оплотомъ промышленности противъ участія въ ней невѣждъ.

Соотвѣтственно этому убѣжденію, онъ рѣшился регламентировать снова промышленность. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ 1662 года имъ было издано около 150 регламентовъ, которые были не менѣе мелочны, чѣмъ прежніе цеховые.

На ряду съ этими частными регламентами были изданы четыре большихъ, дѣйствіе которыхъ распространялось на все государство (1669 г.). Это были регламенты, опредѣлявшіе юрисдикцію по промышленнымъ дѣламъ, регулировавшіе производство тканей, окрашиваніе ихъ и окрашиваніе пряжи. Къ нимъ чрезъ два года присоединенъ новый регламентъ окрашиванія шерсти во всѣ цвѣта и о составленіи красокъ. Это цѣлое руководство красильнаго производства. Во всѣхъ этихъ регламентахъ точнымъ образомъ опредѣляется качество матерьяловъ, инструментовъ и требующіяся качества окончательнаго продукта. Регламентъ входитъ въ мельчайшія подробности. Для надзора за выполненіемъ регламентовъ назначены были инспектора мануфактуръ, которые должны были постоянно объѣзжать ввѣренные имъ округа. Мэры и эшевены каждаго города должны были вѣдать процессы промышленниковъ. За неисполненіе регламентовъ назначены были строгія наказанія. За первый проступокъ хозяинъ лишался негоднаго товара, который, кромѣ того, привязывался къ позорному столбу на 48 часовъ; въ случаѣ рецидива, кромѣ этого, хозяинъ и его работникъ подвергались публичному порицанію; въ случаѣ-же новаго повторенія проступка хозяинъ выставлялся вмѣстѣ съ своимъ товаромъ къ позорному столбу на два часа. Издавая свои регламенты, Кольберъ имѣлъ основаніе предполагать, что дѣйствуетъ въ со-

только тормазомъ. Расширять эту систему значило усиливать существующую тягость, идти противъ потребностей времени. Регламентація производства, доведенная Кольберомъ до послѣдней степени полноты принесла и пользу, и вредъ. (Замѣтимъ, что она не связана по существу своему съ существованіемъ цеховъ). Польза регламентовъ цеховыхъ заключается въ томъ, что они дисциплинировали ремесленника. Польза регламентовъ Кольбера такова-же, только въ большей степени, потому что его регламенты отличались бо́льшею систематичностью и раціональностью. Они пріучили рабочаго faire l'oeuvre loyale, какъ и теперь говорятъ Французы, замѣняя этимъ выраженіемъ наше: «добросовѣстная работа».

Кромѣ того, они усвоили рабочему классу лучшіе современные способы производства въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, а это обезпечивало при всѣхъ равныхъ условіяхъ будущій прогрессъ этихъ отраслей въ той-же степени. Весьма вѣроятно, что бросающееся въ глаза въ настоящее время развитіе у Французовъ шерстоткацкаго производства и красильнаго дѣла объясняется регламентами Кольбера [169]).

Не смотря на это полное, можетъ быть даже преувеличенное признаніе пользы цеховой регламентаціи, а также и регламентовъ Кольбера, мы не можемъ не обратить вниманія и на ихъ вредъ. Мы уже выше вскользь указывали на рутину, къ которой были склонны цеховые регламенты. Это была ихъ общая черта съ самаго начала и до конца. Цеховые мастера хвастались привязанностью къ старинѣ. Парижскіе суконщики временъ Людовика IX хвастались тѣмъ, что они употребляютъ туже самую желѣзную мѣрку для опредѣленія законно-сообразной ширины сукна, которую употребляли при Филиппѣ Августѣ. Такая привязанность, оставаясь совершенно невинною по отно-

шенію къ желѣзной палкѣ, становилась тормазомъ всякихъ изобрѣтеній, коль скоро переносилась въ область способовъ производства. Регламентъ не возбуждаетъ способности къ изобрѣтенію, онъ, напротивъ, парализуетъ его. Мало того, онъ служилъ источникомъ безчисленныхъ процессовъ, по поводу изобрѣтеній — нарушеній регламентовъ — источникомъ страданій для изобрѣтателей. Въ XIV вѣкѣ старые мастера подняли процессъ по поводу того, что нѣкоторые мастера дѣлаютъ брюки со шнурками, при помощи которыхъ они прикрѣпляются къ полукафтану,—тогда какъ прежде они дѣлались просто съ веревочкой, которой завязывались около пояса. Королевскимъ эдиктомъ запрещено было такое нарушеніе регламента. Но спросъ на новомодные брюки былъ такъ великъ, что мастера продолжали ихъ дѣлать, рискуя большими штрафами, и конфискаціей. Наконецъ, въ 1398 г., они выхлопотали право дѣлать подобные брюки [170]). Такихъ процессовъ было всегда множество. Такое-же значеніе получили впослѣдствіи и регламенты Кольбера. Самъ онъ не считалъ свои мѣры постоянными, а только временными, предназначенными для младенческаго возраста промышленности; но это служитъ только къ его личному оправданію, а не измѣняетъ сущности дѣла. Регламенты Кольбера стали сильнѣйшимъ тормазомъ, потому что нарушать ихъ было труднѣе, чѣмъ прежніе цеховые регламенты.

Регламенты стремятся естественно къ единообразію. Регламенты Кольбера грѣшили этимъ въ наибольшей степени, чѣмъ, конечно, тормазили прогрессъ производства. Хотя его регламентъ производства сукна и саржи обнималъ 29 различныхъ процессовъ, все таки онъ не могъ обнять всѣ существующіе и возможные. Это сказалось сейчасъ-же. Жалобы жителей Оверни, дѣлавшихъ матеріи въ $^1/_2$ аршина шириною, просьба

жителей Альби въ томъ-же родѣ, петиція шелковыхъ фабрикантовъ Тура, приписывавшихъ упадокъ своей промышленности регламентамъ, служатъ доказательствомъ односторонности регламента. Хорошо, если нѣкоторые изъ этихъ жалобъ удовлетворялись; большинство оставлялось безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, регламенты Кольбера, принеся нѣкоторую пользу, заключали въ себѣ въ высшемъ градусѣ вредъ всякой регламентаціи, превосходящей требованія необходимости. Слѣдствія сказались при его преемникахъ, которые пошли по его пути, не имѣя ни его талантовъ, ни его преданности общественному благу.

Послѣ смерти Кольбера и потомъ при Людовикѣ XV регламентація труда развилась до невозможныхъ размѣровъ. Стараясь предупредить уклоненія отъ исполненія существующихъ регламентовъ, издавали новыя правила; стараясь уничтожить обманъ, уничтожали всякую свободу промысла. Промышленное законодательство разрослось настолько и стало такимъ сложнымъ и запутаннымъ, что каждый ремесленникъ долженъ былъ быть хорошимъ юристомъ, чтобы не потеряться во множествѣ регламентовъ, которымъ онъ былъ подчиненъ. Нечего и говорить, что подъ прессомъ регламентовъ и невѣжества инспекторовъ промышленникъ не могъ развивать своей изобрѣтательности [171]). Одинъ изъ инспекторовъ XVIII вѣка помѣстилъ въ своемъ донесеніи, что онъ видѣлъ въ Сенезѣ (Senez) («такого имени нѣтъ», говоритъ Ш. де-Рибъ) фабрику англійскаго калмыка (fabrik de calmouk d'Anglèterre). Образчикъ былъ приложенъ тутъ же; это былъ cadis, матерія, носившаяся крестьянами.

Преслѣдованія нововводителей стали чуть ли не болѣе частыми, чѣмъ прежде. Касторовыя шляпы стали очень дороги;—стали дѣлать полу-касторовыя, которыя понравились публикѣ своею дешевизною. Правительство

запретило ихъ; потомъ, увидя, что запрещеніе не исполняется, назначило послѣдовательно слѣдующія наказанія: лишеніе диплома мастера, затѣмъ лишеніе диплома мастера и 2.000 ливр. штрафу, наконецъ штрафъ былъ увеличенъ до 3 000 ливровъ и назначено тюремное заключеніе въ случаѣ рецидива Когда и эти средства не помогли, правительство прибѣгло къ монополіи, оно предоставило обществу 16 шляпочниковъ исключительное право производства и продажи касторовыхъ шляпъ. Наконецъ, когда эта компанія лопнула, то въ XVIII вѣкѣ правительство разрѣшило производство полу-касторовыхъ шляпъ. 70 лѣтъ продолжалась эта борьба изъ за полукасторовыхъ шляпъ [172]). Цехъ шмуклеровъ-пуговичниковъ имѣлъ право дѣлать пуговицы, обтянутыя матеріею. Эта работа была ручная. И вотъ явились въ обращеніи пуговицы, гораздо болѣе дешевыя, но сдѣланныя на станкѣ. По просьбѣ шмуклеровъ правительство запретило дѣлать пуговицы не ручной работы и велѣло конфисковать и сжечь всѣ такія пуговицы, находящіяся въ продажѣ. Эти факты XVII вѣка, а вотъ и изъ XVIII. Красильщикъ Бедель получилъ отъ самаго короля разрѣшеніе (1756 года) красить бумажныя матеріи въ голубой цвѣтъ съ бѣлыми разводами. Но присяжные цеха красильщиковъ пришли къ нему и запечатали его чаны съ находившимися тамъ матеріями и только черезъ четыре мѣсяца онъ выхлопоталъ отъ государственнаго совѣта освобожденіе отъ ареста своего товара; но за это время все сгнило. Подобнымъ же преслѣдованіямъ подвергался и шляпочникъ Лепрево (Leprevost), который вздумалъ дѣлать шерстяныя шляпы съ прибавкою небольшаго количества шелка. Эти шляпы очень нравились, но онѣ, казалось, нарушали регламентъ. Четырехлѣтній процессъ понадобился на пріобрѣтеніе права дѣлать то, что на самомъ дѣлѣ разрѣшалось регламен-

ти; но выкупъ ихъ не состоялся и всѣ они воскресли послѣ паденія его банка и продолжали существовать до конца жизни цеховъ.

Другой старый способъ извлеченія доходовъ тоже практиковался въ большихъ размѣрахъ въ XVIII вѣкѣ. Начали продавать дипломы мастера съ 1722 года по поводу благополучнаго восшествія на престолъ, потомъ продавали ихъ по случаю свадьбы и рожденія высочайшихъ особъ. Всѣ эти дипломы цехамъ позволяли покупать, но запрещалось принимать новыхъ мастеровъ посредствомъ экзамена и представленія chef d'oeuvre'a. Наконецъ министръ Лаверди «для того, чтобы доставить сразу многимъ возможность дешево вступить въ мастера», учредилъ сразу по 12 дипломовъ мастера для каждой корпораціи Парижа и отъ 2 до 8 для каждой провинціальной корпораціи. Учрежденіе должностей, назначеніе мастеровъ отъ правительства и всѣ другія фискальныя мѣры стоили цехамъ большихъ суммъ [176]). Они дѣлали займы, лѣзли въ долги. Финансовое положеніе ихъ было настолько безнадежно, что мастера стали покидать цехи. Въ 1696 г. вышелъ указъ, объявлявшій недѣйствительнымъ всякое удаленіе изъ цеха послѣ 1694 года. Это было равносильно прикрѣпленію къ цеху. Чтобы покрывать свои расходы, цехи необходимо должны были увеличить разные сборы. Шмуклеры увеличили налогъ за избраніе въ присяжные съ 120 на 150 ливровъ, налогъ на пріемъ ученика увеличили вдвое (съ 30 на 60), золотыхъ дѣлъ мастера увеличили до 1000 ливровъ налогъ на дипломъ мастера [177]).

Въ то же время цеховые ремесленники старались усилить доходность своего труда ослабленіемъ конкурренціи. Нѣкоторыя корпораціи выхлопотали себѣ право въ теченіи тридцати или сорока лѣтъ не допускать новыхъ мастеровъ, другія постановляли не имѣть

болѣе одного подмастерья въ каждой мастерской и запрещали ночную работу; эти запрещенія дѣлались съ цѣлью возвышенія цѣнности труда. Вообще естественнымъ результатомъ фискальной политики королевской власти въ отношеніи цеховъ было не ослабленіе ихъ эгоизма, которымъ они отличались съ самаго начала своего существованія, а напротивъ его усиленіе, такъ что мы видимъ не пониженіе преградъ, загораживающихъ доступы къ промышленному труду, а напротивъ, стремленіе къ ихъ повышенію.

Для полной характеристики жизни цеховъ, мы не должны упускать изъ виду между-цеховыхъ отношеній; въ нихъ ярче всего проявлялся принципъ монополіи, лежавшій въ основаніи всей цеховой организаціи. Соотвѣтственно этому принципу ни одинъ цехъ не могъ допустить, чтобы ремесленники другаго цеха исполняли работы, которыя онъ считалъ своей монополіей. Ремесла же различнаго рода такъ тѣсно сближаются, что при всей доброй волѣ часто невозможно опредѣлить границы, гдѣ кончается одно ремесло и начинается другое, отсюда необходимость постоянныхъ столкновеній между цехами, постоянныхъ процессовъ съ цѣлью опредѣлить взаимныя права на ту или другую работу и съ цѣлью преслѣдованія правонарушеній.

Поэтому ссоры и процессы между цехами начинаются чуть ли не съ самаго начала ихъ существованія. Уже въ XIII-мъ вѣкѣ мы видимъ ихъ, и затѣмъ ими сопровождается исторія цеховъ вплоть до самаго конца. Всѣ рѣшительно корпораціи ссорились между собою по поводу взаимныхъ правонарушеній; но больше всего процессовъ имѣли родственники.

Въ XIII вѣкѣ часто ссорились между собою портные брюкъ (chaussiers) и лоскутники изъ за того, что

послѣдніе дѣлали слишкомъ большую реставрацію панталонъ, прессовали ихъ, давая имъ видъ новыхъ. Судебнымъ приговоромъ постановлено было, чтобы лоскутники не смѣли складывать панталонъ, а должны ихъ вѣшать на гвоздѣ.

Дѣлатели мелкихъ желѣзныхъ вещей (lormiers), шорники, сѣдельники тоже ссорились между собою. Первые преслѣдовали вторыхъ судебнымъ порядкомъ за то, что они покупали старые мундштуки и уздечки, шлифовали ихъ и пришивали къ сбруѣ. Судъ удовлетворилъ lormiers. Вслѣдъ за тѣмъ они начали процессъ съ сѣдѣльниками за то, что послѣдніе позволяли себѣ дѣлать стремена, шпоры, мундштуки и другія металлическіе приборы кавалерійской сбруи. Lormiers были удовлетворены. Подобный же процессъ былъ между шпажниками (fourbisseurs) и нѣкоторыми дѣлателями ефесовъ (garnisseurs de pommeaux). Трое изъ цеха дѣлателей ефесовъ Glissi, Henri de St. Richard и Thomas de Boissy, имѣя право дѣлать нагрудники, набедренники, кольца, каски и другія вещи, стали дѣлать портупеи и ножны. Шпажники судебнымъ порядкомъ заставили ихъ отказаться отъ этого промысла. Тогда они перенесли его въ С. Дени, оставаясь, однако, парижскими ремесленниками. Когда-же имъ и это было запрещено, они окончательно перебрались въ С. Дени, а свои издѣлія продолжали продавать въ Парижѣ. Напрасно жаловались на это шпажники; парламентъ не счелъ себя въ правѣ удовлетворить ихъ претензіи, потому что на продажу этихъ вещей въ Парижѣ внѣшними купцами (forrains) запрещенія не было.

Шерстобиты, суконщики и красильщики такъ близко стояли другъ къ другу, что между ними не могло обойтись безъ драки. Суконщики уже давно присвоили себѣ право красить сукно во всѣ цвѣта, исклю-

чая голубаго а во время составленія свода Буало, они внесли въ свой регламентъ право употреблять и голубую краску.

Съ другой стороны красильщики внесли въ тотъ же сводъ нарочитое запрещеніе всякому ткачу красить свои матеріи голубою или какою либо краскою. Это противорѣчіе въ первомъ промышленномъ кодексѣ было источникомъ нѣсколькихъ процессовъ. Шерстобитамъ принадлежало право давать сукну окончательную отдѣлку; это служило для нихъ основаніемъ для споровъ съ суконщиками, а также и для претензіи быть исключительными судьями доброкачественности сукна. Парламентъ не призналъ этой претензіи, и постановленіемъ своимъ 1270 г. предписалъ производить освидѣтельствованіе сукна смѣшанною коммисіею, состоящею изъ равнаго числа представителей обоихъ цеховъ. Это, однако, не уничтожило спора, такъ какъ суконщики пользовались своей силой и богатствами для притѣсненій красильщиковъ и шерстобитовъ [178]).

Въ послѣдующихъ столѣтіяхъ споры между цехами усиливались. Чѣмъ незначительнѣе становилась общественная польза, оказываемая цехами, тѣмъ крѣпче приходилось имъ держаться за свои привилегіи; монополія труда съ теченіемъ времени пріобрѣла право неприкосновенности сѣдой старины. Всѣ цехи стремились поддержать свои статуты и свои исключительныя права. Съ этою цѣлью они представляли свои статуты на вторичное утвержденіе королевской власти. Усиливая законность своихъ правъ, они энергично преслѣдовали всякаго противника, даже и въ томъ случаѣ, когда сами не могли производить той работы, на которую, какъ имъ казалось, они имѣли исключительное право.

Такъ, цырюльники считали себя и хирургами,—но они только умѣли дѣлать кровопусканіе и перевязывать незначительныя раны. Тѣмъ не менѣе въ XVI сто-

Подъ конецъ пира, подъ вліяніемъ выпитаго вина, начали распѣвать пѣсни и тѣмъ привлекли вниманіе сосѣдей. Какъ только о пирушкѣ стало извѣстно поварамъ, они ворвались въ залу. Но блюда уже исчезли, и они не могли захватить никакого поличнаго. Сконфуженные неудачею, они уже собирались уходить, какъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ подъ концомъ плохо свернутой салфетки остатки курицы. Этотъ предметъ былъ достаточнымъ вещественнымъ доказательствомъ, чтобы начать въ парламентѣ процессъ противъ Ланглуа [181]).

Довольно продолжительнымъ и сложнымъ былъ процессъ галантерейщиковъ съ другими цехами. Ихъ торговля была весьма разнообразна, таковы же были и столкновенія. Съ ними спорили перчаточники. Послѣдніе запрещали имъ шить перчатки, а въ 1578 г. добились рѣшенія парламента, запрещавшаго галантерейщикамъ имѣть на выставкѣ въ окнѣ болѣе 4-хъ паръ перчатокъ и въ витринѣ, въ лавкѣ болѣе 3-хъ пачекъ, по дюжинѣ въ каждой.

Послѣ того, однако, потребовалось еще 16 рѣшеній парламента, чтобы разграничить розничную торговлю перчатками отъ гуртовой и еще въ 1666 году парламентъ подтверждалъ указъ 1579 г.

Шапочники-шляпочники (bonnetiers - chapeliers) тоже тягались съ галантерейщиками изъ за того, что послѣдніе осмѣливались сами пришивать къ шляпамъ шолковыя кисточки и изъ за того, что они выставляли на окнѣ слишкомъ много шляпъ. Судебнымъ порядкомъ они заставили ихъ отказаться отъ отдѣлки шляпъ и запретили имъ имѣть на выставкѣ въ окнѣ болѣе шести шляпъ пуховыхъ, одной бархатной, одной сатиновой и одной изъ тафты и, кромѣ того, дозволялось выставлять шесть шляпъ иностраннаго производства.

Къ этому прибавлено было, что эти шляпы должны быть положены въ кучу, а не развѣшаны на столбикахъ, какъ это бываетъ у шляпочниковъ. Болѣе столѣтія прошло, а эти два цеха не могли помириться. Еще въ 1685 году шляпочникамъ понадобилось подтвержденіе со стороны парламента ихъ права навѣщать галантерейщиковъ съ цѣлью удотовѣриться, что у нихъ нѣтъ шляпныхъ столбиковъ. Въ теченіе только 50 лѣтъ XVII вѣка издано было парламентомъ не менѣе 72 регламентовъ, разграничивающихъ права галантерейщиковъ относительно другихъ корпорацій. Наибольшею продолжительностью, однако, отличался цитируемый всюду процессъ портныхъ и старьевщиковъ. Онъ начался, повидимому, въ 1427 году и длился до конца существованія цеховъ. Портные требовали, чтобы старьевщикъ не смѣлъ ничего пришивать къ старому платью; старьевщики-же, подъ видомъ починки, совершенно его передѣлывали. Начальникъ полиціи и парламентъ одинъ разъ опредѣляли, что матерія, употребляемая для починки, не должна быть дороже 8 *L.*, другой разъ, — что не дороже 15. Въ теченіи этого длиннѣйшаго процесса состоялось 1.500 судебныхъ рѣшеній съ цѣлью точно разграничить старое платье отъ новаго; но они всѣ вкупѣ не могли сдѣлать невозможнаго [182]). До какой степени придирчивости доходили цехи во взаимныхъ преслѣдованіяхъ, укажутъ слѣдующіе случаи. Одинъ старьевщикъ имѣлъ старые полукафтаны краснаго сукна и штаны пряничнаго цвѣта, къ которымъ онъ пришилъ пуговицы, покрытыя матеріею подходящаго цвѣта. Безъ этого нельзя было продать этихъ вещей. Его сейчасъ же привлекли къ суду присяжные шмуклеры. Начальникъ полиціи (Lieutenant de police) велѣлъ отрѣзать и сжечь пуговицы, а виновнаго, въ видѣ снисхожденія, присудилъ къ 20 L. штрафу, вмѣсто 500, которымъ онъ могъ быть подвергнутъ [183]).

[illegible] въ памяти все, видѣнное нами, и под[illegible]. Цехи являются на свѣтъ, какъ орудіе [illegible] «concordia parvae res crescunt». Таковъ девизъ [illegible] нихъ. Но эта цитадель не есть общее [illegible], ею не могутъ пользоваться всѣ желающіе [illegible]живать и защищать ея существованіе. Пользованіе благами цеха есть привиллегія, а не право. До[illegible] до этой привиллегіи нельзя сразу. Но сначала его было легче, чѣмъ впослѣдствіи. Развитіе цеха состояло именно въ увеличеніи этихъ затрудненій и все большемъ и большемъ разграниченіи привиллегированныхъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Стремленіе къ разграниченію проникаетъ и внутрь привиллегированныхъ, раздѣляя ихъ на болѣе привиллегированныхъ и менѣе привиллегированныхъ. Это дальнѣйшее движеніе совпадаетъ съ уменьшеніемъ внѣшнихъ опасностей для промышленности, съ ослабленіемъ феодализма. Начинается глухая борьба менѣе привиллегированныхъ съ болѣе привиллегированными, ибо послѣдніе тѣснятъ первыхъ. Образуются, помимо цеха, отдѣльныя общественныя группы и въ нихъ то и отражается эта борьба.

Братства борятся между собою, а также и товарищества. Но не нужно себя обманывать относительно этой борьбы. Въ ней не участвуетъ демократическая идея. Тутъ идетъ дѣло о привиллегіи, а не о правѣ. Новыя общественныя группы оцвѣчены тою же краской феодальнаго эгоизма, какъ и цехъ. Внутренняя борьба въ цехѣ осложняется борьбою цеха съ цехомъ, которая становится все значительнѣе вмѣстѣ съ возрастомъ борцовъ. Чѣмъ далѣе развивается промышленность, тѣмъ болѣе развѣтвляется и шире становится сотрудничество въ формѣ раздѣленія труда, тѣмъ болѣе поводовъ для столкновеній. Внѣшняя сила была способна, повидимому, измѣнить исторію промы-

шленнаго класса. Королевская власть въ самомъ дѣлѣ въ XIV вѣкѣ, какъ будто, хочетъ уничтожить цехи; но только вотъ что слѣдуетъ различать въ этомъ дѣлѣ. Королевская власть нападаетъ на цехи, какъ на своего врага, а не вредное учрежденіе въ общественномъ смыслѣ. Обстоятельства ослабили этого врага, цехи преклонились предъ монархіей. Этого только и требовалось. Они остались цѣлы. Монархія даже развиваетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ крѣпче. И такъ королевская власть только, повидимому, была способна уничтожить цехи; на самомъ дѣлѣ у нея этой способности не было, ибо она сама была феодальнымъ учрежденіемъ и не могла скоро возвыситься до идеи общечеловѣческаго права. Поэтому и роль ея въ исторіи цеховъ была такова: она доканчиваетъ единообразіе цеховаго устройства, распространяетъ его всюду, эксплуатируетъ его въ свою пользу, усиливаетъ регламентацію труда и вмѣстѣ съ нею и рутину. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, цехи въ XVIII вѣкѣ пришли къ такому положенію: выгода ихъ доставалась небольшому числу людей, мастерамъ, которые и завѣдывали управленіемъ цеха; подмастерья и ученики находились въ полной зависимости отъ первыхъ. Зависимость эта была и экономическою и юридическою. Выйти изъ нея было мало надеждъ. Улучшить свое положеніе они пытались, но безъ опредѣленнаго плана, путемъ протестовъ. Это не вело ни къ чему.

Потребители не получали выгодъ отъ цеховъ; они должны были потреблять товары не по своему вкусу, а по вкусу регламента, должны были переплачивать за товары, благодаря существованію такихъ способовъ производства, которые поддерживались только рутиною.

Да даже и самимъ мастерамъ, этимъ patres цеховъ, выгода доставалась весьма сомнительная; они,

[illegible] получали бы гораздо больше, не имѣя на [illegible]ныхъ процессовъ, содержанія выдуман[illegible] должностей, всевозможныхъ долговъ [illegible]лліоновъ), сдѣланныхъ на цеховые рас[illegible]. Не приходилось бы прикрѣплять мастеровъ [illegible] если бы ихъ положеніе было такъ хорошо, [illegible]ется. Если кому было выгодно существованіе [illegible] съ ихъ регламентами, такъ это инспекторамъ. [illegible] что, между прочимъ, разсказываетъ одинъ [illegible] современниковъ, весьма свѣдущій въ торговлѣ и [illegible]щій высокій постъ: онъ не понимаетъ, какъ [illegible] два инспектора встрѣчаться безъ смѣха [185]. (Augur augurem videns ridet). Но что всего важнѣе, [illegible] то, что при существованіи цеховъ, промышленность не могла воспользоваться всѣми выгодами сочетанія труда. Развившіяся потребности требовали большей интенсивности производства; теперь прошла та пора, когда медленная, простая работа могла удовлетворить спросъ. Учрежденіемъ, способнымъ на это, была бы мануфактура, а она была невозможна при цеховомъ устройствѣ. Всѣ появившіяся при Кольберѣ мануфактуры поставлены были внѣ цеховъ. Соединенныя съ мануфактурой выгоды производства въ большихъ размѣрахъ, конечно, громко говорили противъ цеховъ, необходимо влекли къ ихъ упраздненію.

Кому могъ быть слышенъ этотъ голосъ? Мастерамъ? Но развѣ они не были привиллегированными, чтобы оставаться глухими? Съ ихъ стороны иниціатива была невозможна, тѣмъ болѣе, что они уже давно лишены были политической автономіи. Подмастерьямъ и ученикамъ? Да, но они могли понять этотъ голосъ только съ коментаріями. Только люди мысли, не привязанные узкими интересами къ той или другой общественной формѣ, только они одни могли подняться до идеи общечеловѣческихъ правъ, съ высоты этой

бы raison d'être их существованія. 2) Изъ указанія ихъ недостатковъ видно основательное знакомство съ дѣломъ и вѣрное пониманіе существенныхъ недостатковъ. 3) Требованія относительно будущаго поставлены ясно и точно. Авторъ уничтожаетъ цехи, это ясно. Неясно, однако, что именно хочетъ онъ оставить отъ нихъ, послѣ исполненія всѣхъ своихъ требованій. Останется списокъ рабочихъ данной категоріи; что будетъ основаніемъ ассоціаціи, не ясно? Но это впрочемъ не имѣло практическаго значенія; вся суть дѣла заключалась въ необходимости упраздненія принципа цеха. Мысли неизвѣстнаго автора, изложенныя нами вкратцѣ, были раздѣляемы всѣми людьми движенія въ большей или меньшей степени.

Ихъ раздѣляли послѣдователи Гурнэ; физіократы чистокровные тоже были врагами цеховъ и вообще торговыхъ стѣсненій. Такимъ образомъ были на лицо всѣ главнѣйшія условія для устраненія цеховаго порядка: 1) неудовлетворительность этого режима, 2) ощущеніе массою неудовлетворительности положенія и 3) образованіе въ общественномъ сознаніи опредѣленныхъ воззрѣній на выходъ изъ даннаго положенія.

Существованіе этихъ трехъ условій дѣлаетъ реформу необходимой и игра случая можетъ только задержать ее и то весьма не надолго.

Правительство Людовика XVI могло слѣдовательно выбирать одно изъ двухъ: или произвести реформу, или предоставить ей произойти путемъ общественнаго движенія, путемъ революціи.

Тюрго очень хорошо понималъ, что именно такова постановка вопроса не только по отношенію организаціи торгово-промышленнаго населенія, но и по отношенію ко всей государственной жизни.

татомъ которыхъ является искусственное возвышеніе цѣнъ на всѣ продукты первой необходимости. Такъ какъ хлѣбъ стоитъ отъ 20 до 26 ливровъ сетье, то народъ могъ бы имѣть фунтъ прекраснаго хлѣба за 2 су 2 денье, а онъ стоитъ 2 су 9 денье, благодаря существованію цеха булочниковъ [190]). Нѣтъ основанія опасаться за доброкачественность труда и его продуктовъ, такъ какъ въ этомъ собственный интересъ предпринимателей; нечего опасаться и за разореніе теперешнихъ мастеровъ, потому что ихъ знаніе, опытность и капиталъ даютъ имъ большія преимущества надъ ихъ будущими конкуррентами, бывшими подмастерьями. Наконецъ, ко всѣмъ указаннымъ соображеніямъ нужно прибавить одно обстоятельство, побуждающее уничтожить цехи, именно въ теперешнее время. Это обстоятельство—«настоящее положеніе англійскихъ фабрикъ вслѣдствіе прекращенія торговли съ американскими колоніями».

Если есть моментъ, когда можно надѣяться привлечь во Францію много англійскихъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ ними перенести къ намъ множество способовъ производства, неизвѣстныхъ на нашихъ фабрикахъ,—такъ это теперешній моментъ. Сохраненіе цеховъ, закрывающихъ входъ каждому рабочему, не прошедшему тяжелыхъ испытаній, и вообще всѣмъ иностранцамъ, заставитъ королевство потерять всѣ тѣ выгоды, которыя оно могло бы извлечь изъ этого обстоятельства, единственнаго въ своемъ родѣ. Это соображеніе кажется мнѣ имѣющимъ большое значеніе [191]).

Въ силу высказанныхъ мотивовъ эдиктъ объ уничтоженіи цеховъ объявлялъ свободными всѣ ремесла даже для натурализованныхъ иностранцевъ. За уничтоженіемъ цеховъ съ ихъ администраціей и

[illegible] въ виду наступленія эпохи машин-[illegible]. Эта мѣра Тюрго можетъ быть объ-[illegible] предубѣжденіемъ противъ братствъ и товари-[illegible] воспитано было ихъ недостатками, [illegible] противъ сообществъ всякаго рода, [illegible] изъ наблюденій существующихъ формъ [illegible] можно было замѣтить, что анонимный ав-[illegible]rations» чуждъ этого предразсудка, хотя [illegible] повидимому, не ясно, для чего могутъ [illegible] корпораціи. За то большинство противни-[illegible] раздѣляли предразсудокъ Тюрго. Учреди-[illegible] собраніе, уничтожая въ 1791 году цехи, по-[illegible] воспроизвело запрещеніе всякихъ ассо-[illegible] не ограничило его торгово-промышлен-[illegible].

[illegible] Тюрго, за исключеніемъ Мальзерба, не [illegible]вали его мѣропріятіямъ. Теперь они всѣ [illegible] его эдиктъ о цехахъ въ государственномъ [illegible] Питая вообще нерасположеніе къ автору эдик-[illegible] боялись, или показывали видъ, что боятся смѣло-[illegible]щаго. Это опасеніе казалось тѣмъ болѣе [illegible]тельнымъ, что рядомъ съ эдиктами о цехахъ [illegible] вопросъ о натуральныхъ повинностяхъ. [illegible]ль, хранитель печатей, вошелъ въ соглаше-[illegible] членами парламента относительно возраженій [illegible] эдикта. Сартинъ доказывалъ, что Тюрго обма-[illegible] англичанами, желающими погубить французскую промышленность. Верженъ не скрывалъ своей анти-[illegible] къ реформамъ Парижскій парламентъ въ своей [illegible]страціи сводилъ возраженія къ слѣдующимъ пун-[illegible]: 1) полицейскій порядокъ сдѣлается невозмож-[illegible], потомучто общая полиція слишкомъ слаба для того, [illegible] слѣдить за домашнею жизнью ремесленниковъ и [illegible] не можетъ замѣнить собою цеховую полицію. [illegible]ры изъ за права работы не исчезнутъ, потому

что многіе могутъ быть не занесены въ полицейскій списокъ, другіе будутъ занесены, но полиціи покажется, что они не занесены, и вотъ причина спора. 2) Производство пойдетъ хуже, потому, что не будетъ достаточнаго надзора за способами его, не будетъ достаточной подготовки мастеровъ и не будетъ возможности усовершенствованій и изобрѣтеній, ибо разъ они сдѣланы, имъ сейчасъ начнутъ подражать и такимъ образомъ изобрѣтатель будетъ лишенъ плодовъ своего изобрѣтенія. Мотивъ послѣднихъ, слѣдовательно, исчезаетъ. 3) Мастера совершенно будутъ задавлены конкурренціей своихъ бывшихъ работниковъ. 4) Они совершенно несправедливо лишатся своихъ капиталовъ, потраченныхъ на пріобрѣтеніе дипломовъ. 5) Бакалейщиковъ и вообще продавцевъ съѣстныхъ припасовъ нельзя не приравнивать къ аптекарямъ, потому что они также могутъ продавать яды или отравленные предметы. 6) Наконецъ, смѣшеніе разрядовъ, нынѣ существующихъ въ цехахъ, поведетъ къ крайнему безпорядку и анархіи [197]).

Всѣ усилія противниковъ Тюрго были пока напрасны. Людовикъ XVI былъ убѣжденъ въ правотѣ его воззрѣній и рѣшилъ послѣ вторичной демонстраціи парламента созвать на 12-е марта lit de justice. Особенно энергично протестовалъ противъ этого и поощрялъ сопротивленія эдиктамъ принцъ Конти. Но главнымъ адвокатомъ стараго порядка и оппонентомъ Тюрго во время королевскаго засѣданія былъ королевскій адвокатъ Антуанъ Сегье. Рѣчь его заключаетъ въ себѣ все, что только могли сказать въ защиту цеховъ приверженцы стараго порядка. Ораторъ приписываетъ происхожденіе цеховъ дѣятельности правительства, хотя и расходится съ авторомъ «Considerations» въ томъ, что, по его мнѣнію, правительство дѣйствовало не во имя интере-

совъ торговли и промышленности, а ради интересовъ государственнаго управленія. По мнѣнію оратора Людовикъ IX съ этою цѣлью устроилъ цехи, а потомъ, по тому же плану, устроены были и другія корпораціи и учрежденія. «Всѣ ваши подданные, Государь, говоритъ ораторъ далѣе, раздѣлены на столько отдѣльныхъ сословій, сколько существуетъ различныхъ состояній въ королевствѣ.

Духовенство, дворянство, высшія и низшія судилища, чиновники при нихъ состоящіе, университеты, академіи, компаніи финансистовъ (банкировъ les compagnies de finances), компаніи купцовъ, — все это и во всѣхъ частяхъ государства представляетъ отдѣльныя корпораціи, которыя можно разсматривать, какъ звѣнья одной большой цѣпи, первое кольцо которой находится въ рукахъ Вашего Величества, какъ главы и главнаго распорядителя всего того, что составляетъ національное тѣло.

Ужасна сама мысль разрушить эту драгоцѣнную цѣпь. Цехи составляютъ часть этого нераздѣльнаго цѣлаго, часть, которая служитъ общему благоустройству королевства. Они стали необходимы и законъ устроилъ ихъ, учредилъ присяжныхъ (jurandes), досмотрщиковъ, учредилъ регламенты, такъ какъ независимость есть зло государственнаго устройства, ибо человѣкъ всегда стремится злоупотреблять свободою. Законъ одинаково стоитъ на стражѣ интересовъ того, кто продаетъ, какъ и того, кто покупаетъ Онъ поддерживаетъ взаимное довѣріе между тѣми и другими; тутъ, такъ сказать, подъ клеймомъ общественнаго довѣрія, купецъ выставляетъ свой товаръ на глаза покупателей и покупатель совсѣмъ безбоязненно беретъ его изъ рукъ продавца».

Съ уничтоженіемъ цеховъ рушится эта связь, каждый ремесленникъ будетъ преслѣдовать только свои

выгоды и обманъ дойдетъ до того, что не станетъ ни мѣръ, ни вѣсовъ.

«Цѣль, которую представили Вашему Величеству, заключается въ расширеніи и увеличеніи торговли посредствомъ освобожденія ея отъ стѣсненій и препятствій, введенныхъ, говорятъ, регламентами. Мы осмѣливаемся представить Вашему Величеству предпололоженіе діаметрально противоположное: именно эти стѣсненія, эти препятствія, эти запрещенія производятъ славу, прочность и громадность французской промышленности». Доказательство этого заключается въ цвѣтущемъ состояніи нашей промышленности, въ ея превосходствѣ надъ иностранною.

Безграничная свобода скоро уничтожитъ эту степень совершенства, которая одна есть причина преимущества пріобрѣтеннаго нами надъ иностранцами. Эта толпа мастеровыхъ и рабочихъ, которая переполнитъ нашъ рынокъ, не только не увеличитъ нашихъ богатствъ, но весьма вѣроятно, уменьшитъ дань, идущую къ намъ съ обоихъ полушарій. Иностранцы, обманутые ихъ коммисіонерами, которые свою очередь обмануты производителями, при пріобрѣтеніи товаровъ въ столицѣ, не будутъ находить болѣе тѣхъ достоинствъ, которыя заставляли ихъ гоняться за нашими товарами. Что за удовольствіе имъ будетъ перевозить къ себѣ съ большимъ рискомъ и издержками предметы, похожіе на тѣ, которые есть у нихъ дома».

Нынѣшніе мастера прекратятъ свои промыслы, подавляемые конкурренціей новыхъ, да и послѣдніе не въ состояніи будутъ вести дѣло по причинѣ слишкомъ малой прибыли.

Возвѣстивъ гибель французской промышленности, ораторъ переходитъ далѣе къ пророчеству паденія и земледѣлія отъ уничтоженія цеховъ.

«Не все сдѣлано, говоритъ ораторъ далѣе, если представлена Вашему Величеству, какъ неизбѣжное

тираническія, противные гуманности и доброй нравственности. Между тѣмъ, государь, большинство ихъ утверждено королевскими указами Вашихъ августѣйшихъ предшественниковъ; они выработаны тѣми, кто имъ добровольно подчинился, они плодъ опытности; въ одно и тоже время оплотъ противъ мошенничества, какъ и противъ недостатка доброй воли. Искусство и ремесла сами существуютъ только благодаря спасительнымъ предостереженіямъ, введеннымъ этими регламентами; наконецъ, это Ваши предки, государь, понудили различныя сословія соединиться въ цехи, эти учрежденія созданы были не по просьбѣ купцовъ и ремесленниковъ, а по просьбѣ жителей городовъ, которые были обогащены промышленностью. Генрихъ IV, этотъ король, который останется на вѣки утѣхою французовъ, этотъ король, который только и занятъ былъ счастьемъ своего народа, этотъ король, котораго Ваше Величество сдѣлали своимъ образцомъ; да, государь, этотъ идолъ Франціи, по заявленію принцевъ крови, государственныхъ совѣтниковъ, самыхъ почетныхъ лицъ и важнѣйшихъ чиновниковъ, собранныхъ въ Руанѣ для блага королевства, приказалъ, чтобы каждое сословіе (т. е. родъ промышленниковъ) было бы отдѣлено, классифицировано выборными присяжными общины и подчинено было регламентамъ. особымъ для каждаго отдѣльнаго ремесла. Генрихъ IV остановился на такомъ общемъ законѣ не такъ. какъ его предшественник, искавшіе лишь временной выгоды отъ созданія такихъ учрежденій, а чтобы предупредить слѣдствія невѣжества и неспособности, прекратить безпорядки, обезпечить поступленіе налоговъ, которыми можно было бы воспользоваться, смотря по обстоятельствамъ. Отсюда слѣдуетъ, что общественная польза побуждала къ учрежденію цеховъ. что сама нація ходатайствовала объ этихъ

[illegible] въ искренность оратора. Убѣдиться силою [illegible] этомъ нельзя. Противорѣчія и софизмы на [illegible] шагу. Въ одномъ мѣстѣ утверждается что [illegible] не покупаютъ товары во Франціи, потому [illegible]тели не искусны, а далѣе говорится, что [illegible]ники (работающіе плохо?) идутъ на лучшую [illegible] плату заграницу. Съ одной стороны въ [illegible] массы рабочаго люда безъ работы, туда же [illegible] деревень, а въ деревняхъ нѣтъ рабочихъ. [illegible] народъ не возвращается въ деревни вслѣд- [illegible]нившаго стремленія къ легкой работѣ, ко- [illegible] нѣтъ. Цѣна на земледѣльческіе продук- [illegible] что считается условіемъ паденія сельскаго

[illegible] мѣстѣ ораторъ отрицаетъ возможность [illegible]номъ мастера, такъ какъ это было бы [illegible] права собственности, а нѣсколькими стро- [illegible] самъ, хотя и съ ограниченіемъ, до- [illegible] уничтоженіе. Прослушавъ такую аргу- [illegible]аешься только въ безнадежности того [illegible] нельзя сказать ничего лучшаго. Сегье [illegible] изъ талантливыхъ адвокатовъ парла-

[illegible] доходишь до конца его рѣчи, прочтешь [illegible]ю защиту королевскаго достоинства и въ [illegible] инсинуацію противъ автора закона, ува- [illegible] оратору рушится, неблаговидность пріема [illegible] вѣру въ его искренность.

[illegible] смотря на все, не смотря на предвѣщанія ги- [illegible] промышленности и земледѣлія, опасности для всего [illegible]ства, не смотря на пламенную защиту попи- [illegible] справедливости и нарушаемаго права собствен- [illegible] эдиктъ былъ регистрованъ и цехи присуждены [illegible]тью. Извѣстіе объ этомъ произвело сильное

впечатлѣніе въ Парижѣ. Мастера, конечно, не могли быть довольны. О ихъ чувствованіяхъ можно судить по рѣчи Сегье. Ихъ чувства были одинаковы съ чувствами всѣхъ привиллегированныхъ, въ виду опасности, грозившей существованію ихъ привиллегій. Но за то масса рабочаго населенія пришла въ восторгъ при вступленіи въ законную силу эдикта о цехахъ. Разсказываютъ, что какъ только пришло изъ Версали радостное извѣстіе, чрезвычайный восторгъ охватилъ парижанъ. Подмастерья толпами бросали мастерскія своихъ хозяевъ. Многіе, какъ угорѣлые, бѣгали по улицамъ, разглашая общую радость, другіе катались съ тріумфомъ въ каретахъ съ крикомъ vive Turgot; между тѣмъ иные, собравшись по ресторанамъ и увеселительнымъ заведеніямъ, веселымъ пиромъ прославляли совершившуюся эмансипацію и шумно провозглашали столь дорогое и пріятное для всѣхъ слово «la liberté» [199]).

Назначеніе Тюрго министромъ не произвело, за исключеніемъ Лиможа, ни малѣйшаго впечатлѣнія на массу. Личность его была извѣстна небольшому числу лицъ; теперь онъ сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ массѣ парижскаго населенія. Но именно то, что дѣлало его популярнымъ, что заставляло народъ любить его, можетъ быть, въ первый разъ относиться сочувственно къ министру, — это самое дѣлало его положеніе непрочнымъ, а съ нимъ и самое его дѣло.

Съ отставкою Тюрго не только остановились реформы; съ нею начинается реакція сдѣланному. Вѣдь онъ самъ палъ подъ ударами реакціонеровъ. Новый министръ финансовъ Клюньи (Clugny) былъ орудіемъ реакціи. Это было ничтожество, напоминавшее времена куртизановъ Людовика XV. Человѣкъ безнравственный, безъ всякихъ принциповъ, онъ превратилъ домъ

[illegible] въ увеселительное мѣсто; рас-[illegible] оплачивались государственной [illegible]

[illegible] поставилъ его въ прямую отъ [illegible] предоставивъ себѣ должность глав-[illegible] финансоваго совѣта («Chef du con-[illegible]. Преемникомъ Мальзерба назначенъ [illegible]) Амело, сынъ друга Морена. Про [illegible] говорилъ: «on ne m'accusera pas [illegible] la pour son esprit».

[illegible] министру финансовъ дали ясно понять, че-[illegible] хотѣли. Во время принесенія имъ прися-[illegible] членъ послѣдняго Николаи (Nicolaï) [illegible] выставилъ ему, какъ примѣръ, тѣхъ [illegible] которые не имѣли иного честолюбія, какъ [illegible] дѣлали добро безъ блеска, не стара-[illegible] новыми идеями и не наводя ужаса (alarme) [illegible] экспериментами [201]).

[illegible] хорошо понялъ, что отъ него хотѣли и [illegible] мѣсяцѣ того же 76 года изготовилъ [illegible] становленіи цеховъ. Король тою же ру-[illegible] этотъ эдиктъ, которою пять мѣсяцевъ [illegible] подписывалъ проэктъ Тюрго. Благо для [illegible] предлогъ: во время засѣданія 12 марта [illegible] что конечно измѣнитъ свои распоря-[illegible] опытъ укажетъ ихъ неудовлетворитель-[illegible] Парламентъ, понятно, безъ слова регист-[illegible] новый эдиктъ.

[illegible] закон ничѣмъ не мотивированъ. Мо-[illegible] только его появленіе, такъ какъ оно не [illegible] удивить публику.

[illegible] эти выражены глухо. Ссылаются на какія [illegible] постановленія парламента и, какъ кажется, мемуа-

ры частныхъ лицъ. Въ чемъ заключалась сущность этихъ представленій и мемуаровъ, въ чемъ сказались гибельныя послѣдствія уничтоженія цеховъ, указанныя ими,—мы не знаемъ. Въ введеніи къ эдикту только излагается его содержаніе. Нечего приводить многихъ доказательствъ, что этимъ эдиктомъ исполнялись желанія Сегье. Портные и лоскутники соединены были въ одну корпорацію [202]), невинное занятіе цвѣточницъ [203]) оставляется свободнымъ, самыя вопіющія злоупотребленія уничтожаются. О реакціонномъ характерѣ этого эдикта нечего говорить много. Хотя онъ и не возстановляетъ цеховъ въ ихъ прежнемъ видѣ, но принципъ, что ремесло есть привиллегія, возстановляется. Въ IX § хотя и объявляется, что каждый можетъ заняться нѣсколькими ремеслами, но далѣе объясняется, что для этого требуется: во 1) разрѣшеніе полиціи, 2) пріобрѣтеніе степени мастера по каждому изъ избираемыхъ ремеселъ и 3) уплата установленной пошлины въ каждую изъ корпорацій, къ которымъ относятся избираемыя ремесла. Пошлина эта была довольно велика, для corps отъ 600 до 1000 *L.*, а для communauté отъ 200 до 800 *L.* Подобно прежнимъ мѣрамъ правительства относительно цеховъ, настоящій эдиктъ соединяетъ стремленіе ослабить монопольный характеръ цеховъ съ стремленіемъ сдѣлать право на поступленіе въ цехъ источникомъ государственнаго дохода.

Этимъ объясняется § XXVII настоящаго эдикта, присваивающій казнѣ $^3/_4$ доходовъ съ пріемныхъ пошлинъ.

По параграфу XI подмастерья ставятся въ довольно значительную зависимость отъ мастера: безъ свидѣтельства послѣдняго объ увольненіи (сообразно Letrres patentes 2 января 1749 года), они не могли быть принимаемы на службу другими мастерами. Это

свидѣтельство могло быть неодобрительнымъ по капризу мастера. Сроки ученія и пребыванія въ званіи подмастерья возстановляются въ § XXXIX, который обѣщаетъ подробное опредѣленіе ихъ особыми регламентами. Таковъ въ главныхъ чертахъ эдиктъ, возстановляющей цехи, всюду, за исключеніемъ шести городовъ съ ихъ округами: Бордо, Тулузы, Экса (Aix). Безансона, Ренна и Дижона, гдѣ старые цехи противостояли Тюрго, благодаря защитѣ парламентовъ, во всѣхъ другихъ городахъ Франціи введены были цехи новаго образца. Оставлены были въ покоѣ только деревни.

Каково-же было ближайшее слѣдствіе августовскаго закона для французскихъ промышленниковъ и каково его впечатлѣніе на публику?

Его благія начинанія уничтожить злоупотребленія уже потому не могли осуществиться, что сами цехи были однимъ громаднымъ злоупотребленіемъ. Соединеніе нѣсколькихъ ремеслъ оставалось фиктивнымъ, споры между цехами возникли вновь, и даже съ большей силою, ибо полное разграниченіе достигнуто не было. Если трудно было разграничить права портныхъ и старьевщиковъ, то несравненно было труднѣе положить границу между такъ называемыми старьевщиками кочующими и осѣдлыми. Послѣдніе были присоединены къ портнымъ, а первые остались отдѣльною корпораціею. Отсюда возникновеніе новыхъ процессовъ. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ понадобилось новое опредѣленіе правъ тѣхъ и другихъ. Положеніе подмастерій не улучшалось; они естественно были недовольны возвращеніемъ къ прежнему положенію гораздо болѣе, чѣмъ были недовольны имъ до его уничтоженія.

Новыя отношенія ихъ къ мастерамъ стали неопредѣленны и принудительны. Ремесленникъ не зналъ,

какъ смотрѣть на государство, какъ на своего покровителя, или притѣснителя. Это состояніе безпокойства и анархіи, въ которое поставили однимъ ударомъ весь низшій слой городскаго населенія, имѣло важныя послѣдствія съ тѣхъ поръ, какъ народъ сталъ выходить на политическое поприще [204]).

Сами мастера были недовольны возстановленіемъ цеховъ. Ихъ заставляли теперь съизнова платить за тѣ дипломы, значеніе которыхъ такъ недавно было уничтожено и которое теперь возстановлялось снова. Вслѣдствіе этого, они съ крайнею неохотою платили новые налоги, такъ что нужно было издавать эдиктъ за эдиктомъ, чтобы побуждать дѣлать эти взносы. Въ цехахъ образовалась цѣлая фракція людей, не заплатившихъ установленныхъ взносовъ, которые извѣстны были подъ именемъ agregés и не участвовали ни въ собраніяхъ, ни въ торжествахъ цеха [205]). Нечего говорить, что либеральная партія была въ конецъ разочарована августовскимъ эдиктомъ.

Эдикту Тюрго о цехахъ придавали такое значеніе, что даже разсказывали, будто въ Англіи онъ, также какъ и другіе февральскіе эдикты, былъ переведенъ на англійскій языкъ и что въ большихъ городахъ устроены были банкеты, на которыхъ провозглашались тосты въ честь Людовика XVI и его министра [207]).

Кондорсе думалъ, что до августовскаго эдикта можно было разсчитывать только на нѣкоторую временную задержку прогресса, что дальнѣйшее развитіе просвѣщенія все таки приведетъ къ желаннымъ результатамъ, хотя, конечно, нѣсколько медленнѣе. Но при видѣ возвратившихся прежнихъ народныхъ тягостей остается только безнадежно горевать [207]). Обсуждая значеніе реформы Тюрго вмѣстѣ съ послѣдовавшею за нею реакціею, прежде всего слѣдуетъ имѣть

въ виду, что она касалась существенныхъ интересовъ городскаго сословія; кто не знаетъ того живаго участія, какое принимало городское сословіе во французской революціи, кто не помнитъ ту поддержку, которую оно оказало національному собранію въ первые моменты его жизни, лѣтомъ и осенью 89 г.

То или другое отношеніе къ государству этой массы имѣло весьма важное значеніе для силы послѣдняго. Поэтому то цеховая реформа имѣла, какъ мы сказали, важное политическое значеніе.

Но реформа не удалась. Она просуществовала только нѣсколько мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ, хотя немногихъ, частяхъ Франціи она проведена не была. Поэтому то устраненіе недовольства городскаго населенія, о которомъ говорилось выше, практически не состоялось. Все это безспорно вѣрно. Но обратимъ вниманіе на другую сторону вопроса.

Осуществленіе реформъ хотя на нѣсколько дней ipso facto доказывало массѣ городскаго населенія возможность устраненія стараго порядка. Разъ цехи были отмѣнены, они теряли характеръ неприкосновеннаго учрежденія. Все то въ промышленномъ классѣ, что радовалось ихъ отмѣнѣ, вдвое болѣе стало недовольно ими послѣ ихъ возстановленія, вдвое энергичнѣе стало желать ихъ отмѣны. То, что возможно, желается сильнѣе. Такимъ образомъ выходитъ, что городское населеніе реформою и послѣдовавшей за нею реакціей сдѣлано было, такъ сказать, болѣе способнымъ къ революціи. Другая сторона дѣла имѣетъ не меньшее значеніе: вопросъ о цехахъ былъ вопросомъ принципіальнымъ. Въ немъ заинтересована была лучшая часть интеллигенціи, т. е. общественная сила. Эта часть была довольно значительна. Къ ней принадлежали не одни физіократы. Вольтеръ къ послѣднимъ не принадлежалъ, но онъ энергично высказался въ пользу

гая опасности существованія всего зданія. Поэтому то практическое осуществленіе уничтоженія цеховъ (предположимъ, что оно состоялось) облегчало уничтоженіе другихъ привиллегій, а въ послѣднемъ вѣдь и состояла существенная часть дѣла революціи. Особенную важность пріобрѣтаетъ эта сторона вопроса потому, что въ самой дѣятельности Тюрго промышленная реформа была не первою, не стояла изолировано и что съ нею рядомъ шла другая, которая въ глазахъ современниковъ и съ точки зрѣнія научной занимаетъ не менѣе важное мѣсто. Я говорю объ уничтоженіи натуральныхъ повинностей.

выхъ. Они всѣ считали даровою постройку дорогъ посредствомъ натуральной повинности. Генеральные контролеры утверждали распоряженія интендантовъ: «Но она (дорожная натуральная повинность) дѣйствительно была учреждена лишь въ 1737 году, когда генералъ-контролеръ Орри разослалъ на этотъ счетъ инструкцію къ интендантамъ» [209]).

Въ Remontrances Парижскаго парламента противъ эдикта Тюрго говорится, что corvée введена въ 1726 году [210]). Наконецъ въ позднѣйшей брошюркѣ, озаглавленной «Memoire sur les corvées» [211]) обстоятельства введенія corvée разсказываются сходственно съ изложеніемъ Тюрго. Дорожная повинность, по мнѣнію автора брошюры, впервые введена была во времена регентства, въ Лотарингіи, во время Леопольда I герцога Лотарингскаго (1697 — 1729 г.), потомъ въ Эльзасѣ, затѣмъ въ Шампани и мало по малу въ другихъ областяхъ. Въ виду этого авторъ основательно замѣчаетъ, что уничтоженіе дорожной повинности не представляетъ затрудненій, съ формальной стороны, ибо существованіе ея не основывалось на положительномъ законѣ.

Изъ всѣхъ приводимыхъ свидѣтельствъ оказывается, что дорожная повинность была введена постепенно и не на основаніи закона, а на основаніи простой министерской инструкціи. Въ этомъ нѣтъ разнорѣчія въ показаніяхъ [212]). Что касается времени частнаго введенія дорожной повинности, то можно принять показаніе Де-ла-Галезьера, а относительно общаго введенія и признанія ея центральною властью, — показаніе Тюрго, какъ болѣе точное.

И такъ, дорожная повинность введена была въ 1737 году и просуществовала 39 лѣтъ, какъ уже явилась попытка къ ея общему уничтоженію. И не да

лась раньше. пока не соберутся всѣ въ отрядъ. «Какъ же можно начинать работу не вмѣстѣ». На этомъ основаніи ждутъ послѣдняго опоздавшаго. Достаточно, чтобы кто либо проѣхалъ и прошелъ, чтобы работа пріостановилась и работающіе начали глазѣть по сторонамъ. Находясь въ нѣсколькихъ лье отъ деревни, эти подневольные работники ѣли плохо; негдѣ было сготовить хорошую пищу; къ тому же это были бѣдняки. Они терпѣли всѣ дурныя вліянія непогоды. Рабочій скотъ оставался голоднымъ, ибо пастбищъ не было, а купить сѣна не на что. Оттого на барщинѣ погибало скота довольно. Всѣ эти тягости, притѣсненія и убытки приводили въ результатѣ къ постройкѣ участка плохой дороги. Во что обходилась эта работа?

Всѣ предъидущія свѣдѣнія мы нашли у Мирабо въ цитированной выше брошюрѣ. Тоже самое можно встрѣтить у другихъ современниковъ. Въ этой же брошюрѣ есть расчетъ стоимости барщиннаго труда. Обыкновенно въ Généralité, состоящемъ изъ 900 общинъ, по 500 душъ въ каждой, участвуетъ, говоритъ авторъ этой брошюры, въ отбываніи дорожной повинности $^{1}/_{10}$ часть жителей половины общинъ, т. е. 22.500 человѣкъ. Половина этого числа употребляется на поправку дорогъ, каковая работа продолжается 6 дней, а другая половина, на постройку новыхъ дорогъ, для чего положимъ 12 дней (авторъ беретъ меньшую норму продолжительности работъ. Оцѣнивъ тѣ и другіе рабочіе дни по 10 су каждый, получимъ сумму 101250 *L* (у автора поставлена круглая цифра въ 101000 *L*): рабочаго скота потребуется при этомъ не меньшей мѣрѣ 6750 паръ. Считая, какъ и въ предъидущемъ, что половина будетъ работать 6 дней, а другая 12 дней, получимъ 60750 дней рабочихъ для скота. Оцѣнивая ихъ по 40 су. получимъ сумму въ 121500 *L*. Складывая стоимость рабочихъ дней лю-

ему вопіющею несправедливостью. Ставъ министромъ, онъ еще въ концѣ 74 года обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ и въ особомъ мемуарѣ королю изобразилъ тяжесть для народа дорожной повинности. Доброе сердце Людовика XVI было тронуто картиною народныхъ бѣдствій и онъ въ принципѣ согласился на уничтоженіе этой тяжелой повинности. Слухъ объ этомъ распространился даже въ провинціи. Наконецъ, черезъ годъ эдиктъ былъ готовъ и представленъ королю въ 1776 году. Разрабатывая свой эдиктъ, Тюрго совѣтовался съ своими друзьями, а также, какъ видно изъ его же мемуара, съ нѣкоторыми членами парламента. Нѣкоторыя изъ замѣчаній онъ принялъ къ свѣдѣнію при составленіи проэкта эдикта [215]). Мемуаръ написанный для короля долженъ былъ дать ему руководство къ вѣрному пониманію проэкта.

Тюрго старается убѣдить короля въ необходимости установленія денежнаго сбора съ собственниковъ и во вторыхъ разсѣять нѣкоторыя опасенія на счетъ правильности употребленія новаго налога. Доказывая первое положеніе, онъ выставляетъ аргументъ, что пользуются дорогами почти только одни собственники, а потому справедливость требуетъ, чтобы налогъ взимался съ нихъ. Если противъ этого будутъ возставать, то главнымъ образомъ вслѣдствіе предразсудка, которымъ одержимы привиллегированные относительно платежа налоговъ. Нежеланіе платить налогъ будетъ главнымъ мотивомъ большинства возраженій и не мудрено: тѣ, кто будетъ обсуждать эдиктъ, всѣ привиллегированные, и мало между ними такихъ, которыхъ общественные интересы увлекаютъ больше личныхъ.

Обращаясь ко второму вопросу, Тюрго старается разъяснить, что опасенія на счетъ правильности употребленія налога неосновательны; но все таки пред-

длинное. Въ немъ заключается подробная мотивировка предполагаемыхъ мѣропріятій.

Сначала авторъ описываетъ тяжесть дорожной повинности. Принудительность труда, потеря дорогаго времени, отнимаемаго безъ вознагражденія отъ земледѣльческихъ занятій, потеря животныхъ, погибающихъ отъ непосильной работы, болѣзни между людьми, происходящія отъ отсутствія даже крова, такъ какъ работы идутъ на три или болѣе лье отъ дому, штрафы, всевозможныя наказанія, наконецъ тѣ тайныя притѣсненія, за которыми правительству нельзя усмотрѣть при всемъ его желаніи, — все это тяжелымъ бременемъ ложится на народъ при отбываніи дорожной повинности.

«Брать насильно время у земледѣльца, даже вознаграждая его за него, значитъ уже брать съ него налогъ; брать же это время безвозмездно, значитъ взять двойной налогъ. Этотъ налогъ становится уже совершенно несоразмѣрнымъ, когда онъ ложится на простаго поденщика, имѣющаго только свой трудъ и и свои руки для существованія. Пользы отъ такого налога мало. Работа изъ подъ палки медленна и небрежна; рабочіе, согнанные случайно, не подготовлены къ работѣ; невозможность собирать ихъ во всякое время и надолго заставляетъ оставлять довольно долго дороги безъ починки.

Указывая затѣмъ выгоды замѣны этой повинности денежнымъ сборомъ, авторъ, между прочимъ, указываетъ, что правительству не нужно будетъ наказывать за преступленія, вызываемыя дорожной повинностью, и можно будетъ экономизировать употребленіе власти (autorité), расточать которую такъ вредно (et d'economiser l'usage de l'autorité, qu'il est si facheux d'avoir à prodiguer). «Но самый сильный мотивъ (замѣны), это несправедливость, присущая дорожной повинности.

которые имѣли формальное основаніе считать себя компетентными въ дѣлѣ управленія. Именно такія замѣчанія сдѣланы были хранителемъ печатей Мироменилемъ [217]).

Чтобы предупредить подобныя возраженія, предисловіе эдикта разбираетъ мотивы введенія дорожной повинности. Думали, что дороги могутъ быть вновь построены быстрѣе посредствомъ дорожной повинности. Въ этомъ ошиблись. Нельзя брать слишкомъ много народу на долгій срокъ для отбыванія повинности. Во вторыхъ мосты и другія сооруженія, требующія спеціалистовъ и денежныхъ расходовъ, не могли-бы поспѣвать за строющимися дорогами, если-бы послѣднія и могли сооружаться быстро. Боялись, что новый налогъ будетъ слишкомъ тяжелъ при массѣ другихъ, а потому нашли болѣе удобнымъ брать даровой трудъ въ сравнительно свободное время. При этомъ забыли, что, вводя натуральную повинность, налагаютъ двойную тяжесть, и затѣмъ, что никогда не слѣдуетъ требовать у тѣхъ, у кого ничего нѣтъ, кромѣ собственныхъ рукъ, ни денегъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, —ни рукъ, которыя составляютъ единственный источникъ существованія ихъ самихъ и ихъ семействъ».

На основаніи всѣхъ указанныхъ мотивовъ, эдиктъ главнѣйшими параграфами повелѣваетъ:

I. Болѣе не будетъ требоваться отъ нашихъ подданныхъ никакого дароваго и принудительнаго труда подъ именемъ corvée или подъ какимъ либо другимъ наименованіемъ, будь-то для постройки дорогъ или какихъ либо другихъ общественныхъ работъ». (Слѣдуетъ исключеніе военнаго времени, при чемъ все таки будетъ вознагражденіе за трудъ).

II. Впредь постройка дорогъ будетъ производиться на счетъ особаго сбора, которому будутъ подлежать всѣ собственники, платящіе vingtièmes. Королевскіе

taillables et corveables à volonté tandis que les nobles au contraire naissent exempts de toute imposition).

Представителемъ и защитникомъ такихъ устарѣлыхъ понятій въ королевскомъ совѣтѣ явился хранитель печатей Мироменилъ, котораго въ тайнѣ поддерживалъ и Морепа. Вѣроятно по совѣту послѣдняго проэктъ эдикта объ уничтоженіи дорожной повинности переданъ на просмотръ перваго.

Думается такъ во первыхъ потому, что Морепа былъ менторомъ Людовика XVI, во вторыхъ потому, что ни прежде, ни въ это время проэкты Тюрго не отдавались никому на просмотръ. Мироменилъ сдѣлалъ цѣлый рядъ замѣчаній, изъ которыхъ очень мало серьезныхъ, а еще менѣе вѣрныхъ. Между ними встрѣчаются и такія, которыя, повидимому, направлены на возбужденіе въ королѣ сомнѣній въ достовѣрности фактической стороны проэкта. Таковы всѣ замѣчанія, въ которыхъ высказывается вопросъ: неужели Орри и Трюденъ не замѣтили бы бѣдствій соединенныхъ съ дорожною повинностью. Вообще надо сказать, что въ замѣчаніяхъ Мироменила сказывается человѣкъ, гораздо болѣе враждебно настроенный, чѣмъ образованный и талантливый.

Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ замѣчаній хранитель печатей высказываетъ мысль, что дороги доставляютъ выгоду не однимъ землевладѣльцамъ и собственникамъ вообще, а также и другимъ классамъ, между прочимъ и крестьянамъ, которымъ легче ходить по хорошей дорогѣ. Между тѣмъ собственники несутъ довольно значительную часть податей, тогда какъ «люди, не имѣющіе ничего, кромѣ рукъ, почти не платятъ налоговъ». Злоупотребленія, происходящія при отбываніи повинности, могутъ быть смягчены хорошими чиновниками. Первое изъ указанныхъ примѣчаній безспорно вѣрно; но не убѣдительно для Тюрго. Такъ какъ по понятіямъ

но, наконецъ онъ указываетъ, что введеніе налога лишитъ ateliers de charité части ихъ средствъ. Авторъ думалъ, видно. задѣть благотворительную струну Людовика XVI. На первый вопросъ Тюрго отвѣчалъ утвердительно. Второе замѣчаніе его видимо разсердило и вызвало на саркастическій отвѣтъ: «Неудобства никакого нѣтъ въ томъ, говоритъ онъ, что нельзя сдѣлать невозможное. Если нѣтъ волшебнаго жезла, то все сдѣлается со временемъ. Господинъ хранитель печатей вѣроятно думалъ, будто я ставлю въ упрекъ системѣ натуральной повинности то, что при ней не могли выстроить всѣхъ дорогъ сразу. Между тѣмъ, все то, что я сказалъ, никакъ не можетъ быть такъ истолковано».

На третье замѣчаніе Тюрго отвѣчалъ, что «пожертвованія дворянъ на ateliers de charité такъ ничтожны, что въ предстоящей потерѣ можно утѣшиться. Къ этому я прибавлю, что большинство жертвователей состоитъ изъ людей, стоящихъ выше тѣхъ интересовъ, которые побудятъ нѣкоторыхъ господъ изъ дворянъ возставать противъ налога, замѣняющаго дорожную повинность»,

Въ слѣдующей группѣ замѣчаній, авторъ переходитъ по обсужденію новаго налога съ политической точки зрѣнія. Тутъ защищается принципъ привиллегіи, какъ основа государственнаго устройства Франціи. Говоря, что необходимо уважать привиллегіи, хранитель печатей заявляетъ свой либерализмъ тѣмъ, что онъ не говоритъ «о. тѣхъ (привиллегіяхъ), которыя связаны съ извѣстными должностями и на которыя онъ охотно смотритъ, какъ на злоупотребленія, пріобрѣтенныя за деньги. а не какъ на дѣйствительныя привиллегіи; но я не могу, говоритъ онъ далѣе, «не высказать, что во Франціи привиллегія дворянства должна быть уважаема и, я думаю, въ интересахъ

налоги не могутъ быть тронуты, благодаря существованію привиллегіи. Это замѣчаніе Тюрго было вполнѣ оправдано послѣдующею исторіею. Сохраненіе привиллегій во что бы то ни стало привело Францію къ банкротству, къ революціи.

Далѣе Тюрго дѣлаетъ историческій очеркъ привиллегій дворянства и доказываетъ, какъ они потеряли свое разумное основаніе уже со времени введенія въ войско элементовъ изъ третьяго сословія, а затѣмъ разъясняетъ свою политику въ дѣлѣ реформъ, заявляя, что «лучше работать медленно, по мѣрѣ того какъ общественное мнѣніе и ходъ событій дѣлаютъ измѣненія возможными». Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Дэра и Фонсена, которые считаютъ это замѣчаніе Тюрго лучшимъ отвѣтомъ на обвиненіе въ томъ, что онъ не имѣлъ политическаго смысла. Намъ кажется даже, что приложеніе этого превила, которое дѣлаетъ Тюрго, грѣшитъ умѣренностью. Онъ соглашается оставить неприкосновенною привиллегію дворянства относительно Taille. Принимая въ расчетъ, что эта подать была важнѣйшимъ прямымъ налогомъ, едва ли было разумно оставлять изъятымъ отъ нея громадныя имущества дворянства и духовенства.

Безпокойство Миромениля за воинственность французской націи, а затѣмъ и за ея независимость не оставлено безъ успокоительнаго отвѣта. «Націи, у которыхъ дворянство платитъ подати, не менѣе воинственны, чѣмъ наша. Въ нашей націи крестьяне не трусы, а въ провинціяхъ, гдѣ существуетъ taille réelle, въ Лангедокѣ. Дофине, Провансѣ и Гіени, хотя дворяне и платятъ taille, они не менѣе храбры, не менѣе привязаны къ королю и не менѣе высоко стоятъ надъ крестьянствомъ различными почетными отличіями. Наконецъ, послѣдній резонъ Миромениля, именно, что привиллегіи духовенства должны быть

ніями, и не въ одномъ вопросѣ о дорожномъ налогѣ. Увы, его на это не хватало. У него не было своихъ, опредѣленныхъ взглядовъ. Его доброе сердце склонило его въ данномъ вопросѣ на сторону Тюрго, подсказало ему фразу... «Я вижу, что только я и господинъ Тюрго любимъ народъ»; но далѣе оно его вести не могло. Убѣжденія у него не было; достаточно прочитать отвѣтъ Тюрго Миромениллю, чтобы видѣть какими элементарными аргументами нужно было убѣждать короля въ ложности воззрѣній послѣдняго. Плохо дѣятелю, когда его нужно убѣждать въ вѣрности пути, имъ избраннаго!

Вслѣдъ за замѣчаніями Мироменилля послѣдовали представленія парламента. Содержаніе ихъ было согласовано съ замѣчаніями Мироменилля. Они также доказываютъ, что дорожная повинность не представляетъ тягости для бѣдныхъ, что налогъ будетъ истиннымъ бременемъ для послѣднихъ. Они также высказываютъ опасеніе за правильное употребленіе налога.

Но главный аргументъ представленій парламента опирается на государственное право Франціи, которое гласитъ, что «духовные служатъ обществу, удовлетворяя его потребности въ образованіи и отправляя богослуженіе; благородный жертвуетъ своею кровью на защиту государства и помогаетъ своими совѣтами государю; послѣдній классъ націи, который не можетъ оказывать такихъ важныхъ услугъ, сосчитывается съ государствомъ податями, промышленностью и личною работою [220]).

Если благородныхъ заставляютъ платить налогъ, замѣняющій corvée, продолжаютъ доказывать члены парламента, значитъ признаютъ ихъ подлежащими натуральной повинности, а если такъ, то скоро призна-

справедливости взиманія налога со всѣхъ пользующихся дорогами и 3) о постройкѣ дорогъ при помощи войска.

Касаясь перваго вопроса, онъ говорилъ то-же, что говорится теперь довольно часто о дворянствѣ: «эта подать уничтожитъ дворянство, которое служитъ наиболѣе прочною опорою престолу, — а также и сословіе духовныхъ,—этихъ священныхъ служителей алтаря,—и смѣшаетъ ихъ съ остальнымъ народомъ; послѣдній можетъ жаловаться на дорожную повинность развѣ только потому, что каждый день долженъ ему приносить плодъ его труда для пропитанія его и дѣтей».

Разбирая второй вопросъ ораторъ разъясняетъ то-же, на что указывалъ и Мироменилъ, именно, что блага хорошихъ дорогъ достаются не однимъ землевладѣльцамъ, но и купцамъ и т. д., а потому ораторъ заключаетъ, что справедливо взимать налогъ со всѣхъ, по мѣрѣ пользованія каждымъ дорогами. Но такъ какъ взиманіе подобнаго налога сопровождалось бы слишкомъ большими издержками, то Сегье оставляетъ эту мысль въ сторонѣ и предлагаетъ королю употребить на постройку дорогъ войско, представляя, что трудъ солдатъ обойдется гораздо дешевле, чѣмъ трудъ наемныхъ. Повидимому, ораторъ предполагалъ вознаграждать трудъ солдатъ, хотя по меньшей таксѣ, чѣмъ вольнонаемный трудъ [221]).

Вотъ и вся рѣчь Сегье противъ эдикта о дорожной повинности. Она очень бѣдна содержаніемъ, фактовъ въ ней нѣтъ, или почти нѣтъ, аргументація очень слабая. Ораторъ даже настолько умѣренъ, что онъ прямо не отстаиваетъ существованія дорожной повинности. Сопоставляя эту рѣчь съ рѣчью его же о цехахъ

[illegible] согласились на регистрацію февральскаго эдикта[223]) [illegible] съ оговоркою. Допустимъ, что большее число, [illegible] одинъ согласилось на регистрацію, то и тогда по самому свойству дѣла практика не успѣла бы выяснить неудобствъ новаго порядка. Такой быстрый поворотъ къ старому, послѣ такихъ торжественныхъ заявленій февральскаго эдикта, наносилъ смертельную [illegible] королевскому авторитету. «Я уничтожаю дорожную повинность, какъ несправедливую», говорилъ онъ въ февралѣ, а въ августѣ все это забыто. Въ февралѣ на представленія парламента и его защитниковъ у него вырывается фраза: «Я вижу, что только я и Тюрго любимъ народъ», а въ августѣ вводится натуральная повинность во вниманіе къ представленіямъ парламента.

Становилось яснымъ, что король—марьонетка, которую двигаютъ закулисные актеры. Это формальная сторона дѣла. Фактическая сторона заключается въ томъ, что правительство, поворачивая назадъ въ дѣлѣ дорожной повинности, еще болѣе раздражало общественное мнѣніе, чѣмъ въ дѣлѣ цеховъ. Прежде всего вопросъ былъ принципіальный. Должны ли платить подать дворяне и духовенство, или они по рожденію отъ нихъ свободны? Этотъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ въ дѣлѣ дорожной повинности. Онъ же былъ центромъ тяжести публицистики XVIII вѣка. Не даромъ Вольтеръ просилъ, какъ доказательства прирожденныхъ правъ привиллегированныхъ, показать ему, что дворяне родятся со шпорами на пяткахъ, а крестьяне съ сѣдлами на спинахъ.

Во вторыхъ обременительность и невыгодность дорожной повинности были довольно обстоятельно выяснены. Повидимому, объ ней писали больше, чѣмъ о цехахъ. И замѣчательно, что гораздо больше стали писать и полемика стала оживленнѣе со времени по-

«Les inconvenients des droits feodaux». Въ февралѣ 76 года она стала общеизвѣстною, вслѣдствіе начатаго противъ нея процесса. Въ этомъ сочиненіи дорожная повинность трактуется какъ частность, такъ какъ авторъ ставитъ вопросъ гораздо шире. Авторъ сначала дѣлаетъ очеркъ происхожденія феодальныхъ правъ и затѣмъ переходитъ къ вопросу объ устраненіи ихъ. Три рода свободы нарушаются феодальными правами: 1) свобода личности, 2) пользованія землею и 3) свобода дѣйствія.

Послѣдній родъ свободы практикуется торговлею, о которой заботится министръ, управляющій нами; первый родъ свободы уже осуществленъ уничтоженіемъ личной зависимости; осуществленіе втораго рода свободы встрѣчаетъ затрудненіе въ принципѣ неотчуждаемости доменовъ. Но только законы природы незыблемы, принципъ же неотчуждаемости доменовъ созданъ обществомъ и можетъ быть измѣненъ, если того требуетъ общественная польза. Тогда только слѣдуетъ бояться сломать старое зданіе, когда нечѣмъ его замѣнить. Но вотъ вопросъ, какъ отчудить домены? Столѣтнею арендою съ опредѣленною платою? Эта мѣра не внушаетъ довѣрія [227]). Наиболѣе удобнымъ способомъ освобожденія какъ феодальной, такъ и доменіальной земли автору кажется выкупъ необязательный для теперешнихъ владѣльцевъ, но обязательный для ихъ преемниковъ по владѣнію. Выкупная сумма должна быть опредѣлена капитализаціей дохода по извѣстному проценту. Авторъ разсчитываетъ, что и сеньорамъ выкупъ окажется выгоднѣе настоящаго положенія, а вассалы всѣ пожелаютъ выкупиться. Ко всему этому авторъ представляетъ перечень экономическихъ невыгодъ, приносимыхъ феодальными правами производительности земли феодовъ. Брошюра написана очень умѣренно, и

все ея преступленіе заключается въ упомянутомъ требованіи выкупа феодальныхъ правъ.

Но книга явилась во время, чтобы надѣлать шуму и вызвать преслѣдованія. Уже парламентъ былъ раздраженъ полученнымъ для регистраціи эдиктомъ о дорожной повинности. Кромѣ того, 22 февраля вышло постановленіе государственнаго совѣта, запрещавшее сочиненія враждебныя февральскимъ эдиктамъ [228]). Поэтому 23 февраля въ собраніи принцевъ и перовъ много говорили объ этой книгѣ и порѣшили притянуть къ суду ея автора [229]). Начался процессъ, во время котораго особенно горячо дѣйствовалъ принцъ Конти. Онъ побуждалъ членовъ парламента хорошенько прижать книгопродавца и ругалъ послѣдняго публично мошенникомъ. Бонсервъ открыто призналъ себя авторомъ книги. Парламентъ постановилъ сжечь книгу, а автора ея арестовать.

Этотъ приговоръ не былъ исполненъ. Тюрго защитилъ своего друга, взявъ его подъ покровительство короля, а парламенту данъ былъ приказъ прекратить всякое преслѣдованіе. Благодаря этимъ преслѣдованіямъ, книга стала знаменита: «Она выдержала нѣсколько изданій и была переведена на всѣ языки» [230]). Защитникомъ феодальныхъ правъ въ упомянутомъ процессѣ былъ извѣстный Сегье. Эта защита не обошлась ему даромъ. Дѣло заинтересовало Вольтера и онъ вмѣшался въ него. Познакомившись съ содержаніемъ обвинительной рѣчи Сегье, онъ выпустилъ въ свѣтъ письмо, обращенное къ этому адвокату и подписанное «Преподобнымъ отцемъ Поликарпомъ». (Reverend Père Policarpe). Письмо заключаетъ въ себѣ поздравленіе съ успѣхомъ рѣчи и выраженія сочувствія.

«Я читалъ, милостивый государь, ваше краснорѣчивое слово противъ этой мерзкой и отвратительной

брошюры «о неудобствахъ феодальныхъ правъ»; я трепеталъ за одно изъ самыхъ священныхъ изъ нашихъ сеньоріальныхъ правъ, — особенно приличное монахамъ, за право имѣть рабовъ». Авторъ заявляетъ дальше, что онъ успокоился, прочитавъ рѣчь Сегье, успокоился и за другіе феодальные обычаи; которые нѣкоторыми называются глупыми и варварскими. «Вы не повѣрите, милостивый государь, сколько провинцій такъ думаютъ. Какой-то родъ неистовства, — пользуюсь Вашимъ выраженіемъ, — обуялъ эти безпокойные умы, которые увлекаются съ самымъ крайнимъ излишествомъ (excés) любовью къ свободѣ; послѣдняя побуждаетъ ихъ полагать счастье въ опрокидываніи всякихъ законовъ и всякихъ основъ. Безумные! Они думаютъ сдѣлать счастливыми жителей деревень, предлагая администраціи освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости»...

Далѣе, цитируя Сегье, онъ продолжаетъ: «Пора уже начать свирѣпствовать противъ этихъ смѣлыхъ авторовъ, подобныхъ вулканамъ, которые заявляютъ о себѣ сначала подземнымъ гуломъ и землетрясеніемъ и кончаютъ быстрымъ взрывомъ, покрывая все окружающее огненнымъ потокомъ лавы, камней и пепла, вырывающимися изъ очага, заключеннаго въ нѣдрахъ земли»... «Какое восхитительное мѣсто!» прибавляетъ Поликарпъ. Далѣе авторъ доказываетъ, что книга Бонсерва уже потому преступна и достойна сожженія рукой палача, что она устраняетъ процессы вассаловъ съ сеньорами.

«Весь міръ знаетъ», говоритъ Поликарпъ, «что эти процессы самые сложные, темные; но они доставляютъ судьямъ самые большіе доходы. Значительная часть споровъ вертится на феодальныхъ правахъ.

Уничтожьте эти права, вы уничтожите совершенно половину этихъ процессовъ... Предлагать уничтоженіе феодальныхъ правъ, значитъ нападать въ частности на права собственности господъ членовъ парламента, изъ которыхъ большая часть владѣетъ феодами. Эти господа, слѣдовательно, много заинтересованы въ томъ, чтобы покровительствовать, защищать и заставлять уважать феодальныя права. Это общее дѣло церкви, дворянства и судейскаго сословія. Эти три сословія, часто враждебныя другъ къ другу, должны соединиться противъ общаго врага. Церковь будетъ проклинать авторовъ, взявшихъ на себя защиту народа, парламентъ, отецъ народа, будетъ жечь на кострѣ и авторовъ, и ихъ сочиненія. Такими средствами эти писанія будутъ побѣдоносно опровергнуты».

Однимъ этимъ письмомъ Вольтеръ не удовольствовался. По поводу рѣчей Сегье въ lit de justice 12-го марта, онъ написалъ ему еще письмо отъ имени бенедектинскаго монаха изъ Франшъ-Конте. «Вы заслужили, милостивый государь, титулъ отца отечества, ратуя противъ эдиктовъ, которые уничтожаютъ дорожную повинность и открываютъ свободу промышленности», писалъ бенедиктинецъ.

«Вы заслуживаете еще титулъ отца монаховъ за то, что изобличили предъ вашей компаніей поносителей крѣпостничества (servitude). Вамъ одному дано было (свыше) доказать, что крестьяне французскіе не созданы для обладанія собственностью [231])».

Нападенія на господъ членовъ парламента шли и съ другой стороны. Чтобы вывести на судъ просвѣщенныхъ людей обскурантизмъ возраженій парламента противъ эдиктовъ Тюрго, эти возраженія были изданы въ томъ же году (1776) въ Голландіи, безъ всякихъ комментарій.

на нее вышла брошюра «Réponse au memoire sur le corvées» (Londres 1785), требовавшая введенія шоссейнаго сбора вмѣсто подати. На эту брошюру отвѣчали новою «Lettre d'un proprietaire à l'auteur de la reponse au memoire sur les corvées, 1786), въ которой настаивали на необходимости введенія подати. Достойно вниманія то обстоятельство, что въ этомъ спорѣ не встрѣчаются защитники натуральной повинности. Невозможность дальнѣйшаго существованія ея стала очевидною [238]).

Уничтожая натуральную повинность, Тюрго дѣйствовалъ во имя народной потребности, которой ни одинъ просвѣщенный человѣкъ не отрицалъ. Потребность эта была сознана лучшими людьми, что видно изъ появлявшихся книгъ. Для нихъ ясенъ былъ и тотъ путь, которымъ слѣдуетъ идти, уничтожая эту народную тягость. Тюрго шелъ этимъ путемъ. Нигдѣ, можетъ быть, не совпадали такъ хорошо интересы государственные съ требованіями справедливости. И послѣ того, какъ попытка Тюрго не удалась, общественное мнѣніе осталось на его сторонѣ и продолжало поддерживать его дѣло.

Большого практическаго значенія реформа Тюрго не имѣла. Она просуществовала слишкомъ недолго и успѣла осуществиться лишь въ немногихъ мѣстахъ. Но тамъ, гдѣ она осуществилась, пришлось впослѣдствіи при помощи жандармовъ тащить крестьянъ на исполненіе дорожной повинности.

Значеніе реформы Тюрго заключается не въ той практической пользѣ, которую она оказала народу въ данный моментъ. Ея значеніе заключается въ возбужденіи общественнаго интереса къ вопросамъ извѣстнаго рода. Этотъ вопросъ—уничтоженіе дорожной повинности,— былъ не великъ съ перваго взгляда; но онъ былъ связанъ съ нарушеніемъ стараго феодальнаго прин-

цина; онъ знаменовалъ появленіе правительственной системы, совершенно новой по своему характеру.

Эдиктъ объ уничтоженіи дорожной повинности говорилъ языкомъ, чуждымъ установившейся рутинѣ. Не менѣе чужды послѣдней были и высказанныя мысли. Въ немъ правительство отказывалось отъ товарищества съ феодализмомъ, ссылалось на естественное право и на справедливость. Кто не знаетъ, какъ цѣнились въ то время отвлеченные принципы! Какъ часто немного лѣтъ спустя жертвовали практическими интересами въ пользу принципа! Поэтому то эдиктъ Тюрго и произвелъ такое сильное впечатлѣніе.

Оно, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, сохранилось довольно долго и послужило къ усиленію общественнаго движенія, опрокинувшаго старый порядокъ. Таковымъ намъ представляется прямое вліяніе реформы Тюрго. Можетъ быть, помимо воли ея автора, она произвела и другое впечатлѣніе. Мы выше указали на то глубокое противорѣчіе съ самимъ собою, въ которое впало правительство, отмѣняя эдиктъ Тюрго. Это было грустное противорѣчіе.

Тюрго своею дѣятельностью поднялъ королевскую власть на такую нравственную высоту, на которой она удержаться была неспособна. Чѣмъ выше былъ подъемъ, тѣмъ рѣзче обнаруживалась неспособность королевской власти дѣйствовать твердо во имя народнаго блага, тѣмъ яснѣе становилась связь ея съ феодализмомъ, его эгоизмомъ и предразсудками. Такое разъясненіе равнозначительно уничтоженію всякаго довѣрія къ власти. Безъ того уже королевская власть была поколеблена. Вступленіе Людовика XVI вызвало несбыточныя надежды, а Тюрго волей неволей разбилъ ихъ въ дребезги, вызвавъ короля на такую дорогу, съ которой послѣдній неминуемо долженъ былъ уклониться.

Отставка Тюрго.

Послѣднимъ актомъ дѣятельности Тюрго былъ докладъ, представленный королю по поводу пошлинъ, взятыхъ въ Ліонѣ съ шелка, шедшаго изъ Марсели въ Лилль. Предлагая королю отмѣнить распоряженіе ліонскихъ властей, Тюрго воспользовался случаемъ, чтобы высказать свои основные взгляды на торговыя отношенія, исходя изъ которыхъ онъ приходилъ къ данному рѣшенію. Взгляды эти не оставляли сомнѣнія въ томъ, что запретительная система будетъ оставлена, и тотъ шагъ къ свободѣ торговли, который былъ сдѣланъ въ 1786 году, будетъ сдѣланъ теперь-же.

Но Тюрго уже заканчивалъ свое поприще. Король нетерпѣливо слушалъ докладъ и по окончаніи сухо его спросилъ: «Все?» «Да, Государь». «Тѣмъ лучше», отвѣтилъ король и повернулъ ему спину. Чрезъ нѣсколько дней Тюрго получилъ увольненіе.

Отставка этого министра всего черезъ двадцать мѣсяцевъ послѣ назначенія составляла бы весьма странное явленіе, если бы не извѣстна была подробно обстановка его дѣятельности.

Онъ не провинился въ томъ, въ чемъ иногда его упрекали. что онъ. очертя голову, кинулся въ реформы, не обращалъ вниманія на практическія условія, не

снисходилъ къ людскимъ предразсудкамъ и историческимъ традиціямъ. Всѣ эти обвиненія, высказанныя его противниками, ни начемъ не основаны и опрокидываются сами собою послѣ внимательнаго изученія актовъ дѣятельности министра. Напротивъ, рѣдко встрѣчаются люди, одаренные сильною теоретическою мыслью, которые бы такъ внимательно относились къ частностямъ, какъ относился Тюрго. Какъ во время интендантства, такъ и во время министерства, онъ не однажды заявилъ себя человѣкомъ, склоннымъ снисходить къ человѣческимъ слабостямъ, не однажды онъ дѣлалъ уступки духовенству въ его привиллегіяхъ, имѣя всѣ основанія не дѣлать ихъ.

Не провинился министръ и въ томъ, что онъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе. Впрочемъ, тутъ нужно оговориться. Кого считать представителемъ общественнаго мнѣнія: людей-ли, задѣтыхъ въ своихъ, эгоистическихъ интересахъ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, или же людей, заинтересованныхъ въ такомъ рѣшеніи идейно и высказывающихся съ точки зрѣнія своего общественнаго идеала? Въ то время представителей первой категоріи считали за выразителей общественнаго мнѣнія, они были сильны, они говорили свободнѣе (если не совсѣмъ свободно), тогда какъ представители второй группы не имѣли еще того значенія въ государственной жизни, какое получили нѣсколько позже. Но первые были сильны только по закону переживанія, дни ихъ были сочтены, нравственной силы за ними не было. Слабость вторыхъ была только кажущаяся, нравственный авторитетъ ихъ былъ великъ и, какъ скоро и оказалось, общество было на ихъ сторонѣ. Не обинуясь, поэтому, можно ихъ считать за предствителей общественнаго мнѣнія, тогда какъ другихъ людьми котеріи, преслѣдующей свои сословные и личные интересы. Пред-

ставители общественнаго мнѣнія въ нашемъ смыслѣ были въ огромномъ большинствѣ за Тюрго. Въ главѣ о цехахъ и о натуральной повинности, мы упоминали о нѣкоторыхъ произведеніяхъ, выражавшихъ общественныя потребности и взгляды на вопросы, поднятые Тюрго. Въ главѣ о хлѣбной торговлѣ мы видѣли отношеніе къ Тюрго Вольтера по данному вопросу. Въ теченіе всей министерской дѣятельности Тюрго, Вольтеръ всегда высказывался за него. Въ письмахъ своихъ къ разнымъ лицамъ онъ неизмѣнно отзывается съ восторгомъ о его мѣропріятіяхъ, и единственное опасеніе, смущающее его радость, — это боязнь за недолговѣчность «золото — человѣка», за непрочность положенія «Рони — Кольбера» (такъ онъ называлъ Тюрго.) Онъ питалъ къ нему почти религіозное благоговѣніе и былъ ужасно радъ, получивъ отъ де-Вэна портретъ Тюрго. Онъ повѣсилъ его у изголовія своей постели, подписавъ снизу стихи Лагарпа.

Sest alents, son courage et sa raison profonde.
Sont digne de sa place et du choix de Louis.
Le pauvre et l'opprimé sont ses premiers amis,
Et le voeu de son coeur de faire au monde
Le bien, qu'il fait à son pays.

Въ концѣ 1775 г. онъ опубликовалъ стихотвореніе въ похвалу Тюрго подъ заглавіемъ «Le temps présent». Въ немъ онъ разсказываетъ, какъ, гуляя въ лѣсу онъ встрѣтилъ веселыя группы юношей и дѣвушекъ; онъ спрашиваетъ ихъ о причинѣ ихъ веселья, описываетъ имъ ихъ печальную, тяжелую жизнь и выражаетъ удивленіе, что они еще могутъ веселиться.

A peine eus-je parlé, mille voix eclatèrent
Jusqu'au bords étrangers les échos répetèrent:
Ce temps affreux n'est plus on a brisé nos fers,
Quel Hercule, leur dis-je, a fait ce grand ouvrage?

Quel Dieu vous a sauvés? On repond; c'est un sage.
Un sage! Ah, just ciel! A ce nom je frémis:
Un sage! Il est perdu, c'en est fait, mes amis.
Ne le voyez-vous pas, ces monstres scholastique,
Ces partisans grossiers des erreures tyrraniques
Ces superstitieux, pu'on vit dans tous les temps
Du vrai que les irrite ennemis si constants,
Rasfemblant les poisons. dont leur troupe est pourvue?
Socrate est seul contre eux, et je crains la cigue.
Dans mon profond chagrin je restais éperdu,
Je plaignais le génie et surtout la vertu.

Такое мрачное настроеніе разсѣевается и надежда на лучшее будущее воскресаетъ послѣ заявленія Аристона (Кондорсе).

Ne vois-tu pas, dit-il, que le siecle est changé?
Va, de vaines terreurs ne doivent pas t'abattre
Quand un Sully renait, éspere un Henri Quatre. (239)

Опасеніе Вольтера характерное. Его зоркій глазъ видѣлъ опасность, окружавшую мудреца, стоявшаго почти одиноко среди придворныхъ пошляковъ и эгоистовъ. Надежда напрасна. Вмѣсто Генриха IV стоялъ безхарактерный и лѣнивый человѣкъ, которому уже начиналъ надоѣдать постоянный трудъ надъ проэктами, и которымъ овладѣла веселая и пустая женщина.

Съ наступленіемъ опасности Вольтеръ не оставляетъ Тюрго. Въ началѣ Февраля 1776 года, въ то самое время, когда въ королевскомъ совѣтѣ обсуждались эдикты о натуральной повинности, молодой адвокатъ при парламентѣ д'Епременилъ прочиталъ брошюру объ этомъ предметѣ, въ которой сильно нападалъ на экономистовъ, какъ на секту, стремящуюся опрокинуть древнѣйшія установленія и замѣнить ихъ своей системой. Онъ нападалъ и на министра, котораго онъ называлъ главою

секты; хотя не называлъ онъ его по имени, но не составляло ни для кого секрета, что онъ разумѣлъ Тюрго. ([240]) Когда въ концѣ того-же мѣсяца состоялось постановленіе Совѣта, запрещавшее сочиненія, враждебныя эдиктамъ (о цехахъ и о corvée), парламентъ съ своей стороны тоже начинаетъ дѣйствовать. На собраніи принцовъ было постановлено привлечь къ суду издателя упоминавшейся нами анонимной книги «Les Inconvenients des droits feodaux» Въ этомъ сочиненіи трактовалось о необходимости отмѣны сервитуды по имуществу, какъ когда то была уничтожена личная сервитуда. ([241]) Факты для доказательства неудобства феодальныхъ правъ авторъ взялъ изъ процесса между крестьянами мѣстечка св. Клавдія и монастыремъ. Принцы признали тенденцію автора враждебною праву собственности. Обвинительный актъ поддерживалъ адвокатъ Сегье, извѣстный противникъ эдиктовъ Тюрго.

Парламентъ осудилъ книгу, какъ оскорбительную для законовъ и обычаевъ Франціи, для священныхъ и неотчуждаемыхъ правъ короны и для права частной собственности и какъ стремящуюся поколебать основанія монархіи, поднимая вассаловъ противъ сеньоровъ, и даже противъ самаго короля, представляя вассаламъ феодальныя права рядомъ захватовъ, насилій и жестокостей столь же смѣшныхъ, сколь и отвратительныхъ, и предлагая къ тому-же средства, способныя будто бы ихъ (феодальныя права) уничтожить, средства, столь-же противорѣчащія уваженію къ королю и его министрамъ, сколько вредныя для спокойствія королевства.

Вольтеръ отозвался на эту борьбу, завязавшуюся между министромъ и приверженцами предразсудковъ. Онъ написалъ извѣстную уже намъ брошюру «Lettre du Révérend Pére Policarpe à M. Segier», въ которой

жестоко и остроумно отдѣлалъ фразистаго адвоката старины. ([242])

Въ письмѣ отъ 30 марта 1776 г. къ королю прусскому онъ опять говоритъ объ эдиктахъ Тюрго, восхваляя ихъ достоинства и кстати касается парламентскихъ ремонстрацій, и доказываетъ, что послѣднія вовсе не составляютъ права парламента, а только обычай. ([243]) За Фернейскимъ патріархомъ слѣдуютъ другія знаменитости того времени, которыя стояли на сторонѣ Тюрго. Д'Аламберъ высказываетъ свои симпатіи къ его дѣятельности въ перепискѣ съ Вольтеромъ. Къ непріятелямъ Тюрго онъ относился очень строго. Когда секретарь его оказался скомпрометированнымъ въ распространеніи брошюры «Lettre d'un profane», Д'Аламберъ немедленно уволилъ его отъ должности ([244])

Рядомъ съ Д'Аламберомъ стоитъ знаменитый Кондорсе, запечатлѣвшій своей смертью преданность свободѣ и своимъ идеямъ. Онъ не разъ выступалъ на защиту идей, положенныхъ въ основу дѣятельности Тюрго. Онъ написалъ брошюру подъ заглавіемъ «Lettre d'un laboureur de la Picardie», въ которой онъ не только возражаетъ Неккеру на его сочиненіе о хлѣбной торговлѣ, но нападаетъ на многія учрежденія, какъ бы побуждая Тюрго идти дальше по пути реформъ. ([245])

Кромѣ того по вопросу о натуральной повинности онъ тоже написалъ брошюру, имѣвшую успѣхъ и приписанную Вольтеру. ([246]) Наконецъ онъ впослѣдствіи почтилъ память его прекрасной біографіей, изданной анонимно въ Бернѣ въ 1787 году.

Далѣе укажемъ на аббатовъ Морелле и Бодо, бросавшихся въ полемику каждый разъ, когда того требовали интересы дорогаго имъ дѣла реформы. Когда нѣкто Ленге выпустилъ памфлетъ противъ свободы хлѣбной торговли, Морелле не полѣнился собрать всѣ сочиненія горячаго адвоката (парламента), и отвѣ-

тилъ ему брошюрой, «La Theorie du paradoxe», въ которой подъ видомъ изложенія теоріи парадокса собралъ всѣ парадоксы, заключающіеся въ сочиненіяхъ Ленгѐ. Если памфлетъ этого послѣдняго имѣлъ успѣхъ, то книжка Морелле имѣла еще большій. Первое изданіе разошлось на расхватъ, второе разошлось въ 2000 экземплярахъ. Замѣтивъ относительно бо́льшую свободу печати и пользуясь ею, Морелле позаботился доказать публикѣ выгоды ея. Въ сочиненіи «Réflexions sur l'avantage de la liberté d'écrire», онъ по всей вѣроятности выражалъ столько же мысли Тюрго, какъ и свои собственныя, говоря: «Всѣ важныя государственныя операціи требуютъ для своего успѣха помощи общественнаго мнѣнія; по крайней мѣрѣ они не могутъ удаться, если общественное мнѣніе противъ нихъ. Нѣтъ средства болѣе быстраго, чтобы направить общественное мнѣніе, какъ печать, въ особенности, когда хотятъ представить людимъ, только истину, и если не добиваютвя ничего иного, какъ ихъ счастья. Нѣтъ ни одного полезнаго проэкта, который бы не встрѣтилъ безчисленныхъ препятствій, но свобода печати помогаетъ министру одолѣть ихъ [247]).

Пользуясь тою же свободой и поощряемый надеждою на лучшія времена, аббатъ Бодо, горячій послѣдователь школы физіократовъ, возобновилъ свой журналъ «Ephemerides», въ которомъ онъ горячо отстаивалъ всѣ мѣры Тюрго. Горячность часто увлекала его за предѣлы благоразумія: напр., въ обвиненіи министра Сартина, какъ творца «Мучной войны»;—но она же, вмѣстѣ съ искренностью и талантливостью, доставляла успѣхъ журналу. Она же создала ему и могущественныхъ враговъ, добившихся ссылки его въ Овернь.

Мы упоминали уже о книгѣ Boncerf'a «Des inconvenients des droits feodaux», которая стала знаменита

вслѣдствіе начатыхъ противъ нея преслѣдованій. Скажемъ еще о памфлетѣ противъ аббата Террэ подъ заглавіемъ «Lettre de l'abbé Terray à M. Turgot», вышедшемъ въ началѣ 1775 года. Въ этомъ памфлетѣ, надѣлавшемъ довольно шуму, бывшаго министра заставляютъ приписывать себѣ тайную цѣль «возбудить возстаніе народа и довести, такимъ образомъ, Францію до того, чтобы она сама себѣ создала государственную форму, подъ господствомъ которой жители ея были бы менѣе несчастны». Приведенный въ отчаяніе твердостью въ бѣдствіяхъ обывателей, Террэ видѣлъ еще только одно средство для достиженія своей цѣли: послать въ дома всѣхъ обывателей солдатъ со штыками потребовать отъ нихъ подъ опасеніемъ смерти, половины всѣхъ денегъ и, кромѣ того, 8 су съ ливра со всего имущества [248]).

Мы упоминали нѣкоторыя стихотворенія, вызванныя дѣятельностью Тюрго. Приведемъ еще два. Первое появилось по поводу упоминавшагося выше разговора короля съ Морепа о благочестіи Тюрго.

Dialogue entre le Roi et M. de Maurepas :

Le Roi.
Mon controleur Turgot, dites-moi, quel homme est-ce?

Le comte de Maurepas.
Sire, il a l'ésprit juste, et le cœur citoyen,
Il respecte les lois, les mœurs...

Le Roi.
Oui, c'est fort bien
Mais jamais il n'entend la messe

Le comte de Maurepas.
Sire, je n'en sais rien. On tient tant de discours!
L'abbé Terray, dit-on, l'entendait tous les jours.

Etait refractaire;
Du peuple pauvre et souffrant
Le père il se dit pourtant;
Le beau fichu père
Oh gué!

Le beau fichu père.
Qu'a son âge notre roi
Paraît déjà brave!
Il veut que chacun chez soi
Vive sans entrave,
Et que j'ayons tous bientôt
Lard et poule à mettre au pot
Et du vin en cave
Oh gué

Et du vin en cave!
Il ne tient qu'à nous demain
Avec franchise
D'aller vendre bière et vin
Tout à notre guise;
Chacun peut de son métier
Vivre aujourd'hui sans payer
Juré ni maîtrise
Oh gué!

Juré ni maîtrise!
Je suis tout emerveillé
De ceci compère:
C'est un double jubilé
Que nous allons faire:
Mais celui que notre roi
Nous donne vaut bien, ma foi,
Celui de Saint Père
Oh gué!
Celui de Saint Père [250]).

Эта пѣсня могла служить лучшей наградой для Тюрго за его труды на пользу народа. Но народъ мало зналъ его; а если бы и зналъ больше и надѣлилъ

бы полнымъ своимъ сочувствіемъ, то самъ не имѣлъ никакого политическаго значенія. Это была сила будущаго. Если мы видѣли, что общественное мнѣніе въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей было на сторонѣ Тюрго, если его отставка, слѣдовательно, не могла быть мотивирована недовольствомъ общества, то съ другой стороны мы должны помнить, что общественное мнѣніе не могло и поддержать его. Оно само не было силою, а, такъ сказать. только терпѣлось. Что за дѣло, что Вольтеръ пользовался всеевропейскимъ вліяніемъ: въ глазахъ администраціи онъ все-же былъ только вреднымъ человѣкомъ, котораго можно и посадить, въ случаѣ надобности. Его имя для тогдашней администраціи имѣло такое-же значеніе, какъ для Фамусова, съ тою развѣ разницою, что столпы тогдашняго времени любили его хорошіе стихи. О другихъ писателяхъ и ученыхъ и говорить нечего. Съ ними еще меньше могли церемониться, чѣмъ съ Вольтеромъ.

Какъ о народѣ, такъ и объ интеллигенціи можно сказать, что это была сила будущаго. Союзъ между ними былъ уже готовъ; но онъ еще не былъ объявленъ. Эти двѣ силы, соединившись, создали богатыря, пришедшаго обновить міръ; но этотъ богатырь еще сидѣлъ сиднемъ и никто не замѣчалъ его силы, о его желаніяхъ никто не справлялся.

Для правительства гораздо больше имѣли значенія тѣ мнѣнія, которыя исходили отъ лицъ привиллегированныхъ, занимавшихъ притомъ близкое положеніе ко двору. А такъ какъ не было никакихъ общественныхъ учрежденій, черезъ посредство которыхъ могъ быть услышанъ голосъ общества, то король оказывался въ заколдованномъ кругу, изъ котораго ему не видно было настоящаго общества, и онъ невольно принималъ за него маленькую группу привиллегированныхъ лицъ и голосъ ихъ смѣшивалъ съ голосомъ перваго.

Поэтому можетъ быть играли гораздо болѣе важную роль въ судьбѣ Тюрго тѣ памфлеты и стихотворенія, которые выходили изъ круговъ, интересы которыхъ задѣвались реформами Тюрго, и которые боялись въ будущемъ бѣды неминучей для своихъ якобы-правъ. Притомъ они конечно заботились о томъ, чтобы довести до свѣдѣнія, кого слѣдуетъ, свои произведенія. Первые мѣсяцы управленія Тюрго его популярность и въ высшихъ сферахъ была очень велика.

Послѣ Террэ не могли не восхищаться новымъ министромъ, заявлявшимъ честное отношеніе къ дѣлу и не грозившимъ пока ничьимъ интересамъ. Неудовольствіе хлѣбныхъ монополистовъ раздѣлять было неудобно: слишкомъ сильно было еще негодованіе противъ нихъ, слишкомъ свѣжо было впечатлѣніе ихъ позорной дѣятельности. Неудовольствіе откупщиковъ не имѣло другаго практическаго основанія, кромѣ циркуляра, разъяснявшаго взгляды министра на отношенія ихъ къ казнѣ: его финансовая практика еще не успѣла повредить имъ. Словомъ, на первыхъ порахъ господствовало довольство.

Тюрго заставилъ на время забыть Шуазёля. Въ замкѣ Шантлу (Chanteloup), бывшемъ доселѣ мѣстомъ паломничества для оппозиціи и либераловъ, стало теперь тихо. Сами обитатели его, особенно г-жа Шуазёль восхищались Тюрго и одобряли его дѣйствія. Оффиціальныя газеты печатали стихотворенія въ честь его.

En l'honneur d'e l'Immaculée Conception de la Seinte-Vierge
Le retour de l'age d'or
A M. Turgot, Controleur général des finances.
Sonnet qui a été courronné à Caen,
Le 8 Décembte 1774.
De Sully, de Colbert toi qui cours la carrière,
Ton nom vole avec eux vers l'immortalité;

Sur la nuit des calculs tu répands la lumière,
Et rien ne se dérobe à ton activité
Limoges t'a donné le tendre nom de père;
La France avec transport l'a déjà répeté,
Va, portant dans les cours le flambeau qui t'éclaire,
Aux yeux des souverains offrir la vérité.
Des dons de ton génie enrichis nos provinces,
En couronnant les arts, fais-les aimer des princes:
Louis a par son choix honoré ta vertu.
Écrase sous tes pieds les serpents de l'envie,
Suis tes nobles projets... Ainsi, chaste Marie,
Le tyran des enfers par toi fut confondu [251]).

Попадались и сатирическія стихотворенія, но въ нихъ не было вражды, и они скорѣе отзывались веселой шуткой.

Le Grand ministre de la France
Doué d'esprit, d'intelligence
Et de raison,
En réformant notre finance
Répandra partout l'abondance
Chansons, chansons.
Turgot par son économie
Fera pleuvoir sur la patrie
L'or à foison;
Il est assuré de son thème
Et nous vivrons par son systeme:
Chansons, chansons.
Tout va prendre nouvelle forme:
On ne parle que de réforme,
De moeurs, de ton;
Ce n'est plus le siècle des belles,
On va déserter les ruelles:
Chansons, chansons.
Du luxe on va faire défénse,
Et l'on va borner la dépense
Nous promet-on;

Partout où régnait la licence
Nous verons regner la décence:
    Chansons, chansons.
Quand du Sénat de mince allure
On apprit la déconfiture,
    Chacun dit: bon!
Les revenants vont, sans épice,
Noblement rendre la justice;
    Chansons, chansons.
Vous qui languissez sans paraître
Et qui cherchez auprès du maître
Un bon patron,
Nommez seulement qui vous êtes
Et l'on va vous payer vos dettes:
    Chansons, chansons.
Ma rente contre la foi publique
Par l'abbé Terray fut réduite,
    Que fera-t-on
Turgot, qui haït la banqueroute
Me la rétablira sans doute
  Chansons, chansons[252]).

Но уже съ декабря 74 г. настроеніе начинаетъ измѣняться. Духовенство недовольно разрѣшеніемъ мясной торговли великимъ постомъ и интригуетъ противъ Тюрго, нашептывая королю, что его министръ безбожникъ. Члены парламента не могутъ простить ему его сопротивленія ихъ возвращенію. Наконецъ, эдикты за эдиктами, издающіеся по хлѣбной торговлѣ, дѣйствительно уничтожающіе почву монополіи, усиливаютъ неудовольствіе монополистовъ и возбуждаютъ опасеніе людей съ предразсудками. Всевозможныя интриги, вызвавшія «мучную войну» разразились памфлетами противъ Тюрго и другихъ членовъ министерства.

Май мѣсяцъ 75 г. былъ особенно богатъ ими. Но возстаніе было подавлено, Тюрго усидѣлъ на мѣстѣ, и пока все затихаетъ. Но предъ отставкой Тюрго, пам-

флетная война возобновляется. Всевозможныя эпиграммы, сатирическіе разсказы и другія произведенія то и дѣло появляются на свѣтъ Божій, и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ занимаютъ «большой свѣтъ». Начинается эта война съ конца 1775 года и тянется безпрерывно до самой отставки Тюрго.

Походъ начался въ видѣ рекогносцировки нападеденіемъ на лицъ близкихъ къ Тюрго. Въ сентябрѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Seconde Lettre de M. l'abbé Terray á M. Turgot» [253]).

Въ этой книжкѣ осыпали всевозможною бранью де-Вэна, ближайшаго сотрудника и друга Тюрго. Авторомъ ея былъ адвокатъ парламента Блонденъ, скрывшій однако свое имя. Тюрго вступился за своего друга. Онъ написалъ ему письмо съ выраженіемъ своего довѣрія и выхлопоталъ для него мѣсто «Королевскаго чтеца». Между тѣмъ полиція принялась розыскивать автора; но когда цѣль ея была достигнута, парламентъ освободилъ Блонделя изъ рукъ администраціи [254]).

Вслѣдъ затѣмъ появилась книжка подъ видомъ «Каталога новыхъ книгъ, находящихся у аббата Рубо, несмѣняемаго секретаря Свободной Экономистской Ложи, состоящей подъ покровительствомъ г. Тюрго, почтеннаго великаго мастера». (Catalogue des livres nouveaux, qui se trouvent chez l'abbé Roubaud, secretaire perpetuel de la Franche Loge Economiste sous la protection de M. Turgot, le très vénérable grand-maitre). Подъ именемъ аббата Рубо разумѣлся аббатъ Бодо. Этотъ пасквиль обвиняетъ Тюрго въ томъ, что онъ лицемѣръ, другъ мономолистовъ, макіавелистъ, деликкъ, интриганъ, что онъ подкапывается подъ основы монархіи, старается разрушить промышленность и торговлю, разорить весь народъ и т. д. Нечего и говорить, что въ этихъ обвиненіяхъ, какъ справедливо замѣтилъ авторъ

мемуаровъ Башомона «больше злости, чѣмъ остроумія» [255]).

Но главный потокъ пасквилей и памфлетовъ начинается вскорѣ послѣ изданія февральскихъ эдиктовъ. Мы знаемъ, что въ это время парламентъ открылъ нападеніе на министра процессомъ противъ книги Бонсерва «о неудобствѣ феодальныхъ правъ». Вскорѣ послѣ того является памфлетъ подъ заглавіемъ «Манэкены», въ которомъ доказывается, что Франція управляется манекэнами. Первый манекэнъ — король; имъ управляетъ другой манекэнъ—Морепа, этимъ послѣднимъ управляетъ жена, а ею управляетъ аббатъ Вери. Самъ аббатъ въ восхищеніи отъ Тюрго. Назначеніе послѣдняго министромъ объясняется такъ: когда король посовѣтовался объ этомъ вопросѣ съ Морепа, послѣднему приснилось чудовище Али-Бей (d'Ali-Bey) (система экономистовъ), прикинувшееся добродѣтельнымъ божествомъ, могущимъ сдѣлать государство счастливымъ. Морепа, проснувшись послѣ чудеснаго сна, посовѣтовался съ женою, послѣдняя съ аббатомъ Вери, а этотъ указалъ на Тюрго [256]).

«Враги Тюрго, говорятъ мемуары Башомона, нѣсколько дней спустя (10 апрѣля) послѣ появленія «Манекэновъ», не перестаютъ распространять на его счетъ злостные или смѣшные пасквили. Они уже нападаютъ и на него лично. Вышла пѣсенка, которая могла бы быть болѣе остроумною и, главное, болѣе правдивою, но которая очерчиваетъ довольно хорошо приближенныхъ министра и неудобства, могущія проистечь изъ его системы. Герцогиня д'Анвиль, очень любящая экономическія науки, въ ней особенно обругана. Маркизъ Кондорсе, абб. Морелле и абб. Бодо тоже фигурируютъ въ ней.... Духовенство, дворянство, судебное сословіе и денежная аристократія теперь

вполнѣ согласны между собою въ ненависти къ министру. ([257])

Вотъ отрывокъ упоминаемой пѣсни.

Inonder l'Etat de brigands,
Multiplier les mendiants,
De malheurs augmenter la somme,
Et soulever les paysans,
Sont les résultats effrayants
Du système de ce grand homme,
Dont les fous sont les partisans.
Riez, chantez, peuples de Erance
Vous recouvrez la liberté;
Quand à votre propriété
Le prince en garde la finance,
Et de ce fortuné bienfait
Zéro sera le produit net. [258]).

Чрезъ нѣсколько дней (19 апр.) мемуары говорятъ: фрондеры двора и министерства, ободряемые безнаказанностью, выпустили новые куплеты «Les Etonnements des Chartreux», въ которыхъ осмѣяно все министерство. ([259])

28 Апрѣля новая пѣсенка «Prophétie Turgotine». Эта пѣсня пародируетъ ученіе экономистовъ и заканчивается такимъ несовсѣмъ почтительнымъ обращеніемъ къ королю:

A qui devrons-nous le plus? [260])
C'est à notre maître
Qui, se croyant un abus
Ne voudra plus l'être.
Ah! qu'il faut aimer le bien,
Pour, de roi, n'être plus rien
J'enverrais tout paître, ô gué!
J'enverrais tout paître! [261]).

29 Апрѣля мемуары опять говорятъ о появленіи новаго пасквиля подъ названіемъ «Три Маріи», который нападаетъ на трехъ женщинъ, виртуозокъ партіи экономистовъ, которыя очень хороши съ Тюрго и у которыхъ онъ устраиваетъ собранія корифеевъ этой партіи. Эти дамы: герцогиня д'Анвиль, Г-жа Блондель и г-жа Марше. (Особенно нападаютъ на послѣднюю. [262])

2 Мая появляется новый куплетъ.

Que notre roi consulte Maurepas,
Qu'il soit son mentor ou son guide,
Qu'à tous ses conseils il préside,
Cela ne vous surprend pas.
Mai qu'à Turgot le mentor s'abandonne,
Qu'il laisse ce ministre fou
A tout l'Etat casser le cou,
Quand il peut lui river son clou
C'est là ce qui nous étonne [263]).

Печатными и рукописными памфлетами не довольствовались; отпускали публично на счетъ Тюрго и устныя эпиграмы, причемъ такимъ занятіемъ не гнушались и члены королевской фамиліи. Недавно, говоритъ продолжатель мемуровъ Башомона, купцы выдумали новаго рода плоскія табакерки, которыя и прозваны Platitudes. Герцогиня Бурбонъ пріѣхала на дняхъ ([264]) въ отель Жабакъ (Jaback). Когда спросили Ея Высочество, что ей угодно, она потребовала Тюрготинокъ. Купецъ былъ удивленъ и не зналъ, что ей нужно. «Да, прибавила она, вотъ такихъ табакерокъ» и при этомъ указала на табакерки новой формы.

— Madame, ce sont des platitudes, a-t-il repliqué.

—«Oui, oui a riposté la princesse. c'est la même chose». Эта названіе такъ и осталось за ними. и эта шутка занимаетъ въ настоящую минуту Парижъ. Всякій хо-

четъ имѣть «[illegible]», или [illegible] [illegible] [illegible] мемуаровъ Башомона.

Только съ отставкой Тюрго прекращаются [illegible] [illegible] [illegible] людей, такъ или иначе заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго безпорядка. Они были такъ рады его низверженію, что даже появленіе [illegible] непріятныхъ не производитъ на нихъ сильнаго впечатлѣнія. Нейронъ [?] (продолжатель мемуаровъ Башомона) заноситъ въ свою лѣтопись подъ 26 [illegible] «[illegible] было бы очень огорчено [illegible] [illegible] [illegible] «Продолженіе [illegible] и [illegible] [illegible]» [illegible]), если бы [illegible] Тюрго не [illegible] его теперь забывать всѣ огорченія [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]» [illegible]).

Но если чувство ненависти, страха и [illegible] были удовлетворены паденіемъ министра, то чувства [illegible] къ нему и къ его идеямъ остались за нимъ, и въ [illegible] и [illegible] [illegible] отзвуки этихъ чувствъ въ литературѣ, и они тянутся почти вплоть до самой революціи.

Изъ какихъ же элементовъ составился [illegible] [illegible]? Какъ и почему онъ создался? Какъ [illegible] [illegible] на Тюрго и какъ [illegible] онъ? На эти вопросы нужно отвѣтить въ заключеніе [illegible] [illegible] [illegible]).

[illegible] Тюрго вступалъ въ министерство, [illegible]

и отъ всевозможныхъ синекуръ, существовавшихъ при этой отрасли промышленности.

Уничтоженіе монополіи омнибусовъ привлекаетъ въ лагерь недовольныхъ откупщиковъ этого дѣла. Но такъ какъ они поддерживали большія связи въ обществѣ, особенно въ высшихъ сферахъ, то число недовольныхъ финансоваго міра увеличилось значительно [268]). Наконецъ искусныя финансовыя мѣры Тюрго, сокращавшія въ значительной мѣрѣ заборы впередъ (anticipations) и дѣлавшія казну независимѣе отъ финансовыхъ тузовъ, его займы по низшему проценту, все это лишало выигрыша многихъ благодѣтелей, ссужавшихъ казну деньгами за ростовщическіе проценты. Вотъ почему уже въ декабрѣ 75 года раздавались крики «общественныхъ кровопійцъ противъ генералъ-контролера», лишавшаго ихъ «бенефицій громадныхъ и разорительныхъ для монарха» [269]).

Наконецъ уничтоженіе кассы въ Пуасси и учрежденіе учетной кассы довершаетъ это недовольство. Первая мѣра лишила многихъ барыша въ 92%, вторая вела къ пониженію текущаго % вообще и еще болѣе освобождала финансы королевства отъ ростовщиковъ. Недовольство финансоваго міра имѣло большое значеніе для министра, такъ какъ между этимъ міромъ и придворными сферами существовали тѣсныя связи. За финансовымъ міромъ слѣдуетъ міръ судебный и, главнымъ образомъ, могущественный и вліятельный парижскій парламентъ. Когда въ ноябрѣ 74 года рѣшался вопросъ о возвращеніи парламентовъ, Тюрго навлекъ на себя неудовольствіе этого учрежденія. За парламентъ при дворѣ и въ обществѣ были: приверженцы Шуазёля и буржуазія, видѣвшая въ ремонстраціяхъ парламента нѣкоторое ограниченіе власти правительства. Противъ возращенія парламента, по весьма понятной причинѣ, было духовенство, еще сильно под-

чиненное вліянію эксъ-іезуитовъ. Совершенно по инымъ основаніямъ всѣ, такъ называемые, философы были тоже противъ парламента. Въ немъ они видѣли защиту старыхъ порядковъ, всѣхъ ненавистныхъ привиллегій и всѣхъ «злоупотребленій», наконецъ, въ немъ они видѣли гонителя свободной мысли и религіозной терпимости. Въ министерствѣ всѣ были противъ возстановленія парламента, за исключеніемъ Миромениля и Морепа. Тюрго особенно энергично возставалъ противъ возстановленія его, сознавая, что въ этомъ учрежденіи онъ встрѣтитъ сопротивленіе всякимъ существеннымъ реформамъ. Морепа употреблялъ столь-же энергично свое вліяніе на короля въ пользу парламента. Дѣйствовалъ онъ такъ ради популярности при дворѣ и въ столичной публикѣ. Сторонники парламента восторжествовали, возвращеніе его было рѣшено. Принявъ это рѣшеніе, король чувствовалъ, что онъ создастъ противника Тюрго, а потому въ успокоеніе сказалъ ему: «не бойтесь, я васъ всегда поддержу».

Парламентъ зналъ своихъ противниковъ и не простилъ Тюрго оказаннаго послѣднимъ сопротивленія. Дальнѣйшія столкновенія обѣихъ сторонъ только ухудшили взаимныя отношенія. Парламентъ былъ очень раздраженъ, когда во время майскихъ волненій изъ его вѣдѣнія были изъяты всѣ дѣла, относящіяся къ возстанію. Такъ какъ парламентъ оказывалъ сопротивленіе реформамъ и отказывалъ въ регистраціи нѣкоторыхъ эдиктовъ, то его принуждали къ тому силою «lit de justice». Нѣсколько разъ въ теченіи министерства Тюрго, парламентъ подвергался этой непріятной церемоніи. Отсюда еще большее раздраженіе. Парламентъ активно дѣйствовалъ противъ министра не только ремонстраціями и рѣчами (рѣчи Сегье) во время lit de justice. Онъ вчиналъ процессы противъ сочиненій, проникнутыхъ новымъ духомъ и, редижируя обвиненія, ясно

намекалъ на министра (напр. рѣчь д'Епремениля по поводу книги Boncerf'a). По поводу этого процесса, служившаго пробною атакою противъ Тюрго, парламентъ вошелъ къ королю съ просьбою «положить конецъ крайностямъ экономистовъ» (mettre un terme aux débordements économiques). Онъ подъ рукой возбуждалъ къ ремонстраціямъ и откупщиковъ кассы въ Пуасси, лишь бы ухудшить положеніе министра, хотя изъ февральскихъ эдиктовъ только эдиктъ о кассѣ въ Пуасси былъ регистрованъ парламентомъ свободно [270]). Наконецъ, имѣя общаго врага, парламентъ еще съ лѣта 1775 года вступилъ въ союзъ съ духовенствомъ. Два прежнихъ противника почувствовали общность своихъ интересовъ, угрожаемыхъ реформою.

Духовенство съ самаго начала было недовольно назначеніемъ Тюрго, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу философовъ. Не смотря на то, что онъ во всѣхъ финансовыхъ вопросахъ старался щадить претензіи и предразсудки духовенства, онъ не могъ пріобрѣсти его расположенія. Волей неволей, въ силу своихъ принциповъ, онъ долженъ былъ принимать мѣры, которыя не нравились духовенству. Конечно здѣсь рѣчь идетъ не о личныхъ друзьяхъ Тюрго среди духовныхъ лицъ, которые только по одеждѣ были духовными, а также и не о тѣхъ либеральныхъ представителяхъ церкви, которые одобряли его реформы. Дѣло идетъ о большинствѣ высшихъ сановниковъ церкви.

Въ декабрѣ 1774 года неудовольствіе духовенства вызывается разрѣшеніемъ вольной продажи мяса великимъ постомъ. Уже въ началѣ 1775 года духовные, какъ мы знаемъ, безпокоили короля своими навѣтами на счетъ безбожья Тюрго. Во время мучной войны оно нашло поводъ къ неудовольствію въ томъ, что Тюрго обратился съ извѣстнымъ циркулярнымъ письмомъ къ епископамъ и чрезъ нихъ къ священникамъ. Въ этомъ

актѣ многіе епископы увидѣли покушеніе подчинить церковь государству. Наконецъ попытка Тюрго перенести коронацію въ Парижъ и измѣнить текстъ королевской присяги произвели совершенный разрывъ. Во время церковнаго собранія, бывшаго въ іюлѣ 1775 года съ цѣлью вотированія такъ называемаго «добровольнаго пожертвованія» (don gratuit), духовенство подняло жалобы противъ многихъ новостей. Оно жаловалось на то, что въ обществѣ ходятъ слухи о предстоящемъ улучшеніи участи протестантовъ и просило, чтобы правительство не давало повода къ появленію такихъ слуховъ своею снисходительностью къ схизматикамъ, особенно къ брачнымъ отношеніямъ между ними. Духовенство жаловалось на «Diatribe» Вольтера за то, что это сочиненіе подрываетъ должное уваженіе къ священнымъ книгамъ. На самомъ дѣлѣ оно только обвиняло нѣкоторыхъ священниковъ въ подстрекательствѣ во время мучной войны. Оно жаловалось на аббата Рейналя за то, что онъ написалъ философскую исторію обѣихъ Индій; по просьбѣ собранія, король приказалъ Рейналю оставить Францію. Но Тюрго успѣлъ уговорить короля не быть слишкомъ уступчивымъ на жалобы духовенства. Когда опять явилась депутація церковнаго собранія къ королю жаловаться на безнаказанность пагубныхъ (pernicieux) книгъ, Людовикъ XVI принялъ ее довольно сухо: «Господа, сказалъ онъ въ отвѣтъ на жалобы депутаціи, я всегда буду поддерживать религію моего королевства, но вы не должны во всемъ полагаться на власть; вашъ примѣръ есть дѣйствительная опора религіи, и ваше поведеніе, ваша нравственность и ваши добродѣтели составляютъ самое существенное оружіе для борьбы съ тѣми, кто осмѣливается нападать на нее [271]). Церковное собраніе знало хорошо настоящаго автора королевскаго отвѣта, и недовольство его усилилось. Для того, чтобы имѣть свѣт-

скос оружіс, оно приняло нѣкоторыя рѣшенія пріятныя парламенту, а послѣдній отвѣчалъ на эти авансы возбужденіемъ преслѣдованія противъ упомянутой «Diatribe» Вольтера. Генералъ-адвокатъ Сегье въ своей обвинительной рѣчи провозгласилъ тѣсный союзъ между магистратурой и духовенствомъ [272]).

Такъ состоялся союзъ двухъ противниковъ противъ общаго врага. Надо отдать справедливость духовенству, оно не ошибалось, признавая въ Тюрго опаснаго врага. Такія понятія, какъ терпимость, свобода совѣсти и, наконецъ, полная секуляризація государства были слишкомъ опасны для духовенства исполненнаго феодализма, мракобѣсія и притязанія на подчиненіе себѣ свѣтской власти. Вражда къ Тюрго усилилась на столько, что даже невинная затѣя удобныхъ почтовыхъ каретъ вызвала, какъ мы знаемъ, обвиненіе, будто Тюрго стремится отвлечь пассажировъ отъ посѣщенія церковной службы.

Недовольство придворныхъ противъ Тюрго объясняется довольно просто рѣшительнымъ стремленіемъ къ сокращенію расходовъ. Въ письмѣ къ королю, въ которомъ онъ развивалъ свои основныя воззрѣнія на предстоящую дѣятельность, онъ совершенно ясно высказался по поводу щедрости короля къ своимъ приближеннымъ.

Въ разборѣ вопроса о croupiers и пенсіонерахъ откупщиковъ государственныхъ доходовъ онъ серьезно грозилъ интересамъ придворныхъ, выражая твердое намѣреніе устранить злоупотребленія. Въ бюджетѣ 1775 года сдѣланы были большія сокращенія въ военномъ министерствѣ, главнымъ образомъ на счетъ синекуръ, получаемыхъ придворнымъ дворянствомъ.

Въ концѣ 75 года придворные были поражены указомъ о строжайшемъ взысканіи недоимокъ (въ счетъ capitation) съ знатныхъ господъ. Недовольство ихъ въ

концѣ этого года было такъ сильно и выраженіе вражды противъ министра такъ рѣзко, какъ этого прежде никогда не было. Со всѣхъ сторонъ, говоритъ современная «Корреспонденція Метра», поднимаются тучи, предвѣщающія сильнѣйшую грозу. Негодованіе и злоба (déchainement) никогда не были такъ сильны при предъидущемъ министерствѣ. Они направлены, главнымъ образомъ, на гг. Тюрго и Мальзерба, въ силу того, что, по слухамъ, эти два министра находятся наканунѣ начала реформъ въ расходахъ двора и думаютъ начать ихъ съ «grand commun», гдѣ хищеніе достигло огромныхъ размѣровъ. Водвореніе порядка, которое они думаютъ тамъ произвести, вызываетъ громкіе крики негодованія во всемъ городѣ (Версали) и во всемъ дворѣ. Мальзербъ уже не «усердный патріотъ», приносящій себя въ жертву общественному благу: это «энциклопедистъ», «человѣкъ системы», «невѣжда въ дѣлахъ», который все перевернетъ вверхъ дномъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, это ужасный переворотъ—водворить порядокъ въ этомъ хаосѣ. Что касается Тюрго, то это «упрямый человѣкъ, способный скорѣе погубить государство, чѣмъ отступиться отъ своей идеи» Всѣ эти крики должны были бы сами замолкнуть, но, говорятъ, они поддерживаются могущественной фракціею[273]). Съ другой стороны, шведскій посланникъ, графъ Крейцъ, писалъ около того же времени, что Тюрго сдѣлался «мишенью нападеній самой страшной лиги, составленной изъ всѣхъ сановниковъ королевства (grands du royaume), всѣхъ парламентовъ, всѣхъ финансовыхъ тузовъ, всѣхъ придворныхъ дамъ и всѣхъ ханжей», и прибавляетъ къ этому объясненіе, почему нѣкоторые придворные сопротивляются реформамъ Тюрго. «Ничего нѣтъ удивительнаго, пишетъ Крейцъ, что принцъ Конти съ такимъ жаромъ сопротивляется отмѣнѣ цеховъ: онъ теряетъ доходъ въ 50000 ливровъ отъ свободы Тампля [274]).

Наиболѣе сильныя придворныя партіи, существовавшія при дворѣ и группировавшіяся около королевы въ концѣ 75 года, состояли изъ сторонниковъ герцога Артуа и принцессы Ламбаль, и съ другой стороны изъ кружка герцога Полиньякъ и приверженцевъ Шуазеля. Послѣдніе въ первые мѣсяцы послѣ вступленія на престолъ Людовика XVI съумѣли побудить Марію-Антуанетту энергично хлопотать за опальнаго министра. Во время коронаціи короля даже ждали съ часу на часъ возвращенія Шуазеля къ кормилу правленія; но отвращеніе Людовика XVI къ протеже маркизы Помпадуръ было непобѣдимо, и всѣ хлопоты королевы въ его пользу разбились объ это отвращеніе. Съ тѣхъ поръ и Шуазелевцы при дворѣ стоятъ на второмъ планѣ, хотя и продолжаютъ пользоваться расположеніемъ королевы. Принцесса Ламбаль была любимицей королевы еще со времени выхода ея замужъ за Людовика XVI. Королева рѣшилась возстановить для герцогини Ламбаль должность министра двора королевы (surintendante de la maison de la reine). Она не желала удовольствоваться скромнымъ жалованьемъ и потребовала 150,000 ливровъ. Напрасно министры и самъ Австрійскій посланникъ графъ Мерси дѣйствовали противъ претензій Ламбаль: своими ласками, слезами она съумѣла убѣдить королеву сдѣлать по ея желанію [275]).

Наиболѣе стойкое сопротивленіе притязаніямъ принцессы Ламбаль и желаніямъ королевы оказалъ Тюрго. Онъ не соглашался на учрежденіе «министра двора королевы», и на назначеніе требуемаго жалованія и тогда, когда его другъ Мальзербъ, министръ двора, сдался на просьбы королевы. Неудовольствіе Ламбаль и всей ея партіи съ герцогомъ Артуа включительно, а также и королевы обратилось на Тюрго. Другимъ при-

вало положеніе дѣла. Въ дѣлѣ принцессы Ламбаль онъ скоро уступилъ (Окт. 75 г.)

Въ моментъ назначенія Мальзерба, Тюрго и всѣ друзья его были увѣрены однако, что дѣло реформы въ большомъ выигрышѣ отъ этого назначенія. И, конечно, они не ошибались. Вообще положеніе Тюрго въ министерствѣ лѣтомъ 1775 года было прочнѣе, чѣмъ когда либо. Но съ осенью положеніе дѣла измѣняется. Первый ударъ его положенію былъ нанесенъ смертью военнаго министра гр. Мюи. На мѣсто послѣдняго былъ назначенъ графъ Сенъ-Жерменъ. Это былъ, правда, сторонникъ реформъ, и всѣ считали его назначеніе дѣломъ рукъ Тюрго; но Сенъ-Жерменъ былъ человѣкъ опрометчивый, не серьезный и самолюбивый. Своими неосторожными мѣропріятіями онъ компрометировалъ всю партію реформы и Тюрго въ особенности. Послѣдній не могъ оказывать на него вліянія, такъ какъ они поссорились очень скоро послѣ назначенія Сенъ-Жермена. Причиной ссоры была расточительность военнаго министра. Онъ хотѣлъ возложить на Эльзасъ и Франшъ-Конте сумму въ 2 мил. на добавочное фуражное довольствіе войскъ по случаю дороговизны и «другіе расходы». Тюрго справедливо указалъ своему товарищу, что нельзя опредѣлять расходъ въ 2 милльона, возлагаемый на двѣ провинціи, такимъ заглавіемъ, какъ «другіе расходы», и основательно совѣтовалъ ему потребовать отъ своихъ подчиненныхъ болѣе подробной смѣты. Это указаніе стало причиной ихъ ссоры.

Въ теченіи 1775 года Тюрго лишился другой своей поддержки въ министерствѣ, а именно Морепа. Этотъ пустой старикъ выдвинулъ Тюрго ради пріобрѣтенія популярности; но само собою разумѣется, что между этими людьми не могло быть солидарности. У одного на первомъ планѣ Я, у другаго общественная польза. Одинъ не видитъ надобности въ какихъ либо измѣ-

неніяхъ, въ мудреной постройкѣ, созидавшейся вѣками, другой предвидитъ опасность крушенія и торопится укрѣпить зданіе на новыхъ основаніяхъ. Эта противоположность воззрѣній была подмѣчена публикой еще тогда, когда отношенія между Морепа и Тюрго были хороши. «Кореспонденція Метра» передаетъ слѣдующій разговоръ между ними: Морепа обратился къ Тюрго съ совѣтомъ: Занимайтесь, государь мой, настоящимъ вашихъ финансовъ, старайтесь удовлетворять потребностямъ настоящаго и не рискуйте сломать голову, стараясь произвести существенныя измѣненія. Составители проэктовъ, это такого рода люди, которыхъ министръ долженъ удалять отъ себя» Тюрго возразилъ на этотъ совѣтъ: «Графъ, если наша финансовая машина стоитъ на сгнившихъ основаніяхъ, крушеніе которыхъ предвидится въ близкомъ будущемъ, то мнѣ все таки представляется разумнымъ посовѣтоваться съ архитекторами, чтобъ составить планъ новаго зданія. [277])». Морепа однако поддерживалъ Тюрго, какъ человѣка, имъ же самимъ рекомендованнаго. Съ другой стороны не было никакого интереса не поддерживать его. Такъ продолжалось, пока Морепа не замѣтилъ усилившагося вліянія королевы.

Сближеніе между нею и королемъ начинается съ 1775 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается рядъ проявленій капризовъ, на исполненіи которыхъ она настаиваетъ съ упрямствомъ. Впервые она выказала свою силу въ дѣлѣ герц. Кариньяна, брата принцессы Ламбаль и двоюроднаго брата гр. Артуа.

Принцесса Ламбаль попросила ее помочь ему прилично устроиться во Франціи. Объ этомъ давно хлопотала М. Артуа, но министры были противъ. Королева дала слово устроить это дѣло и, помимо министровъ, добилась у короля назначенія молодому принцу пенсіи въ 30.000 ливровъ и предоставленія ему коман-

дованія полкомъ. [278]) Другой случай еще лучше убѣдилъ Морепа, что королева сильнѣе его во вліяніи на короля. Она добилась назначенія маршаломъ герц. Фицъ-Джемса и сдѣлала это помимо военнаго министра, помимо Совѣта, даже помимо короля, который долженъ былъ, уступая королевѣ, нарушить данное уже слово. [279])

Наконецъ, когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ королева добилась изгнанія ненавистнаго ей герц. d'Эгильона, то этотъ ударъ живо почувствовалъ самъ Морепа, ибо d'Эгильонъ былъ племянникъ его жены. Онъ рѣшилъ сложить оружіе передъ королевой и заключилъ капитуляцію на условіи исполнять всѣ ея желанія. Въ дѣлѣ назначенія принцессы Ламбаль «министромъ двора королевы» Морепа постарался доказать свое усердіе Маріи Антуанеттѣ, настаивая на исполненіи ея желаній. Такъ какъ сама королева была нерасположена къ Тюрго, а ея приближенные прямо враждебны ему, то значеніе перехода Морепа въ ихъ лагерь было весьма дурнымъ симптомомъ прочности положенія Тюрго. Вмѣстѣ съ Морепа былъ еще его родственникъ Миромениль, хранитель печатей.

Рѣшающимъ моментомъ въ судьбѣ Тюрго было отношеніе къ нему королевы. Съ начала его министерской дѣятельности, онъ старается сохранить съ нею добрыя отношенія, и королева не питала къ нему никакого нерасположенія. Въ октябрѣ 74 года Тюрго доказалъ свое желаніе угодить ей, устроивъ увеличеніе суммы, предназначенной на ея личные расходы (cassette) съ 96 т. ливровъ до 200.000 л., причемъ постарался исполнить желаніе королевы, дать приданое подругѣ дочери принцессы Ламбаль, г-жѣ Гебріанъ (Guébriant).

Но такая предупредительность министра далеко не была достаточна для сохраненія расположенія королевы.

Не говроя уже о томъ, что, окружающіе ее, близкіе ей люди настраивали ее враждебно противъ министра, ея капризы встрѣчали сопротивленіе съ его стороны и возбуждали ея неудовольствіе.

Мы упоминали о дѣлѣ принцессы Ламбаль, въ которомъ Тюрго болѣе другихъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе королевы. Упомянуто было также и о дѣлѣ герц. Кариньяна. Но особенное неудовольствіе возбуждало сопротивленіе министровъ, и особенно Тюрго, желанію королевы оказать покровительство французскому послу при Лондонскомъ дворѣ, герцогу де-Гиню.

Послѣдняго обвиняли въ томъ, что онъ провозилъ контрабанду въ видѣ посольскихъ отправленій и игралъ на биржѣ ввѣренными ему деньгами. Онъ свалилъ всѣ обвиненія на своего секретаря и, для своего оправданія, требовалъ разрѣшенія огласить нѣкоторые дипломатическіе документы. Королева настояла чрезъ короля на исполненіи требованія посла; но сопротивленіе министровъ ее разсердило. Тюрго былъ особенно настойчивъ въ своемъ сопротивленіи желанію королевы. Лѣтомъ 1775 г., когда были введены Тюрготины, неудовольствіе королевы было вновь возбуждено. Она желала дать Монморанси мѣсто завѣдывающаго почтами и дилижансами, но Тюрго взялъ эту обязанность на себя безъ всякаго прибавочнаго вознагражденія и тѣмъ лишилъ королеву возможности помочь на счетъ казны своему протеже. Помимо этихъ частныхъ столкновеній и инсинуацій окружающихъ, королева питала нерасположеніе къ министру, постоянно сдерживавшему своей нестерпимой экономіей ея расточительность. Вникнуть въ его планы, оцѣнить его беззавѣтное служеніе общественному благу она не могла вслѣдствіе своего легкомыслія и страсти къ удовольствіямъ. Графъ Мерси въ своихъ раппортахъ Маріи Терезіи не разъ упоминаетъ о томъ, что она не хочетъ вникать въ дѣло,

не слушаетъ никакихъ резоновъ и упрямо настаиваетъ на исполненіи своихъ мимолетныхъ желаній. [260])

Вліяніе королевы на Людовика XVI усиливалось все болѣе, и она не скрывала отъ него своего нерасположенія къ его министрамъ. Весною 1776 года, т. е. незадолго предъ отставкой Тюрго, въ публикѣ передавали слѣдующій разговоръ между ними. Королева вернулась изъ оперы. Король спросилъ, какъ ее встрѣтили, были ли восторженные крики? Такъ какъ молчаніе королевы на этотъ вопросъ было довольно краснорѣчиво, то король замѣтилъ: «C'est qu'apparament, Madame, Vous n'aviez pas assez de plumes.» «Je voudrais Vous y voir, Sire, Vous avec votre Saint-Germain et votre Turgot, je crois que vous vous y seriez rudement hué,» отвѣтила съ живостью королева. Когда дѣло доходило до вспышекъ сильнаго раздраженія противъ министровъ, королева говорила языкомъ гораздо болѣе рѣзкимъ. Около этого же времени по поводу новаго дѣла того же посла герц. де-Гиня, королева прямо требовала изгнанія Тюрго (que le sieur Turgot fut chassé) изъ министерства и заключенія его въ Бастилію. Объ этомъ дѣлѣ мы скажемъ ниже, теперь же замѣтимъ кстати, что Тюрго хорошо понималъ значенія нерасположенія къ нему королевы, и хотѣлъ было тотчасъ подать въ отставку, но рѣшился остаться, чтобы предложить вниманію короля свои планы реорганизаціи финансовъ. [261])

Переходя теперь къ развязкѣ, мы должны остановить на минуту наше вниманіе на положеніи короля среди всѣхъ интригъ и выяснить себѣ его настроеніе въ послѣдніе дни министерства Тюрго. Никакія интриги придворныхъ, ни даже нерасположеніе королевы не могли компрометировать положенія Тюрго до тѣхъ поръ, пока на его сторонѣ былъ король. Съ самаго начала вступленія его въ министерство и въ теченіе

всего 1775 года король оказывалъ ему искреннее довѣріе и поддерживалъ его силою своего авторитета. Но мы видѣли, что лѣтомъ 1775 года по поводу коронаціонной присяги, король поддался увѣщаніямъ противниковъ Тюрго и не согласился на серьезныя измѣненія формулы присяги. Но, однако, даже въ началѣ 1776 года онъ оказываетъ рѣшительную поддержку своему министру въ дѣлѣ уничтоженія цеховъ и дорожной повинности. Судя по этой поддержкѣ, можно было бы думать, что положеніе Тюрго вполнѣ прочно; но на самомъ дѣлѣ твердость Людовика XVI достигла послѣдней степени напряженія. Король усталъ нравственно въ постоянной борьбѣ противъ близкихъ ему людей, стремившихся къ низверженію ненавистнаго имъ министра. Враги послѣдняго постарались дискредитировать въ глазахъ короля финансовыя способности Тюрго. При помощи одного придворнаго, маркиза Пезе, Морена передалъ Неккеру цифры бюджета на 1777 годъ, составленнаго еще только вчернѣ, съ котораго ему удалось достать копію, благодаря его положенію при дворѣ. Пезе уговорилъ Неккера сдѣлать критику этого бюджета и потомъ втихомолку показалъ ее королю. Въ этой критикѣ доказывалось, что дефицитъ увѣковѣчивается, хотя въ дѣйствительности это было далеко не такъ [282]). Интрига эта не имѣла ближайшихъ послѣдствій, но она не могла не имѣть вліянія на довѣріе Людовика XVI къ Тюрго. Затѣмъ слѣдуетъ дѣло Лакруа, одного изъ чиновниковъ министерства финансовъ, съумѣвшаго втереться въ довѣренность Тюрго. Дѣло этого чиновника было эксплоатировано врагами Тюрго.

Нѣкая госпожа Лебро, содержательница театра въ Ліонѣ, была лишена своей привиллегіи безъ всякой основательной причины. Разслѣдуя дѣло, она узнаетъ, что Лакруа вошелъ въ сдѣлку съ лицами, пожелав-

ности въ глазахъ короля, они пустились на составленіе подложныхъ писемъ. Морена и его друзья, говоритъ Дэръ, отправляли письма въ Вѣну, а оттуда ихъ посылали въ Парижъ по адресу Тюрго. Они составлены были въ такомъ духѣ, какъ будто ихъ писалъ кто либо изъ друзей Тюрго. Въ Парижѣ на почтѣ ихъ вскрывали и содержаніе доводили до свѣдѣнія короля. Тѣ же люди, которые сочиняли письма, составляли и сдавали на почту и отвѣты на нихъ отъ имени Тюрго. Эти отвѣты на почтѣ перехватывались. Сначала онѣ были довольно безобиднаго содержанія, потомъ въ нихъ стали встрѣчаться сарказмы на счетъ королевы, Морена и самаго короля. Какъ письма, такъ и отвѣты были безъ подписи. Вся эта переписка была представлена Людовику XVI, а послѣдній показывалъ ее Морена. Старый интриганъ, конечно, не считалъ нужнымъ высказывать сильныхъ сомнѣній въ ея подлинности [283]).

Этимъ письмамъ приписывали по справедливости важное значеніе въ дѣлѣ паденія Тюрго. Рядомъ съ этой интригой указывали еще на одно обстоятельство, послужившее ближайшимъ поводомъ паденія. Тюрго взялъ съ короля слово, что онъ не будетъ давать на счетъ казначейства никакихъ подарковъ. Между тѣмъ черезъ нѣсколько дней ему принесли королевскій ордеръ выдать 500.000 ливровъ одной высокой особѣ. Тюрго обратился къ королю за разъясненіями, и тотъ разрѣшилъ ему не платать, объяснивъ, что его застигли въ расплохъ съ просьбою о подаркѣ. Упоминаемою высокою особой была королева, которая предназначала просимую сумму для устройства приданаго герцогу Люксембургу [284]). Королева чрезвычайно была разсержена на Тюрго. Отставка послѣдняго последовала черезъ три дня послѣ этого эпизода, и ее объясняли какъ результатъ мести королевы. Если бы

однако, можно было усумниться въ справедливости этого разсказа, никѣмъ не опровергнутаго, если бы на основаніи его только нельзя было бы рѣшиться возложить на Марію Антуанетту отвѣтственность за паденіе Тюрго, то на такой конецъ есть еще фактъ, участіе въ которомъ королевы подтверждается неопровержимыми документами. Фактъ этотъ, отставка встрѣчавшагося уже намъ графа де-Гина, французскаго посла въ Лондонѣ. Его поведеніе на столько компрометировало французское правительство, а его дѣятельность, какъ посла, повергала въ такую опасность миръ между королевствами сосѣдями, что министры рѣшили единодушно просить короля о его отозваніи. Выразителемъ этого желанія предъ лицемъ короля явился Тюрго, какъ человѣкъ менѣе другихъ безпокоившійся о своемъ личномъ положеніи. Король согласился и подписалъ письмо на имя графа де-Верженна, въ которомъ послѣдній уполномочивался отозвать посла Узнавъ объ этомъ рѣшеніи совѣта, королева вышла изъ себя. Она потребовала отъ короля полнаго вознагражденія графа де-Гина за постигшую его немилость и поклялась погубить Тюрго. Она добилась того, что король написалъ собственоручное письмо отозванному послу, въ которомъ, признавая вполнѣ его великія заслуги, жалуетъ ему титулъ герцога и осыпаетъ другими почестями и, въ заключеніи, разрѣшаетъ показывать настоящее письмо другимъ лицамъ. Участіе королевы въ дѣлѣ графа де-Гина подтверждается съ двухъ сторонъ.

Шведскій посланникъ Крейцъ въ депешѣ отъ 12-го мая говоритъ: «Милость, оказанная королемъ графу де Гину возведеніемъ его въ герцогское достоинство, — есть дѣло королевы. Эта принцесса вела себя въ этомъ дѣлѣ съ скрытностью и ловкостью выше своихъ лѣтъ» [285]).

Графъ Мерси, подтверждая и подробнѣе разъясняя

роль королевы въ возведеніи графа де-Гина въ герцоги, говоритъ, что генералъ-контролеръ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того рѣшился подать въ отставку, что узналъ о ненависти, питаемой къ нему королевой. Проэктъ королевы, продолжаетъ графъ Мерси, заключался въ томъ, чтобы г. Тюрго былъ прогнанъ и даже отправленъ въ Бастилію въ тотъ самый день, когда графъ де-Гинъ будетъ провозглашенъ герцогомъ, и нужны были самыя настойчивыя и сильныя представленія, чтобы остановить проявленіе гнѣва королевы, гнѣва, не имѣющаго другаго мотива, какъ ходатайство объ отозваніи графа де-Гина, которое Тюрго счелъ своею обязанностью принять на себя. Такъ какъ этотъ генералъ-контролеръ пользуется огромной репутаціей честнаго человѣка и притомъ любимъ народомъ, то очень не хорошо, что его отставка частью дѣло королевы.

Ея Величество желаетъ также уволить графа Вержена, тоже изъ за дѣла графа Гина; и я еще не знаю насколько будетъ возможно отклонить королеву отъ ея намѣренія. Ваше Величество конечно удивитесь, что этотъ графъ де-Гинъ служитъ причиною такихъ большихъ событій, въ то время, какъ королева не питаетъ и не можетъ питать къ нему никакой личной симпатіи.

Но разгадка этой тайны кроется въ окружающихъ королеву, которые всѣ соединились въ пользу графа де-Гина. Ея Величество осаждаютъ; она хочетъ избавиться отъ этого. Задѣваютъ ея самолюбіе, раздражаютъ, чернятъ въ ея глазахъ людей, которые, ради дѣла (bien de la chose), могутъ сопротивляться ея желаніямъ; все это дѣлается во время прогулокъ, катаній или во время разговора на вечерахъ у принцессы Гемене (Guéménée). Такими путями успѣваютъ постоянно держать королеву на столько внѣ себя, на столько

утомлять (enivrer) ее удовольствіями, что, прибавивъ сюда крайнюю уступчивость короля, въ иныя минуты нѣтъ возможности заставить ее услышать голосъ разсудка.....

Мы (еще аббатъ Вермонъ) видѣли, что въ эти минуты сильнаго возбужденія королева нетерпѣливо относилась къ нашимъ представленіямъ, что она старалась избѣжать ихъ. На прошедшей недѣлѣ въ теченіи которой исполнялись ея проэкты, она старательно избѣгала разговора со мною наединѣ.....

Мы служимъ предметомъ вражды и ненависти всѣхъ, окружающихъ королеву и стремящихся склонить ее въ свою пользу [286]).

Королева въ своемъ письмѣ отъ 15 мая сама увѣдомляетъ свою мать объ отставкѣ Мальзерба и объ увольненіи Тюрго, и прибавляетъ къ этому: «Я признаюсь Вамъ, дорогая моя матушка, я не недовольна этими отставками, но я въ нихъ не вмѣшивалась» [287]). Это заблаговременное оправданіе приводитъ на память пословицу: «на ворѣ шапка горитъ». Марія Терезія знала хорошо, на сколько ея дочь «не вмѣшивалась» въ дѣло, и, не сообщая ей всего того, что знала, сдѣлала ей весьма строгій выговоръ за ея поведеніе вообще, за ея пренебреженіе серьезнымъ чтеніемъ и пристрастіе ко всякимъ удовольствіямъ. Спеціально же по вопросу объ отставкѣ Мальзерба и Тюрго она писала ей: «Я очень довольна, что вы не принимали никакого участія въ перемѣнѣ двухъ министровъ, которые пользовались хорошей репутаціей въ обществѣ и которые, по моему мнѣнію, ошиблись только въ томъ, что предприняли слишкомъ много сразу. Вы говорите, что этимъ (отставкою) не недовольны; вы должны имѣть на это достаточныя основанія, но публика съ нѣкотораго времени не отзывается объ васъ съ прежнею похвалою и прямо приписываетъ вамъ мелкія ин-

триги (petites menées), которыя вовсе не приличны были бы вашему положенію»[258]).

Марія Антуанета задѣта была за живое намеками матери и старалась оправдаться. «Я не понимаю, писала она, что разумѣютъ подъ мелкими интригами, неприличными въ моемъ положеніи: я предоставила назначить министровъ, никоимъ образомъ не мѣшаясь въ это дѣло, я сказала съ полною откровенностью моей дорогой матушкѣ, что я была не недовольна удаленіемъ другихъ, и это потому, что они возбуждали почти всеобщее недовольство. Наконецъ мое поведеніе и даже мои намѣренія хорошо извѣстны и очень далеки отъ подходцевъ (petites menées) и интригъ.... Я надѣюсь сверхъ всего, что общественное мнѣніе не такъ враждебно мнѣ, какъ это сказали моей дорогой матушкѣ»[259]).

И тутъ королева очевидно уклоняется отъ истины, характеризуя свое участіе въ удаленіи Тюрго, и очевидно, принимала за «всеобщее неудовольствіе» раздраженіе близкихъ къ ней придворныхъ.

Живыя настоянія королевы сломали остатки и безъ того небольшой энергіи Людовика XVI, подорванной выраженіями недовольства лицъ, его окружавшихъ и возбужденнымъ въ немъ подозрѣніи въ цѣлесообразности дѣйствій министра и, даже, пожалуй, въ его честности. Къ тому же, самъ Тюрго въ значительной степени содѣйствовалъ тому, что король сталъ тяготиться имъ. Онъ заставлялъ его слишкомъ много работать умственно. Этотъ человѣкъ, могшій проработать нѣсколько часовъ за слесарнымъ станкомъ, неутомимый на охотѣ, не любилъ и не способенъ былъ къ продолжительному умственному напряженію, а Тюрго, въ точности исполняя свое обѣщаніе, не давалъ ему подписывать ни одного эдикта, не познакомивъ его съ теоретическими основаніями и практическими мотивами предполагаемой мѣры. И какъ часто эти разсужденія, служили ис-

деніями къ эдиктамъ, были длинны и сложны, особенно въ послѣднее время, когда размѣръ предпринимаемыхъ реформъ того требовалъ! Мудрено ли, что бѣдный человѣкъ сталъ тяготиться своимъ министромъ? Тѣмъ болѣе, что значеніе плановъ послѣдняго для короля было далеко неясно. Могъ-ли при такихъ условіяхъ, Людовикъ XVI устоять противъ парламента, противъ духовенства, противъ придворныхъ, противъ министровъ, противъ Морена, даже противъ молодой, любимой жены? Его ли слабому характеру было бороться съ такими противниками?

Развязка послѣдовала вслѣдъ за отставкой Мальзерба. Послѣдній давно собирался уйти, и, наконецъ, сказалъ о своемъ намѣреніи Морепа. Это было 10 мая. Старый министръ сейчасъ-же понялъ значеніе этой отставки для Тюрго. Онъ зналъ, что реформа придворныхъ штатовъ составляетъ существенную часть его программы, что онъ скорѣе уйдетъ, чѣмъ откажется отъ нея. Поэтому онъ рекомендовалъ королю на мѣсто Мальзерба нѣкоего Амело, одного изъ чиновниковъ министерства финансовъ (intendant des finances) своего родственника, человѣка ему вполнѣ преданнаго и обладавшаго, по словамъ Кондорсе, глупостью въ размѣрѣ большемъ обыкновеннаго. Эта рекомендація была поддержана королевой, не смотря на настойчивые совѣты графа Мерси не дѣлать этого. Назначеніе Амело министромъ двора дѣлало невозможною какую бы то ни было реформу въ этой области. Тюрго понялъ это и тотчасъ же написалъ королю, просилъ его не назначать Амело, доказывалъ, что реформа дворцовыхъ штатовъ необходима и что Амело не сдѣлаетъ ея. Король вѣроятно не далъ никакого удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ 11 мая Тюрго рѣшился удалиться вмѣстѣ съ Мальзербомъ. Но онъ хотѣлъ повидаться въ послѣдній разъ съ королемъ, и отправился къ нему. Короля

не было дома, онъ былъ на охотѣ Тюрго явился во второй разъ. Король переодѣвался (était au debotté), пришлось ждать до другаго дня.

На другой день Тюрго передумалъ. Чувство долга взяло верхъ надъ личнымъ самолюбіемъ. Онъ рѣшился остаться, чтобы, по крайней мѣрѣ, успѣть окончить и представить королю свой планъ реорганизаціи финансовъ. Но Морепа рѣшился предупредить всякое свиданіе Тюрго съ королемъ; въ тотъ же день, тотчасъ послѣ прощальной аудіенціи Мальзерба у короля, «увѣренный въ поддержкѣ королевы» онъ нанесъ рѣшительный ударъ. Министръ Бертенъ передалъ Тюрго приказъ короля оставить свою должность. [290])

Морепа съигралъ ни въ чью. Онъ расчитывалъ цѣною Тюрго получить согласіе королевы на возвращеніе ко двору герцога d'Эгильона, и тѣмъ успокоить свою жену, оказывавшую поддержку Тюрго. Но это ему не удалось. Интриганъ по натурѣ, признававшій только холодный расчетъ, онъ не могъ измѣрить силу ненависти, которую питала королева къ д'Эгильону. Лицемѣря всю жизнь, онъ рѣшился написать Тюрго письмо съ выраженіемъ своего соболѣзнованія о случившемся. «Я спѣшу, милостивый государь, засвидѣтельствовать Вамъ то участіе, которое принимаетъ въ случившемся съ Вами г-жа Морепа вмѣстѣ со мною. Имѣю честь быть и т. д.» Тюрго отвѣтилъ на это посланіе. «Я не сомнѣваюсь, милостивый государь, въ участіи, которое г-жа Морепа и Вы приняли въ случившемся со мною. Но, кто служилъ своему повелителю вѣрно, кто поставилъ себѣ за правило не скрывать отъ него ни одной полезной истины и кто не можетъ упрекнуть себя ни въ слабости, ни въ уклоненіи отъ истины, ни въ скрытности, тотъ удаляется безъ стыда, безъ боязни и безъ угрызеній совѣсти».

Имѣю честь быть съ тѣми чувствами, которыхъ Вы заслуживаете [291]).

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отставки, Тюрго адресовалъ письмо королю въ отвѣтъ на предложеніе со стороны послѣдняго — пенсіи сверхъ министерскаго жалованія.

Отказываясь отъ прибавки, Тюрго писалъ: Вы знаете, Государь, мои взгляды на денежные вопросы. Ваше доброе расположеніе было мнѣ всегда дороже вашихъ благодѣяній. Я приму жалованье министра, такъ какъ безъ этого мой доходъ будетъ на треть меньше того, который я имѣлъ бы, оставаясь интендантомъ Лиможа. Мнѣ нѣтъ надобности быть болѣе богатымъ, и я не долженъ подавать примѣръ отягощенія государства. Я буду умолять Ваше Величество, обратить Ваши милости, предназначенныя для меня, на вознагражденіе нѣкоторыхъ лицъ, которые, пожертвовавъ своимъ благосостояніемъ, чтобы помогать мнѣ въ моихъ трудахъ, съ моею отставкою потеряютъ то, что я имъ доставилъ, и останутся безъ средствъ, если имъ не будетъ оказана милость Вашего Величества.... Что касается меня, Государь, то я долженъ жалѣть о потерѣ Вашего довѣрія и надежды, которую оно мнѣ давало, быть полезнымъ Государству. Поступокъ, который я совершилъ и который, кажется Вамъ не понравился, доказалъ Вамъ, что никакой другой мотивъ не удерживалъ меня на моемъ мѣстѣ, такъ какъ, вѣдь, я не могъ не знать какому риску я подвергаюсь, и я не подвергся бы ему, если бы ставилъ свое благоденствіе выше своего долга [292]). Вы видѣли также изъ моихъ писемъ [293]), что мнѣ нельзя было съ пользою служить на моемъ мѣстѣ, и, слѣдовательно, оставаться на немъ, если бы Вы меня оставили одного и безъ помощи. Ваше Величество знаете, что я былъ удерживаемъ

на своемъ посту только привязанностью къ Вашей особѣ. Я надѣялся, что Вы сообщите мнѣ Сами свои намѣренія.... Я исполнялъ, Государь, то, что считалъ своимъ долгомъ, излагая Вамъ свободно, безъ утайки и безъ исключеній, трудности положенія, въ которомъ я находился, а также и то, что я думалъ о Вашемъ положеніи. Если бы я этого не сдѣлалъ, я считалъ бы себя виновнымъ предъ Вами. Вы, конечно, разсудили иначе, такъ какъ лишили меня своего довѣрія, но, если бы я даже и ошибался, Вы не можете, Государь, не отдать справедливости чувству, которое мною руководило.

Все мое желаніе заключается въ томъ, чтобы Вы всегда могли думать, что я плохо видѣлъ и что я Вамъ указывалъ на опасности призрачныя Я желаю, чтобы время не оправдало меня, и чтобы Ваше царствованіе было на столько счастливо, на столько спокойно для Васъ и для Вашего народа, на сколько это обѣщаютъ Ваши правила справедливости и доброты». Какъ послѣдней милости, Тюрго проситъ короля не выслушивать ни одного навѣта, не требуя отъ него оправданій, и обѣщаетъ давать послѣднія съ полной откровенностью и обстоятельностью [294]).

Это письмо замѣчательно не только благородствомъ и твердостью тона, но и пророческой правдою. Тюрго, какъ и Вольтеръ предвидѣлъ опасности будущаго и старался предостеречь отъ нихъ, указывая въ тоже время средства избѣжать ихъ. Тихимъ, элегическимъ чувствомъ грусти проникнуто это послѣднее посланіе человѣка, который стремился только къ благу. Ни ненависть, ни злоба, ни чувство оскорбленнаго самолюбія не слышатся въ немъ, а только грусть о потерянной возможности осуществить свои идеалы и творить добро.

пишетъ Вольтеру: «Я ничего не писалъ Вамъ, мой дорогой знаменитый учитель, со времени фатальнаго событія, которое отняло у всѣхъ честныхъ людей всякую надежду и всякую бодрость. Я подождалъ, чтобы мой гнѣвъ нѣсколько утихъ и осталась только одна грусть. Это событіе преобразило въ глазахъ моихъ всю природу. Я не могу съ прежнимъ удовольствіемъ смотрѣть на эти прекрасныя села, въ которыхъ онъ положилъ бы зародыши благоденствія. Видъ народныхъ увеселеній мнѣ сжимаетъ сердце. Они танцуютъ, какъ будто ничего не потеряли. Волки, отъ которыхъ Вы освободили Жексъ, бросятся на остальную Францію, и два года воздержанія довели до бѣшенства ихъ жажду народной крови.... Вотъ, какъ мы упали, мой дорогой и знаменитый учитель, и съ порядочной высоты. Прощайте, мы видѣли прекрасный сонъ, но онъ былъ очень коротокъ»,

Чувство Вольтера было въ высшей степени потрясено извѣстіемъ объ отставкѣ Тюрго. Его письма къ разнымъ лицамъ по поводу этого событія—это крикъ жгучей боли и отчаянія. «Боже мой, писалъ онъ де-Вену (de Vains), какую пагубную новость я узналъ! Франція была бы счастливою. Что будетъ съ нами? На мѣстѣ ли Вы? Можете ли Вы успокоить меня хоть словечкомъ? Могу ли я обратиться къ Вамъ съ просьбой передать эту записку? (Конечно къ Тюрго). Я уничтоженъ, я въ отчаяніи! Нѣсколько дней спустя онъ пишетъ Лагарпу: «Мой дорогой другъ, только ваше избраніе въ академію нѣсколько утѣшило меня въ потерѣ, которую понесли всѣ истинные философы и добрые граждане. Если вы увидите де-Вена, передайте ему, прошу Васъ, какъ я интересуюсь его судьбою и какъ я огорченъ. Что говоритъ д'Аламберъ? Кондорсе? Цѣлую васъ крѣпко и, кажется, не надолго, такъ какъ мнѣ ужъ становится не въ моготу.

Мнѣ кажется, что я умру: Supremum quod te aloquor hoc est». Немного позже онъ пишетъ д'Аржанталю: «Мой дорогой ангелъ! Глубоко чувствую вашу доброту, что вы написали мнѣ въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ я нахожусь. Я никогда вполнѣ не утѣшусь, но ваша дружба дѣлаетъ мое горе болѣе сноснымъ [298])

Наконецъ, въ письмѣ отъ 5 августа къ д'Аржанталю—то же чувство, ни сколько не ослабѣвшее. «Вы воображаете, что я не умеръ, такъ какъ я пишу Вамъ; на самомъ же дѣлѣ я мертвъ съ тѣхъ поръ, какъ у меня отняли Тюрго».

«Вольтера часто обвиняли, говоритъ продолжатель мемуаровъ Башомона, «въ томъ, что онъ идетъ туда, куда вѣтеръ дуетъ, и забываетъ скоро своихъ благодѣтелей, впавшихъ въ немилость. Теперь онъ захотѣлъ доказать противное, или, по крайней мѣрѣ, исправиться: Онъ посвятилъ Тюрго посланіе, о которомъ говорятъ съ большою похвалою [299]). Это посланіе, озаглавленное «Посланіе человѣку» (Epitre à un homme), дѣйствительно довольно сильно и поэтично обрисовываетъ главную черту характера Тюрго и его дѣятельности: безкорыстіе въ совершеніи добра» [300]).

Philosophe indulgent, ministre citoyen,
Qui ne cherchas le vrai que pour faire le bien,
Qui d'un peuple leger, et trop ingrat peut-être,
Préparais le bonheur et celui de son maître,
Ce qu'on nomme disgrâce a payé tes bienfaits.
Le vrai prix du travail n'est que de vivre en paix.
Ainsi que Lamoignon, délivré des orages,
A toi-même rendu, tu n'instruis que les sages;
Tu n'as plus à répondre aux discours de Paris.
Je croi voir à la fois Athènes et Sibaris
Transportés dans les murs embellis par la Seine:
Un peuple aimable et vain, que son plaisir entraîne,

Impétueux, léger, et surtout inconstant,
Qui vole au moindre bruit, et qui tourne à tout vent,
Y juge les guerriers, les ministres, les princes,
Rit des calamités dont pleurent les provinces,
Clabaude le matin contre un édit du roi,
Le soir s'en va siffler quelque moderne, ou moi;
Et regretteà souper, dans ses turlupinades,
Les divertissements du jour des barricades.
Voilà donc ce Paris! Voilà ses connaisseurs
Dont on veut captiver les suffrages trompeurs!
Hélàs! au bord de l'Inde autrefois Alexandre
Disait sur les débris de cent villes en cendre:
Ah! qu'il m'en a couté quand j'étais si jaloux,
Railleurs Athéniens, d'être loué par vous!
Ton esprit, je le sais, ta profonde sagesse,
Ta mâle probité n'a point cette faiblesse.
A d'éternels travaux tu t'étais dévoué
Pour servir ton pays, non pour être loué.
Caton, dans tous les temps gardant son caractère,
Mourut pour les Romains sans prétendre à leur plaire.
La sublime vertu n'a point de vanité.
C'est dans l'art dangereux par Phébus inventé,
Dans le grand art des vers et dans celuis d'Orphée,
Que du désir de plaire une Muse échauffée
Du vent de la louange excite son ardeur.
Le plus plat écrivain croit plaire à son lecteur.
L'amour propre a dicté sermons et comédies.
L'éloquent Montazet, gourmandant les impies,
N'a point été fâché d'être applaudi par eux:
Nul mortel en un mot ne veut être ennuyeux.
Mais où sont les héros dignes de la mémoire,
Qui sachent mériter et mépriser la gloire? [301]).

И гораздо позже Вольтеръ сохранилъ чувство благоговѣйнаго уваженія къ Тюрго. Встрѣтившись съ нимъ во время своего знаменитаго пребыванія въ Парижѣ въ 1778 году, онъ воскликнулъ, стараясь схва-

тить его руку: «Дайте, дайте мнѣ поцѣловать ту руку, которая сдѣлала столько добра народу».

Весь Парижъ читалъ и другіе стихи, хотя и сомнительнаго достоинства, но проникнутые чувствомъ злобы на противниковъ реформы:

Deux gens de bien habitaient à Versailles;
Deux à la cour! c'etait grande trouvaille;
Aussi chacun était émerveillé.
Mais tout fripon craint d'être surveillé.
Des Parlements la vénale canaille,
Des financiers la ville valetaille,
D'Ogny, Sivrae et l'indigne prêtraille
Ont si bien fait, que l'on a renvoyé
Deux gens de bien.

Sots et fripons, çà, faites bien ripaille;
Pour vous exprés tout y sera trié,
Ministres, ducs, tout est appareillé,
Et grâce à vous il n'est plus à Versailles
Deux gens de bien [302]).

Руше (Roucher) въ своемъ изданіи «Мѣсяцы» (Mois) воздалъ дань уваженія Тюрго въ трогательномъ стихотвореніи. Воспѣвъ земледѣльческій трудъ и выставивъ на видъ, что земледѣліе есть главная сила и богатство государства, онъ обращается къ Тюрго въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Tu le savais aussi, toi qui nous a fait voir
L'ame d'un citoyen àu séjour des esclaves;
Turgot, sage Turgot! De cruelles entraves
Enchaînaient dans leur course et Bacchus et Cérès.
Quelle main osera les venger? Tu parais,
Et soudain je les vois, pour enrichir le prince,
Librement circuler de province en province:
Le commerce renaît, prend un vol plus hardi,
Et les moissons du Nord nourrissent le Midi.

Ministre, de qui Rome eût adoré l'image,
Au nom du laboureur, je viens te rendre hommage.
Ton éloges en ce jour me doit être permis.
Quand la faveur de rois te faisait des amis,
Je me suis tu; mon vers suspect de flatterie,
Eût été vainement l'écho de la patrie...
Mais lorsque tu n'as plus d'autre éclat que le tien,
Lorsque de ton pouvoir mon sort n'attend plus rien,
Je puis, libre de crainte ainsi que d'espérance,
Bénir mon bienfaiteur et ami de la France [303]).

Всѣ эти выраженія высокаго уваженія къ павшему министру, проявленія грусти, вызванной его паденіемъ, и проблески негодованія на торжество его противниковъ имѣютъ особенную цѣну, потому что они высказывались противъ воли побѣдителей и не смотря на запрещенія, исходившія отъ правительства. Важность этихъ чувствъ вытекаетъ еще изъ того, что они волновали людей будущаго, людей, идеи которыхъ одни могли вывести общество изъ феодальнаго порядка на широкую дорогу свободнаго развитія общественности.

Заключеніе.

Въ дѣятельности Тюрго нельзя не видѣть опредѣленной программы, проводившейся весьма послѣдовательно и твердо. Онъ былъ по характеру своему, по своимъ воззрѣніямъ, и по своимъ дѣйствіямъ человѣкомъ цѣльнымъ по преимуществу. Разъ вы съ нимъ познакомились, вы можете напередъ сказать, что въ такомъ-то и такомъ-то случаѣ онъ поступитъ такъ-то и такъ-то. И это тѣмъ легче сдѣлать, что его міровоззрѣніе отличалось точною опредѣленностью и высказалось съ достаточною полнотою въ его сочиненіяхъ, считая въ томъ числѣ и оффиціальные акты.

Въ основѣ всего лежитъ идея справедливости; каждое мѣропріятіе, каждая мысль въ ея общественномъ значеніи оцѣнивалась Тюрго въ концѣ концовъ съ точки зрѣнія справедливости. Исходя отсюда, онъ осуждалъ сословныя привиллегіи и требовалъ равенства предъ государствомъ; идея справедливости выдвигается имъ на первый планъ, когда онъ требуетъ освобожденія промышленнаго класса отъ путъ цеховъ; таже идея руководила имъ, когда онъ уничтожалъ тѣ или другіе тормазы хлѣбной торговли; во имя справедливости-же, наконецъ, онъ требовалъ отъ короля экономіи въ дворцовыхъ расходахъ и сокращенія милостей, расточаемыхъ близкимъ къ нему лицамъ.

Уничтожая, однако, тѣ или иныя установленія, онъ никогда не терялъ изъ виду убытковъ лицъ, могущихъ произойти отъ упраздненія привиллегій послѣднихъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда привиллегированные лишались доходовъ на капиталы, затраченные въ виду разсчета на продолженіе существованія паивиллегій, Тюрго находилъ справедливымъ вознаградить потерпѣвшихъ лицъ. Водворить идею справедливости въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ,—это была попытка весьма серьезная въ то время. Да и только ли въ то время?

Какъ же, однако, должна была осуществиться эта справедливость? При помощи свободы. Мы видѣли его мѣропріятія по отношенію къ хлѣбной торговлѣ. Мы знаемъ его воззрѣнія на промышленность, на торговлю и его мѣропріятія въ этихъ областяхъ. Онъ началъ проводить тутъ теорію невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, ограничивая его дѣятельность устраненіемъ всѣхъ препятствій, лежащихъ на дорогѣ къ вполнѣ свободному пользованію правомъ труда со стороны отдѣльныхъ лицъ. Начало индивидуализма ему казалось лучшимъ средствомъ осуществленія общественнаго блага и распредѣленія его равномѣрно между всѣми. Намъ пришлось указать въ главѣ о цехахъ односторонность этого воззрѣнія и крайность, въ которую онъ вдавался въ этомъ отношеніи, запрещая всякія ассоціаціи въ промышленно-торговой сферѣ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что то была естественная реакція противъ средневѣковыхъ корпорацій, съ которыми приходилось вести борьбу.

Если мы вспомнимъ работы учредительнаго собранія 1789 года, то мы увидимъ, что большинство общественныхъ дѣятелей того времени признавало индивидуализмъ главнымъ лекарствомъ противъ общественныхъ бѣдствій, и что боязнь ассоціацій была об-

щераспространенною болѣзнью. Въ этомъ отношеніи Тюрго явился не только сыномъ своего вѣка, но и апостоломъ мысли, царившей безраздѣльно въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ.

Вообще Тюрго по своимъ идеямъ и дѣятельности отвѣчалъ потребностямъ времени, и въ этомъ лежалъ залогъ успѣха его дѣятельности, если бы она совершалась при нѣсколько иныхъ, случайныхъ, впрочемъ, условіяхъ. Успѣхъ же его дѣла, какъ и показали послѣдующія событія, обусловленъ былъ этимъ соотвѣтствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ лежалъ центръ тяжести положенія, какъ не въ неравенствѣ гражданъ предъ государствомъ? Могли ли быть исправлены финансы при сохраненіи привилегій? Нѣтъ. Могло ли съ другой стороны государство не только двинуться впередъ, но и стоять даже на мѣстѣ, не перестраивая финансовой машины? Тоже нѣтъ. Этими двумя отрицаніями рѣшался важнѣйшій вопросъ времени, и Тюрго понялъ это рѣшеніе, понялъ его можетъ быть лучше, чѣмъ многіе другіе. Къ тому же на его сторонѣ было финансовое искуство, скажемъ, — творчество въ финансовомъ дѣлѣ, качество столь важное особенно тогда, когда минуты сочтены. И такъ, уничтоженіе привилегій, полная передѣлка тогдашней системы съ цѣлью сдѣлать ея базисомъ чистый доходъ (по его пониманію поземельный), освобожденіе промышленности и торговли отъ всякихъ искуственныхъ препятствій и предоставленіе ихъ, какъ и всей экономической жизни страны, ихъ естественному ходу, — вотъ программа дѣятельности Тюрго, которая отвѣчала требованіямъ времени и, какъ мы видѣли въ главахъ «Дорожныя повинности», «Цехи» и «Отставка Тюрго», находилась въ соотвѣтствіи съ настроеніемъ общества и поддерживалась наиболѣе значительными умами тогдашней Франціи.

Уничтожая, однако, тѣ или иныя установленія, онъ никогда не терялъ изъ виду убытковъ лицъ, могущихъ произойти отъ упраздненія привиллегій послѣднихъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда привиллегированные лишались доходовъ на капиталы, затраченные въ виду разсчета на продолженіе существованія привиллегій, Тюрго находилъ справедливымъ вознаградить потерпѣвшихъ лицъ. Водворить идею справедливости въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ,—это была попытка весьма серьезная въ то время. Да и только ли въ то время?

Какъ же, однако, должна была осуществиться эта справедливость? При помощи свободы. Мы видѣли его мѣропріятія по отношенію къ хлѣбной торговлѣ. Мы знаемъ его воззрѣнія на промышленность, на торговлю и его мѣропріятія въ этихъ областяхъ. Онъ началъ проводить тутъ теорію невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, ограничивая его дѣятельность устраненіемъ всѣхъ препятствій, лежащихъ на дорогѣ къ вполнѣ свободному пользованію правомъ труда со стороны отдѣльныхъ лицъ. Начало индивидуализма ему казалось лучшимъ средствомъ осуществленія общественнаго блага и распредѣленія его равномѣрно между всѣми. Намъ пришлось указать въ главѣ о цехахъ односторонность этого воззрѣнія и крайность, въ которую онъ вдавался въ этомъ отношеніи, запрещая всякія ассоціаціи въ промышленно-торговой сферѣ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что то была естественная реакція противъ средневѣковыхъ корпорацій, съ которыми приходилось вести борьбу.

Если мы вспомнимъ работы учредительнаго собранія 1789 года, то мы увидимъ, что большинство общественныхъ дѣятелей того времени признавало индивидуализмъ главнымъ лекарствомъ противъ общественныхъ бѣдствій, и что боязнь ассоціацій была об-

щераспространенною болѣзнью. Въ этомъ отношеніи Тюрго явился не только сыномъ своего вѣка, но и апостоломъ мысли, царившей безраздѣльно въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ.

Вообще Тюрго по своимъ идеямъ и дѣятельности отвѣчалъ потребностямъ времени, и въ этомъ лежалъ залогъ успѣха его дѣятельности, если бы она совершалась при нѣсколько иныхъ, случайныхъ, впрочемъ, условіяхъ. Успѣхъ же его дѣла, какъ и показали послѣдующія событія, обусловленъ былъ этимъ соотвѣтствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ лежалъ центръ тяжести положенія, какъ не въ неравенствѣ гражданъ предъ государствомъ? Могли ли быть исправлены финансы при сохраненіи привилегій? Нѣтъ. Могло ли съ другой стороны государство не только двинуться впередъ, но и стоять даже на мѣстѣ, не перестраивая финансовой машины? Тоже нѣтъ. Этими двумя отрицаніями рѣшался важнѣйшій вопросъ времени, и Тюрго понялъ это рѣшеніе, понялъ его можетъ быть лучше, чѣмъ многіе другіе. Къ тому же на его сторонѣ было финансовое искуство, скажемъ, — творчество въ финансовомъ дѣлѣ, качество столь важное особенно тогда, когда минуты сочтены. И такъ, уничтоженіе привиллегій, полная передѣлка тогдашней системы съ цѣлью сдѣлать ея базисомъ чистый доходъ (по его пониманію поземельный), освобожденіе промышленности и торговли отъ всякихъ искуственныхъ препятствій и предоставленіе ихъ, какъ и всей экономической жизни страны, ихъ естественному ходу, — вотъ программа дѣятельности Тюрго, которая отвѣчала требованіямъ времени и, какъ мы видѣли въ главахъ «Дорожныя повинности», «Цехи» и «Отставка Тюрго», находилась въ соотвѣтствіи съ настроеніемъ общества и поддерживалась наиболѣе значительными умами тогдашней Франціи.

Въ этой програмѣ отсутствуетъ политическій вопросъ. Но на самомъ дѣлѣ Тюрго не игнорировалъ его.

Проводя свои реформы силою автократической королевской власти, онъ составилъ планъ передачи веденія финансовыхъ дѣлъ государства въ руки представителей сельскаго и городскаго землевладѣнія. Въ этомъ заключается суть проэкта муниципальныхъ собраній, которымъ предполагалось созданіе государственнаго муниципалитета, или такого собранія, которое бы стояло во главѣ муниципальныхъ собраній и состояло бы изъ представителей послѣднихъ. Мѣстныя собранія мы могли бы назвать безъ большей ошибки земскими собраніями, а центральное — земскимъ соборомъ. О подробностяхъ этого плана и объ его достоинствахъ мы говорили особо (см. историч. библіотеку 1878 г. № 10); теперь же мы скажемъ, что этотъ проэктъ былъ представленъ королю, остался въ портфелѣ генералъ-контролера [301]) и, по всей вѣроятности, послужилъ матеріаломъ для составленія плана провинціальныхъ собраній, созданныхъ Нэккеромъ. Послѣдній, впрочемъ, сильно исказилъ проэктъ Тюрго и совершенно устранилъ мысль о центральномъ собраніи.

Проэктъ этотъ сталъ извѣстенъ публикѣ, хотя уже только впослѣдствіи, по цитированному изданію, и на него смотрѣли такіе люди, какъ Бриссо, какъ на попытку рѣшить вопросъ о народоправствѣ.

Почему-же Тюрго не поставилъ политическаго вопроса въ головѣ своей дѣятельности, а оставилъ ему третьестепенное мѣсто? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ основательно, мы не имѣемъ данныхъ. Можно только выставить догадку, что онъ не видѣлъ учрежденія, которому бы онъ считалъ возможнымъ въ интерессахъ прогресса предоставить политическую силу и

политическое поприще. Мы знаемъ, что онъ боялся возстановленія парламента, видя въ этомъ учрежденіи препятствіе для дѣла реформы. Онъ не ошибся въ этомъ. Повидимому и на Etats géneraux онъ смотрѣлъ съ подбною-же опаскою [305]) Etats généraux 1789 доказали, что дѣло прогресса только выиграло отъ созыва представителей сословій. Но не слѣдуетъ забывать, что съ 1774 по 1789 годъ прошли пятнадцать лѣтъ царствованія Людовика XVI, что въ теченіе этого времени перебывали у кормила правленія Тюрго, Нэккеръ и Де-Каллонъ, что за это время общество успѣло увѣриться въ неспособности обветшавшаго абсолютизма двигаться впередъ и успѣло увѣриться, что «желанный» король не можетъ справиться съ непосильной задачей государственнаго управленія. Не забудемъ, наконецъ, что положеніе финансовъ съ 1789 году настолько обострилось, что многіе самою силою событій толкались впередъ къ дѣлу реформы стараго порядка.

Въ 1774 году и даже нѣсколько позже положеніе было еще таково, что многіе считали возможнымъ поправить финансы при помощи одной экономіи. — Въ виду всего этого нельзя утверждать, что Etats généraux въ 1774 году были-бы также благопріятны дѣлу прогресса, какъ и въ 1789 году, а скорѣе можно отвѣтить на этотъ вопросъ съ сомнѣніемъ.

Какъ бы то ни было, Тюрго могъ ошибаться на счетъ настроенія представителей сословій; но опасеніе его не было совершенно безъосновательно.—Помимо этого изъ его проэкта муниципальныхъ собраній мы видимъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать основаніемъ будущей избирательной системы уплату налога съ недвижимости. — Такая мысль естественно ставила политическую реформу въ связь съ предварительною подготовкою рефор-

мы налоговъ. — Наконецъ, мы можемъ сказать, что Тюрго могъ считать невозможнымъ предложить королю ограниченіе его власти. — Что такая нерѣшимость имѣла мѣсто, видно изъ того же проэкта муниципальныхъ собраній. Говоря о центральномъ муниципальномъ собраніи и о мѣстныхъ таковыхъ же собраніяхъ, Тюрго старается, между прочимъ, успокоить короля на счетъ ненарушимости его власти и увѣрить, что онъ не только не встрѣтитъ оппозиціи задуманнымъ реформамъ, но даже съ большею легкостью проведетъ ихъ при подержкѣ общества. — Такія оговорки весьма знаменательны: онѣ говорятъ о трудностяхъ, которыя были сопряжены съ умаленіемъ абсолютизма. — Тѣмъ не менѣе, Тюрго разсчитывалъ съ осени 1776 года начать введеніе муниципальныхъ собраній.

Тюрго упрекали не разъ въ непрактичности и излишней смѣлости. — Такія обвиненія исходили и отъ современниковъ и отъ потомковъ. — Эти обвиненія мало основательны. — Подробное знакомство съ мѣропріятіями его говоритъ противное. — Въ дѣлѣ хлѣбной торговли, въ дѣлѣ раскладки податей, постройки дорогъ, почтовой гоньбы онъ былъ знатокомъ. — Мы видимъ, что ему извѣстны мельчайшія подробности, что издавая свои распоряженія, онъ считается со всѣми условіями жизни.

Недалеко ходя, укажемъ мы на введенные имъ новые порядки почтово-пассажирскаго движенія. — Сами враги его хвалили ихъ, а типъ экипажей «тюрготинъ» сохранился и понынѣ.

Лучшимъ аргументомъ въ пользу его практичности и знанія дѣла служатъ бюджеты 1775 и 1776 года. Человѣкъ непрактичный не могъ бы сдѣлать такого улучшенія финансоваго положенія, какое имъ сдѣлано въ 20 мѣсяцевъ. Съ другой стороны доказательствомъ

его умѣнія дѣлать дѣло, а не только размышлять и говорить о немъ, служитъ довѣріе къ нему голландскихъ и французскихъ банкировъ.

Упрекъ въ излишней смѣлости требуетъ еще меньше опроверженій. Марія Терезія высказалась въ одномъ письмѣ, что если можно обвинять Тюрго и Мальзерба, такъ развѣ только въ томъ, что они предприняли слишкомъ много сразу.

Это обвиненіе посторонней зрительницы событій высказано очень сдержанно и притомъ условно; — замѣтно, что авторъ обвиненія неувѣренъ въ его правильности. Конечно, сравнительно съ царствованіемъ Людовика XV, предпринято было слишкомъ много и слишкомъ смѣло съ точки зрѣнія тѣхъ, кто, подобно Морепа, находилъ, что французская государственная машина не требуетъ серьезныхъ поправокъ и что можно обойтись только подмазкой. Но стоитъ только вспомнить, какое важное ограниченіе сдѣлано Тюрго въ допущеніи полной свободы хлѣбной торговли, затѣмъ — его осторожное и серьезное отношеніе къ торгово-полицейскимъ регламентамъ Парижа, чтобы сказать себѣ, что неосторожности въ его поступкахъ, рискованности въ его мѣропріятіяхъ не замѣчается Напротивъ, если принять въ расчетъ трудность положенія, необходимость выйти изъ него какъ можно скорѣе, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что Тюрго иначе дѣйствовать не могъ, если хотѣлъ оставаться на высотѣ событій. Его трудолюбіе, быстрота работы, неутомимое преслѣдованіе цѣли, — а этой цѣлью было благо народа,—не могли не шокировать придворныхъ и людей школы предшествовавшаго царствованія, привыкшихъ весело прожигать жизнь и смотрѣть на управленіе только какъ на средство полученія возможно большаго дохода на счетъ народа, и ни разу, можетъ быть не задумавшихся о существованіи кое-какихъ

обязанностей по отношенію къ этому народу. Для этихъ людей Тюрго, конечно, былъ безпокойнымъ человѣкомъ, готовымъ свернуть шею монархіи; но упреки подобныхъ людей служатъ ему оправданіемъ.

Результатомъ двадцатимѣсячной работы Тюрго было нѣкоторое улучшеніе финансоваго положенія и государственнаго кредита. Но эти улучшенія были непрочны. Очень скоро послѣ него въ этой сферѣ все пошло по старому. Кредитъ государства поправился было, благодаря довѣрію капиталистовъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, къ дѣятельности Тюрго. Съ его отставкою это довѣріе тотчасъ исчезло, и очень скоро понадобилось прибѣгнуть къ личному кредиту банкира Нэккера для поднятія кредита государства.

Далѣе плодомъ дѣятельности Тюрго было освобожденіе внутренней и отчасти внѣшней хлѣбной торговли отъ путъ, связывавшихъ ее до того времени. Эта часть дѣла Тюрго осталась нетронутой и послѣ его отставки. Не то было съ цехами и дорожною натуральною повинностью. Первыя были отчасти возстановлены и не совсѣмъ въ прежнемъ видѣ, послѣдняя была возстановлена всецѣло.

Такимъ образомъ прочныхъ практическихъ результатовъ дѣятельность Тюрго оставила по себѣ весьма немного. Если бы только ими можно было измѣрить значеніе его дѣятельности, то таковое оказалось бы весьма небольшимъ. Но этими практическими результатами дѣло не исчерпывается. Въ жизни идей, пролагающихъ себѣ дорогу, первые практическіе результаты мало значатъ; гораздо значительнѣе вліяніе тѣхъ или другихъ проявленій идеи на мысли и чувства людей. Съ этой стороны министерская дѣятельность Тюрго не осталась безслѣдною. Уничтожая цехи, онъ дѣйствовалъ въ интересахъ массы городскаго населенія, и она, какъ мы

видѣли, тотчасъ это поняла и почувствовала. Въ ея глазахъ неприкосновенность стараго порядка—съ той стороны его, которая касалась интересовъ промышленнаго класса, была нарушена, ореолъ святости его былъ поколебленъ, возможность реформы доказана. Отсюда болѣе сильное неудовольствіе противъ старины только что уничтоженной и снова возобновленной. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о впечатлѣніи, произведенномъ отмѣною дорожной повинности. Вооруженной силой приходилось потомъ, по востановленіи повинности, выгонять мужиковъ для отбыванія ея. Словомъ, состоявшаяся отмѣна нѣкоторыхъ тягостей, воочію доказывала возможность существенныхъ улучшеній и коренныхъ перемѣнъ. А что считается возможнымъ, то желается сильнѣе, а тягости, устранимость которыхъ считается возможною, сносятся нетерпѣливѣе. Но если впечатлѣніе, произведенное на массы народа, было смутное и не очень сильное, то совершенно не таково было впечатлѣніе реформъ Тюрго на образованную часть общества. Она поняла принципіозное значеніе реформъ министра и апплодировала имъ. Не только во Франціи, но и за границей важнѣйшіе эдикты встрѣчали весьма серьезное сочувствіе. Дѣятельность Тюрго возбудила сильную надежду на скорое совершеніе коренныхъ перемѣнъ и на выходъ изъ того безотраднаго положенія, въ которомъ была Франція по окончаніи царствованія Людовика XV. Оживилась вѣра въ силу королевской власти совершить многое; доброта и искренное желаніе короля Людовика XVI служить общему благу обезпечивали, казалось, успѣхъ.

Людовика XVI называли Генрихомъ IV, — Тюрго приравнивали и къ Кольберу, и къ Сюлли. Въ перспективѣ виднѣлся уже супъ съ курицей на воскресномъ обѣденномъ столѣ каждаго поселянина.

И вдругъ, среди всѣхъ розовыхъ надеждъ и упованій — торжество придворной партіи и враговъ всякой новизны! Чѣмъ сильнѣе ожиданіе, тѣмъ глубже разочарованіе. Поэтому то впечатлѣніе отставки Тюрго было особенно сильно. Она произвела и грусть, и горе, и раздраженіе. Послѣднее было особенно сильно. Мы видѣли, какъ относились къ этому событію многіе выдающіеся люди того времени, имѣвшіе на общество большое вліяніе. Они видѣли въ паденіи Тюрго разрушеніе своихъ надеждъ на близкое наступленіе новаго порядка, основаннаго на началахъ разума и естественнаго права. Они видѣли въ дѣятельности Тюрго доказательство осуществимости ихъ идеаловъ. Они понимали хорошо причины его паденія. Отсюда сомнѣнія въ способности абсолютной монархіи вывести Францію изъ ея труднаго положенія. Энтузіазмъ, возбужденный вступленіемъ Людовика XVI, замѣнился равнодушіемъ и сомнѣніемъ.

Усилившееся недовольство массъ, особенно городскаго населенія (главнымъ образомъ столичнаго), съ одной стороны, съ другой таковое-же настроеніе, только гораздо болѣе сознательное, образованнаго класса общества и большая увѣренность въ возможности упраздненія «стараго порядка» — все это вмѣстѣ приблизило революцію, или, точнѣе говоря, крушеніе феодальнаго строя. Въ этомъ, по нашему разумѣнію, заключается историческое значеніе дѣятельности Тюрго.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе на возможное возраженіе. Если допустить, скажутъ намъ, такое значеніе дѣятельности Тюрго, то послѣдняя получила таковое значеніе вслѣдствіе его внезапнаго паденія, такъ что собственно его удаленіе изъ министерства вызвало то неудовольствіе и разочарованіе, которыя въ концѣ концовъ повели къ революціи; но сама дѣятельность непосредственно такого дѣйствія не имѣла.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Taine. Les origines de la France contemporaine. L'ancien regime pp. 142—146.

2) Boiteau въ Etat de France en 1789 опредѣляетъ число благородныхъ въ 83 тысячи, ссылаясь на Лавуазье, а число духовныхъ въ 208 тысячъ человѣкъ, считая и бѣлое, и черное духовенство. Эта послѣдняя цыфра гораздо выше той, которая указана Тэномъ. Послѣдній ссылается на именной списокъ монаховъ, на списокъ монахинь въ діоцезахъ; каковое число онъ множитъ пропорціонально, чтобы получить общее число монахинь. Монаховъ и монахинь у него оказывается 60 тысячъ, тогда какъ у Boiteau нѣтъ опредѣленной для нихъ цыфры, а онъ беретъ данныя, относящіяся къ 1762 г. (монаховъ и монахинь 150 тыс.) и уменьшаетъ его для полученія численности къ 1789 г. Тэнъ ссылается на показанія нѣкоторыхъ современниковъ, но его вычисленія смущаютъ меня хоть съ какой стороны. Указывая на численность духовенства въ 1866 году, онъ самъ раскрываетъ, что численность бѣлаго духовенства была тогда 51100 челов.—почти на 20 т. меньше чѣмъ въ 1789 г., что невѣроятно;—а чернаго 104800 челов. (монаховъ 18500 и монахинь 86300), т. е. болѣе чѣмъ въ 1½ раза больше, между тѣмъ во времена стараго порядка, какъ справедливо замѣчаетъ Boiteau, именно монаховъ было особенно много. Можно думать поэтому, что общая цыфра 208000 челов., указанная Boiteau — ближе къ истинѣ и если я все таки принимаю цыфру Тэна, то дѣлаю это во избѣжаніе преувеличенія. См. Boiteau pp. 33—37 и Taine Les origines de la France T. I, pp. 17 и 530.

3) Доходъ отъ совершаемыхъ духовенствомъ актовъ, опредѣлялся учредительнымъ собраніемъ въ 3 милліона ливровъ. Тэнъ опредѣляетъ доходъ отъ церковныхъ имуществъ въ 60 или 80 милл. Принимая во вниманіе однако, что онъ принимаетъ цѣнность имуществъ духовенства въ 4 милліарда ливровъ, что онъ принимаетъ величину ренты 3%, — что, конечно, составляетъ болѣе 80 милліоновъ, что онъ, наконецъ, ничѣмъ не мотивируетъ своего вычисленія и не ссылается на тѣ либо показанія,—я удерживаю оцѣнку Буато, который подробно мотивируетъ ее и ссылается на доклады, представленные Учредительному Собранію. Самъ Тэнъ находитъ разсчетъ Талейрана (70 милліоновъ) слишкомъ малымъ и говоритъ, что капиталъ и доходъ оказались гораздо болѣе значительными, чѣмъ съ перваго взгляда. Boiteau, pp. 39—46. Taine T. I, pp. 18 и 19.

4) Моро де Жонесъ оцѣниваетъ ихъ въ 366500.0 ливровъ для начала XVIII вѣка. Etat économique et social de la France p. 402.

5) Считая, что дворянство владѣло ⅕ земель, т. е. 13195178 гектаровъ, и что гектаръ приноситъ чистаго дохода 15 ливровъ,—получимъ 197.927 678 ливровъ; но принимая въ разсчетъ, что такую доходность можно считать только для воздѣланной земли и для лѣсовъ, что составляло, по показанію Моро де Жонесъ'а, лишь 65%, получимъ, что чистый поземельный доходъ дворянства былъ 128652940 ливровъ. Moreau de Jonnès. Etat économique et social de la France pp. 255, 289 и 405.— Выведенную цыфру нельзя однако признать точною, ибо не принято въ разсчетъ въ какомъ положеніи находилось земледѣліе въ концѣ XVIII в. Boiteau говоритъ. что рента землевладѣльца была 12 ливровъ съ гектара что къ тому же только ½ всей земли запахивалась и ⅓ запахиваемой земли находилось подъ паромъ (р. 483).

6) Зибель. Исторія французской революціи и ея времени. Томъ 1 стр. 15, 16.

7) Moreau de Jonnès. Etat économique et social de la France p. 394. Зибель. Ист. Рев. Т. I стр. 26. У Boiteau этотъ послѣдній оцѣнивается въ 38 милл.

8) Taine p. 25; Boiteau p. 25; и Moreau de Jonnès p. 393.

9) Taine. La France contemporaine T. I livre V chap. 1 p. p. 429—455.

10) Boiteau pp. 485—487. Taine T. I pp. 443—444. Turgot. Oeuvres. T. I p. 549. Прогрессъ прежняго времени шелъ гораздо медленнѣе: въ теченіи 84 лѣтъ XVIII ст, количество хлѣба, доступнаго для потребленія увеличилось съ 108 на 125 литровъ т. е. всего на 15%.

11) Boiteau p. 395.

12) Foncin. Essai sur le ministère de Turgot. p. 84. (12 н.) Boiteau. p. 372.

13) Къ тому же и долгъ не уменьшился и возросъ за шесть лѣтъ до 235261360 ливр. Boiteau pp. 391,394—398 Foncin p. 79.

14) Cappefigue. Les fermiers généraux pp. 328, 330 et 331.

15) Soulavie. «Memoires historiques» T. I p. 146. Онъ указываетъ на аббата Радонвилье, экс-iезуита, какъ на виновника перемѣны выбора. Этому можно вѣрить, такъ какъ Сулави ссылается на маршала Ришелье, а послѣдній, по родству съ d'Эгильономъ и положенію своему при дворѣ, могъ знать дѣло близко.

16) Foncin. Essai sur le ministère de Turgot. p. 50.

17) На мѣсто Буана (Boynes).

18) Foncin pp. 42. 43. Bachaumont memoires secr. t. VIII. 108.

19) Foncin p. 51.

20) Онъ былъ въ это время въ Парижѣ и долженъ былъ возвратиться въ Лиможъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ интендантовъ приглашали въ королевскій совѣтъ для дачи имъ инструкцій.

21) Foncin. Essai p. 40—41. Это сообщеніе корреспонденціи Метра совершенно согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ отчетовъ интенданта Тюрго, въ которыхъ онъ изъ года въ годъ доказывалъ непомѣрность тяжести налоговъ съ платежными силами провинціи.

22) Foncin основываетъ приведенный разсказъ на довольно достовѣрномъ источникѣ, а именно на письмѣ M-me Espinas. которая была близкимъ другомъ Тюрго, видалась съ нимъ каждый день и писала конечно, съ его словъ; притомъ письмо писано только черезъ четыре

дня послѣ событія (29 авг. 1744 г.). Если Кондорсе говоритъ о радости Тюрго по поводу новаго назначенія, то вѣроятно послѣдняя была результатомъ душевнаго разговора съ королемъ и высказаннаго послѣднимъ сочувствія.

23) На запросъ мой по этому поводу, Левассеръ (профессоръ Collège de France) отвѣтилъ, что нѣтъ ни одного сочиненія, которое трактовало бы исторію хлѣбной торговли. Вскорѣ послѣ того онъ прислалъ мнѣ газетное сообщеніе слѣдующаго содержанія: «L'Académie se forme en comité secret et sur la proposition faite par M. Levasseur au nom de la section politique, elle a adopté le sujet de concours suivant pour le prix du budget: «Histoire des céréales en France». Les concurrents auront à étudier la production et le commerce des céréales dans les diverses regions de la France avant et depuis 1789, ainsi que les usages commerciaux et les réglements relatifs au transport à l'interieur, la légi lation des marchés et celle de l'importation et de l'exportation». Такимъ образомъ мой запросъ не только не былъ оставленъ безъ вниманія, но послужилъ поводомъ къ тому, что академія наукъ поставила исторію хлѣбнаго производства и хлѣбной торговли въ число очередныхъ вопросовъ въ занятіяхъ французскихъ историковъ. Не могу не отнестись съ искреннею благодарностью къ г. Левассеру за его вниманіе къ моей просьбѣ и къ моему слабому голосу въ вопросахъ науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его авторитетномъ отзывѣ я нахожу извиненіе неполноты и бѣдности моего настоящаго очерка.

24) Clement. Hist. de la vie et de l'administration de Colbert—(глава о хлѣбной торговлѣ). Boisguilbert. Traité des grains. Du Cellier Hist. des classes laborieuses p. 237.

25) Clement Hist. de la vie et de l'admin. de Colbert. глава о хлѣбной торговлѣ.

26) muid—18,72 hectol. Въ этой мѣрѣ было 12 сетье.

27) Clement Hist. de la vie et de l'admin. de Colbert. Сетье—240 литровъ или 1 Hectol и 56 cent. Jobez опредѣляетъ величину сетье въ 85 kilogr. (La France sous Louis XVI t. I p. 196). У Helferich'а въ его periodischen Schwankungen im Werth der edeln Metalle показаны слѣдующіе цѣны за тѣ же періоды:

съ 1636—1645 г.	—23 fr.	41 c.	за сетье.	
» 1646—1655	— 31 »	92 »	»	
» 1656—1665	— 33 »	40 »	»	
» 1666—1675	— 18 »	25 »	»	
» 1676—1685	— 25 »	05 »	»	(стр. 99)
» 1686—1695	— 24 »	69 »	»	
» 1696—1705	— 25 »	67 »	»	
» 1706—1715	— 29 »	05 »	»	

Хотя сравненіе этихъ цѣнъ затрудняется тѣмъ, что у Клемана показана старая валюта, а у Гельфериха новая и неизвѣстно по какому курсу она высчитана. Тѣмъ не менѣе однако изъ сопоставленія цѣнъ двухъ послѣднихъ періодовъ очевидно, что цѣны выставленныя у двухъ авторовъ не сходятся. У Moreau de Jonnés указаны слѣдующія цѣны при другихъ, впрочемъ, періодахъ:

съ 1643—1652 г.	—23 fr.	26 c.	за гектол.
» 1653—1662	»—21 »	27 »	»
» 1663—1672	»—15 »	22 »	»

съ 1673—1682 г.—17 fr. 10 с. за гектол.
» 1683—1692 »—14 » 72 » »
» 1693—1702 »—21 » 21 » »
» 1703—1712 »—15 » 92 » »

См. Etat économique et social de la France p. 313.— Сравненіе этихъ цыфръ съ цыфрами Гельфериха тоже затруднительно потому что взяты иные періоды, за которые выведены среднія цѣны; но и не вдаваясь въ сравненіе частностей, мы знаемъ, что цѣны указанныя тѣмъ и другимъ не одинаковы. Такъ Гельферихъ на основаніи своей таблицы говоритъ, что съ 1696 г. по 1715 г. цѣны поднимаются, и у него дѣйствительно показано 25 fr. 67 cent. и 29 fr. 05 с. за сетье для двухъ послѣднихъ десятилѣтій (ст. 99 и 100), а изъ таблицы Моро-де-Жонеса слѣдуетъ, что за десятилѣтіе съ 703 года цѣна падаетъ сравнительно съ предъидущими годами и показана въ 15 fr. 92 cent. за гектол., что составитъ 24 fr. за сетье. Что цѣна на хлѣбъ въ началѣ XVIII в. упала свидѣтельствуетъ еще Буагильберъ въ своемъ «Traité de grains» (писанъ въ 1704 или 1705 г.) Онъ говоритъ, что въ девятидесятыхъ годахъ XVII в. сетье хлѣба стоилъ 18 ливровъ, а потомъ цѣна упала ко времени составленія трактата до 9—10 ливровъ. Я не имѣю цѣлью изслѣдованіе цѣнъ хлѣба, но я желаю только указать, какъ не разработана эта часть исторіи хозяйства.

28) Du Cellier. Hist. des classes laborieuses p. 255.

29) Clement. Hist. de la vie et de l'administ. de Colbert.

30) Turgot. Oeuvres. t. II p. 213.

31) Oeuvres de Turgot t. I p. 668.

32) H. Martin. Hist. de France t. XVI p. 233. Foncin. Essai sur le ministére de Turgot p. 104. Helferich von der period Schwankungen p. 122. Французское земледѣліе не развивалось не смотря на цѣлый рядъ урожаевъ, слѣдовавшихъ почти безпрерывно съ 1715 по 1765 годъ. Цѣны не были высоки, они колебались между 15 fr. 46 с. и 18 fr. 80 с. за сетье пшеницы. Это не мѣшало однако при первомъ мѣстномъ неурожаѣ появляться голоду, какъ это было въ 1765 г. въ Лиможѣ.

33) H. Martin. Hist. de France t. XVI p. 233 и 234.

34) Galiani. dialagues sur le commerce des blés p. 93 и 96.

35) Helferich. Ueber die Schwaukungen im Werth der Edeln Metalle p. 121. Цѣны на хлѣбъ во Франціи почти все время стояли низкія, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

съ 1716 г.—1725 г.—17 f. 01 с. за сетье.
съ 1726 г.—1735 г.—15 f. 46 с. » »
съ 1736 г.—1745 г.—18 f. 80 с. » »
съ 1746 г.—1755 г.—18 f. 32 с. » »
съ 1756 г.—1765 г.—17 f. 64 с. » »

Rocher. Sistem der Volkswirthschaft zweit. band. s. 410.— говоритъ, что годы съ 1730 по 1764 были хороши въ С. З. Европѣ, тогда какъ съ 1765—1776 были плохи.

36) H. Martin p. 292. Нужно замѣтить, что въ 1765 году урожай не былъ повсемѣстнымъ; по крайней мѣрѣ въ Лиможѣ былъ неурожай вслѣдствіе излишнихъ дождей и дѣйствія хлѣбныхъ бабочекъ (papillons de blé) и charançons.

37) H. Martin t. XVI p. 293.

38) Ibid. p. 297.

39) Эта картинка нарисована Вольтеромъ въ «Petit écrit sur l'arrêt du Conseil du 13 Septembre 1774 an.» (Foncin Essai. p. 107). Нѣсколько позже онъ написалъ по поводу майскаго возстанія «Diatribe à l'auteur des Ephémérides» въ которой снова энергично высказался за защиту эдикта 14 Сент. 1774 г. и его автора; экономисты должны радоваться, говоритъ Мейробе, пріобрѣтя себѣ такого апостола, который сдѣлаетъ больше, чѣмъ всѣ они для распространенія ихъ ученія. Bachaumont Mem. secretes t. VIII p. 1‹ 8.

40) Oeuvres t. II pp. 43—45, 59—66. Помѣщенныя на этихъ страницахъ акты имѣли широкую гласность.

41) Эти вычисленія дошли до насъ только въ извлеченіи Дюпонъ де Немура, такъ же какъ и содержаніе 1-го и 3-го письма; эти письма Тюрго передалъ Людовику XVI (въ 75 году), чтобы убѣдить его въ пользѣ свободы хлѣбной торговли. Король оставилъ у себя эти письма, но послѣ они не были найдены (Oeuvres de Turgot t. I p. 167 и примѣчаніе).

42) Тюрго обыкновенно называетъ «grande culture» обработку земли болѣе глубокую, произведенную на лошадяхъ, тогда какъ словами «petite culture» онъ означаетъ худшую обработку производимую на волахъ.

43) Ibid. стр. 211 и 212.

44) Ibid. стр. 225 и 227.

45) Одинъ изъ экономистовъ, другъ Тюрго, авторъ Chronique secretes и Ephemerides d'un citoyen и другихъ сочиненій, предназначенныхъ для распространенія физіократическихъ воззрѣній.

46) Foncin. Essai sur le ministere de Turgot p. 100.

47) Bachaumont. Memoires secretes.... Londres 1780 г. t. VIII p. 42.

48) Oeuvres de Turgot t. II p. 172.

49) Id. p. 174.

50) Foncin p. 101.

51) Oeuvres de Turgot t. II p. 177 и 212.

52) Ibid. p. 219.

53) Ibid. p. 179.

54) Купцы, отправлявшіе хлѣбный грузъ черезъ Марсель, получали накладную и обязывались привезти въ означенную провинцію тоже количество хлѣба и сдавали въ мѣстную канцелярію помянутую накладную.

55) Alph. Jobez. la France sous Louis XVI I p. 196.

56) Ibidem. 198.

57) Oeuvrec de Turgot. t. II p. 185. Quintal—100 фунтамъ.

58) Jobez. La France sous Louis XVI p. 199.

59) Foncin ministere de Turgot. p. 187; Jobez. la France sous. Louis XVI p. 200.

60) Foncin. p. 188.

61) Foncin. p. 196, а также у Dros Histoire de Louis XVI p. 127, t. I.

62) Jobez. la France sous Louis XVI p. 200.

63) Foncin. p. 198.

64) Jobez. la France sous Louis XVI. p. 2 ‹›. «Foncin говоритъ о фактѣ проникновенія (въ семь час. утра) прибавляя: on ne sait trop comment».

65) Oeuvres de Turgot. t. II p. 183 et 188.

66) Foncin. Essai sur le ministere de Turgot piece justif. № 30. (p. 592).

67) Oeuvres de Turgot. t. II p. 451.

68) Bachaumont Memoires secretes, t. VIII p. 36.

69) Oeuvres de Turgot t. II p. 196 въ примѣчаніи.

70) Продолжатель мемуаровъ Башомонъ находитъ ложными положенія министра: «что рынки были полны, что съѣстные припасы никогда не были слишкомъ дороги, что никто не долженъ былъ терпѣть недостатка въ хлѣбѣ, если принять въ соображеніе мѣры правительства, чтобы доставить работу бѣднымъ въ ихъ приходѣ. Bachaumont. Memoires t. VIII. p. 36. Замѣчанія эти несправедливы. Изъ приведенныхъ выше цѣнъ видно, что цѣна хлѣба была въ три раза слишкомъ ниже чѣмъ въ неурожай 70 года; Тюрго не отрицалъ притомъ существованія дороговизны, а только утверждалъ, что не она была причиной возстанія, и говорилъ что хлѣба на рынкахъ было *достаточно*. Это подтверждается и донесеніемъ директоровъ торговли (directeurs du commerce) въ Гіенн отъ 9 мая, сообщавшихъ о хорошихъ видахъ на будущій урожай и о томъ, что ожидаются только три судна изъ за границы съ хлѣбомъ и на большій ввозъ не смотря на преміи, нельзя расчитывать вслѣдствіе хорошихъ видовъ на урожай. Значитъ и иностранные негоціанты оцѣнивали положеніе французскаго рынка согласно съ Тюрго. Foncin. p. 2 5. Что касается благотворительныхъ работъ, то они не могли оказать помощи населенію ко времени возстанія ибо учреждены были позже; поэтому ссылку на нихъ Тюрго надо считать ошибочной.

71) Jobez. la France sous Louis XVI p. 202.

72) Bachaumont. Memoires. t. XIII p. 55.

73) Jobez. la France sous Louis XVI p. 208.

74) Foncin. p. 209.

75) H. Martin. Hist. de France, t. XVI стр. 339 и 348.

76) Du Pont de Nemours. Memoires t. II p. 42.

77) Bachaumont. t. VIII p. 46.

78) Foncin. Essai. p. 209.

79) L. Blanc. Hist. de la Revol. fr. t. I p. 488 и Foncin. Essai p. 212.

80) Foncin Essai. p. 214.

81) Foncin. Essai. p. 213.

82) H. Martin. Hist. de France t. XVI p. 350.

83) Oeuvres. de Turgot. t. II p. 219.

84) Oeuvres de Turgot. t. II p. 198 и 197.
Octroi взималось въ слѣдующемъ размѣрѣ 7 су 6 денье съ boisseau пшеницы, 6 су съ meteil, а 4 су 6 денье съ boisseau ржи.

85) Oeuvres de Turgot· t. II p. 198: Постановленіе совѣта обѣщаетъ устроить вознагражденіе этихъ лицъ на иныхъ основаніяхъ. Уменьшеніе городскихъ доходовъ вслѣдствіе отмѣны хлѣбной пошлины предполагалось частью возмѣстить сокращеніемъ расходовъ, а частью установленіемъ новыхъ менѣе обременительныхъ налоговъ.

86) Oeuvres. t. II p. 203. (2) Іюля 1775 г.).

87) Документы должны были быть представляемы Дюпону (де Немуръ) назначенному секретаремъ комисіи составленной изъ Bouvard de Fourqueux, Dufour-de-Villeneuve, Beaudoin-de-Guemadeuc, Chardon, Raymond de Saint-Sauveur, Guerrier de Bezance, de Bonnaire de Forges и Trimond. Онъ долженъ былъ передавать документы на заключеніе Ламберта, назначеннаго прокуроромъ при настоящей комисіи. Oeuvres. t. II p. 204.

88) Эта сумма съ излишкомъ возмѣщалась казнѣ измѣненіемъ способа взиманія разныхъ налоговъ въ Парижѣ и отмѣной привилегіи сеньора Ле-Нормана. ibid. t. 246 et 223.

89) ib. 247.

90) Налоги сохранялись на овесъ, ячмень и другіе зерновые продукты, за исключеніемъ перечисленныхъ; но изъ суммы налога должна быть вычтена сумма, представляющая собою вознагражденіе труда носильщиковъ и мѣряльщиковъ, и эта часть налоговъ тоже отмѣнялась. ib. p. 223.

91) ib. p. 245.

92) ib. p. 245.

93) Они обязаны были продавать хлѣбъ въ 18 унцій на фунтъ по одной цѣнѣ съ городскими пекарями дѣлавшими хлѣбъ въ 16 унцій на фунтъ. Такимъ образомъ banalité поднимало цѣну хлѣба болѣе чѣмъ на 1 %. ibid. p. 2 2.

94) Въ этой корпораціи были учреждены должности трехъ синдиковъ указами 1693 и 1705 г., двѣ должности аудитора и ревизора (auditeurs и examinateurs) счетовъ корпораціи указомъ 694 г. и должности инспекторовъ и контролеровъ указами 1745 г.

95) Это было учрежденіе давнее, можетъ быть средневѣковое; оно было уничтожено, но потомъ возстановлено въ 1675 и 1677 году. Кромѣ того въ пользу ихъ были установлены рыночные налоги на хлѣбъ.— ibid. p. 201.

96) Ихъ начали учреждать съ 1688 года т. е. съ того времени, какъ Людовикъ XIV начинаетъ нуждаться въ деньгахъ. ibid. p. 299.

97) Они были уничтожены въ Маѣ 1715 года и въ Сентябрѣ 1719 года, а возстановлены въ 1727 и 173 годахъ. ibidem.

98) Исключеніе составили должности катальщиковъ (бочекъ), нагрузчиковъ и разгрузчиковъ вина, присяжныхъ продавцовъ его и винныхъ контролеровъ, маклеровъ и комисіонеровъ, доходы съ которыхъ шли въ пользу города. Съ уничтоженіемъ всѣхъ торгово-полицейскихъ должностей налоги взимавшіеся въ ихъ пользу должны были взиматься въ пользу казны и предназначались во 1) на плату процентовъ и погашенія долговъ числящихся на уничтоженныхъ должностяхъ и 2) на погашеніе суммъ внесенныхъ въ казну лицами, купившими должности. ibid. p. 301 и 302.

99) Ibidem. p. 229.

100) Oeuvres de Turgot. t. II p. 243 et 244.

101) Oeuvres de Turgot. t. II p. 214.

102) Oeuvres de Turgot. t. II. Мемуаръ поданный королю и декларація объ уничтоженіи регламентовъ Февраля 1776 г. стр. 213—226 и 243—246.

103) ibid. p. 219.

104) Относительно того мѣста мемуара, гдѣ Тюрго говоритъ, что регламенты потому дороги членамъ парламента, что допускали возмож-

ность насилій и др. злоупотребленій. Мпроменилъ замѣчаетъ: въ этомъ дѣлѣ могли быть ошибки, я это допускаю; но они никогда не имѣли этого мотива» (т. е. корыстнаго мотива).

105) Oeuvres. t. II p. 222.

106) Economie rurale de la France depuis 1789.

107) Изъ 414 милл. вычитаются 15 милл. предназначенные на погашеніе долга.

108) Foncin. Essai. pp. 81—89.

109) Croupiers назывались пайщики откупа.

110) Foncin pp. 94 -95.

111) Указъ 30 Декабря 1775 года.

112) Такъ напр. пошлина съ соленой рыбы на время поста была совершенно отмѣнена, а съ свѣжей—понижена на половину. (Указъ 8 Янв. 1775 г.). Это не стоило казнѣ ничего, ибо потребленіе увеличилось на столько, что сумма дохода отъ пошлины осталась та же. Foncin p. 159. Oeuvres de Turgot T. II p. 402.

113) Foncin. Essai. p. 367.— Bachaumont. Memoires secretes. Подъ 31 Декабря тамъ сказано: «Извѣстно, что Людовикъ XV жилъ впередъ и, такимъ образомъ, надѣлалъ антиципацій на 180 милл. (мы знаемъ, что эта сумма была всего въ 78250000) которые ему дали генеральные откупщики и другіе крупные финансисты. Тюрго путемъ экономіи и другихъ финансовыхъ операцій уменьшилъ уже антиципацію на 37 милл., такъ что, идя тѣмъ же путемъ, облегченіе должно становиться все болѣе и болѣе значительнымъ. Вотъ что наноситъ вредъ общественнымъ кровопійцамъ и заставляетъ ихъ кричать противъ генералъ-контролера, который лишаетъ ихъ барышей, громадныхъ и разорительныхъ для монарха. T. VIII p. 299.

114) Такимъ образомъ, говоритъ Дюпонъ де Немуръ, таблица доходовъ и расходовъ, представленная Тюрго въ концѣ 1774 г. и заключавшая дефицитъ въ 22307126 фр., который онъ увеличилъ до 37 милл. слишкомъ, заключала въ себѣ ошибку на 3620134 фр. Dupont de Nemours. Mem. I. I chap. IV.

115) Фонсенъ поправляетъ эту цыфру на 7258261 фр., находя въ вычисленіи Д. де Немура ошибку. Но такой ошибки нѣтъ, ибо вычитая цыфру уплаченнаго долга 9733843 фр. изъ 16934582 фр., получимъ именно 7200739 фр.— У Фонсена, напротивъ, сдѣлана ошибка (вѣроятно. опечатка) въ итогѣ вмѣсто 16934582 фр. у него стоитъ 16934000 фр. Foncin. Essai p. 369.

116) Foncin. Essai p. 371.

117) Но на сколько трудно было поправлять финансы при тогдашнихъ порядкахъ, видно изъ того, что не смотря на всю свою строгость, не смотря на обѣщаніе короля не растóчать денегъ, бюджетъ двора увеличился на 2873394 фр. (противъ 1775 г.), на свадьбу принцессы Клотильды истрачено 1 милл., герцогу Люссаку дано 225 т. фр., пенсіи увеличены на 1 милл. (Foncin p. 371). Не считая милліона пенсій, который могъ быть назначенъ и не на придворныхъ, остальные 1098394 фр. составляютъ увеличеніе придворныхъ расходовъ. Главной виновницей его была королева, пріобрѣвшая съ половины 1775 года все сильное вліяніе на короля.

118) Oeuvres de Turgot T. II.

119) Они не обязаны были ссужать деньги за тотъ скотъ, который былъ купленъ мясниками сомнительной платежной способности (d'une solvabilité suspecte).

120) Oeuvres de Turgot T. II p. 318.

121) Bach. Mem. secr. T. IX p. 111.

122) ib. p. 114.

123) Foncin. Ess. p. 277. Такимъ образомъ въ дореволюціонной Франціи, какъ и у насъ, раздавались жалобы на отсутствіе частной инициативы, теперь объ этихъ жалобахъ тамъ не слышно. Объ этомъ фактѣ слѣдуетъ подумать тѣмъ кто любитъ признавать отсутствіе предпріимчивости природнымъ свойствомъ нашего народа и отсюда выводить необходимость системы опеки. Указываемый фактъ указываетъ, что съ уничтоженіемъ опеки (хотя не вполнѣ) и съ развитіемъ свободы, развилась и предпріимчивость.

124) Foncin. p. 279. Oeuvres de Turgot. t. II p. 424. Въ Декабрѣ 1775 г. взяты въ казну омнибусы на рѣкахъ и каналахъ и преобразованы въ смыслѣ удобства и дешевизны сообщенія.

125) ib. pp. 279—280.

126) ib. p. 127.

127) ib. p. 282.

128) Lettres patentes 1678 (12 Ноября) грозятъ конфискаціей сказанныхъ (чужихъ) винъ, тысячью ливровъ штрафа и «другими наказаніями, полагаемыми по произволу (sic) мэромъ и присяжными». (Jurats) Arch. nation. T. 12. 152. Foncin. Essai p. 497.

129) Arch. dép. Gir. C. 623. Foncin p. 498.

130) «Attendu leux mauvaise qnalité». Martin. Histoire de France. T. XVI p. 375.

131) Oeuvres de Turgot T. II. Эдиктъ о винной торговлѣ.

132) Foncin. pièces justificat. № 72.

133) Oeuvres de Turgot. t. II. Эдиктъ о винной торговлѣ.

134) Формула, которой оканчивались королевскіе указы.

135) Письмо de Vaines 3-го Мая 1776 г. Foncin. p. 501. Словомъ «Messieurs» онъ намекаетъ на членовъ парламента.

136) Oeuvres de Turgot. Примѣч. Дюпонъ де-Немура.

137) Foncin. p. 501. Въ примѣчаніи указана просьба, поданная Неккеру въ 1780 г. жителями Буска, въ которой они говорятъ, что по просьбѣ присяжныхъ (jurats) и мэра г. Бордо эдиктъ 1776 г. былъ отмѣненъ указомъ короля. (Des lettres patentes dérogèrent à l'edit de 1776). Хотя и не указано время изданія указа, но извѣстіе можно принять, ибо жители Буска, сосѣди Бордо, могли хорошо знать, что говорили.

138) Bonnemère. Histoire des paysans T. I pp. 84 и 93.

139) Уже въ XII вѣкѣ не помнили въ Парижѣ времени образованія корпорацій мясниковъ.— Какъ ассоціація болѣе узкихъ интересовъ, цехъ предшествовалъ коммунѣ,—администрація коммуны пріурочена къ раздѣленію населенія на цехи .(Levasseur T. I pp. 193—201).

140) Въ уставѣ Ghilde, цитированномъ Тьерри (Considerations pp. 295—297), видно, что Ghilde была товариществомъ взаимной помощи; съ обязанностью мстить другъ за друга, вмѣстѣ пировать, хоронить другъ друга и т. д. Уставъ напоминаетъ confréries съ ихъ общими банкетами, процессіями (у язычниковъ общее жертвоприношеніе), похоронами товарищей, взаимною помощью и т. д.

Характерное распоряженіе встрѣчаемъ мы въ уставѣ цеха ткачей «Limestre toisserant puet prendre son aprentiz à plus servise et à plus argent mès à moins ne le puet il pas prendre». ibid. T. II p. 462.

Южныя корпораціи сначала имѣли болѣе свободный характеръ, чѣмъ сѣверныя, ихъ уставы отличались краткостью. но въ XIV вѣкѣ онѣ реформируютъ свою организацію по образцу парижскихъ и становятся такими же монополистами. Levasseur T. I pp. 191—203. Ch. de Ribbe утверждаетъ, что южныя корпораціи приняли монопольный характеръ подъ вліяніемъ централизаціи, но авторъ не указываетъ фактовъ прямаго воздѣйствія королевской власти на развитіе корпорацій и не разъясняетъ, какимъ инымъ путемъ централизація произвела измѣненіе характера южныхъ корпорацій. Далѣе, онъ относитъ происшедшую въ этомъ смыслѣ перемѣну лишь ко времени эдикта 1581 года (Les corporations ouvrières de l'ancien regime en Provence Aix. 1865 p. 338—339). Это положеніе однако не точно въ томъ отношеніи, что эдиктъ 1581 года только умножилъ число корпорацій, не произведя въ нихъ качественной перемѣны.

141) Levasseur T. I p. 205.

142) Она была различна, смотря по прибыльности ремесла и вообщо не превышала 20 су. ibid. p. 209.

143) Къ этой категоріи предписаній относятся: 1) запрещеніе зазывать издали покупателей, ограниченіе числа работниковъ, запрещеніе заниматься дѣломъ, составляющимъ привилегію другаго цеха, (портной не долженъ передѣлывать стараго платья, старьевщикъ не имѣетъ права продавать новаго); 2) лица не принадлежащіе къ цеху встрѣчаютъ постоянныя затрудненія въ продажѣ своихъ произведеній; послѣднія подвергаются визитаціи цеховыхъ prud'hommes, которые, конечно, не могли быть безпристрастны. Такъ въ Понтуазѣ булочники разрѣшили т. наз. forains, продавать хлѣбъ только по субботамъ и притомъ цѣною меньше 2 денье за булку; при этомъ они назначали очень высокую пошлину на вступленіе въ ихъ цехъ и такъ строго визитировали хлѣбъ постороннихъ продавцевъ, что совершенно закрыли для нихъ рынокъ. Цѣна очень поднялась. Жители жаловались парламенту, который возвратилъ городу прежнюю «великую свободу, торговли хлѣбомъ, которая однако состояла въ томъ, что посторонніе получили право продавать свой хлѣбъ три раза въ недѣлю и быть визитируемыми коммисіей изъ двухъ prud'hommes цѣха и двухъ другихъ буржуа., назначенныхъ бальи Levasseur pp. 253, 254, 257.

144) Thierry Essai.

145) Chef d'oeuvre'омъ называлась заданная образцовая работа, которую долженъ былъ сдѣлать желающій получить степень мастера. Очень часто она опредѣлялась уставомъ. Вслѣдствіе рутины, господствовавшей въ цехахъ, обыкновенно предметомъ chef d'oeuvre'a была такая старомодная вещь, что она никуда не годилась. Chef d'oeuvre долженъ былъ производиться въ отдѣльной комнатѣ мастерской какого либо мастера, который долженъ былъ слѣдить, чтобы никто не помогалъ экзаменующемуся въ техническомъ отношеніи. Оконченная работа предъявлялась присяжнымъ для оцѣнки и приговора. Потомъ дѣлались взносы, опредѣленные уставомъ, и приносилась присяга.

146) Levasseur. Hist. des cl. ouvr. T. I. pp. 95 at 96. Въ нѣкоторыхъ цехахъ никогда не учили дѣлать тотъ предметъ, который

требовался какъ chef d'oeuvre. Богатые подмастерья не дѣлали сами chef d'oeuvre'a; за нихъ его дѣлалъ самъ мастеръ.

147) Levasseur. t. II pp. 95 и 96. Въ нѣкоторыхъ цехахъ никогда не учили дѣлать тотъ предметъ, который требовался какъ chef d'oeuvre. Богатыя подмастерья не дѣлали chef d'oeuvre сами; за нихъ его дѣлалъ мастеръ.

148) Въ 1566 г. парижскіе суконщики ввели, съ разрѣшенія короля, слѣдующую систему выборовъ: четверо присяжныхъ истекшаго года присоединяютъ къ себѣ 8 мастеровъ, которые были присяжными въ теченіи двухъ предыдущихъ лѣтъ, затѣмъ вмѣстѣ выбираютъ 12 членовъ самыхъ почетныхъ въ корпораціи и съ ними вмѣстѣ составляютъ избирательную коммисію, которая и выбираетъ 4 присяжныхъ на слѣдующій годъ. ib. t. II p. 98,

149) Ibid. t. II p. 327.

150) Условія для образованія братствъ, можно полагать лежали глубоко въ характерѣ германскаго племени. Сравнивъ то, что мы знаемъ о братствахъ ремесленниковъ съ уставомъ древне-германской Ghilde, цитованнымъ О. Тьерри, нельзя не замѣтить поразительнаго сходства. Встрѣчающаяся разница можетъ быть легко отнесена на счетъ смѣны языческой религія христіанской. Сравни Levasseur T. I, pp. 467—493 et Aug. Thierry. Considerations sur l'histoire de France изд. 1840 г. стр. 295—297.

151) Levasseur' Hist. des cl. ouvr. t. II p. 78.

152) Такъ дѣйствовали булочники въ Парижѣ, типографщики въ Ліонѣ. Ихъ безпорядки побудили правительство издать въ 1541 году эдиктъ противъ братствъ подмастерьевъ, которымъ запрещались: ношеніе оружія и палокъ, пиршества, процессіи и вообще запрещалось подмастерьямъ и ученикамъ типографщикамъ составлять братства. Ibid. p. 89—90.

153) Указъ возстановляющій братства изданъ третьяго Декабря 1660 г. Ibid. t. II p. 325—326.

154) Ibid. t. I p. 502, вообще о товариществѣ смотр. стр. 495—495 того же тома.

135) Массонское товарищество сначала было только видомъ товариществъ, именно товариществомъ каменщиковъ. Этимъ родствомъ и объясняется сходство.

156) Levasseur t. II p. 317.

157) Ibid. t. I p. 503.

158) Въ Канѣ рабочіе (полотнянаго дѣла) стачкой заставили мастеровъ прибавить плату. Въ Дарнеталѣ, около Руана, рабочіе суконщики изгоняли изъ мастерскихъ всякаго рабочаго, который не принадлежалъ къ ихъ товариществу. Въ Іюнѣ 1697 г. они возстали въ числѣ 3—4 тысячъ человѣкъ, потому что нѣкоторые хозяева наняли чужихъ рабочихъ (т. е. не членовъ товарищества). Они заставили запереть заводы и, не смотря на вмѣшательство всѣхъ провинціальныхъ властей, они не возобновляли работы въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Ibid. t. II p. 318.

159) Обозначеніе добросовѣстнаго труда словомъ «loyal», т. е. законосообразный, можно и до сихъ поръ слышать у французскихъ ремесленниковъ.

160) Работа не иначе какъ въ весьма открытомъ Rez de chaussée составляетъ и теперь привычку парижскихъ ремесленниковъ. Всѣ мелочи относительно регламентовъ см. Levasseur t. I pp. 244—245.

161) Етьеннъ Буало по приказанію Людовика IX сдѣлалъ сборникъ статутовъ цеховъ Парижа, извѣстный подъ названіемъ Registres de Boiteau. Карлъ VII и Людовикъ XI лично заботятся о ихъ размноженіи. Карлъ VII ежегодно утверждалъ нѣсколько статутовъ новыхъ цеховъ. Людовикъ XI утвердилъ вѣроятно вдвое болѣе, чѣмъ тѣ 60 статутовъ, которые дошли до насъ отъ его царствованія.

163) Въ Труа стали дѣлать легкій и тонкій холстъ называвшійся cuevrechief, который успѣшно конкурировалъ съ толстымъ холстомъ. Мастера, затронутые въ своихъ интересахъ этимъ нововведеніемъ, пожаловались королю, указывая на нарушеніе регламентовъ. Они были на столько умны, что обратили королевское вниманіе на то, что пошлины съ толстыхъ холстовъ давали королю доходъ около 2000 ливровъ. Король запретилъ фабрикацію cuevrechiefs. Levasseur t. I p. 528—529. Однимъ изъ убѣжищъ отъ стѣсненій цеховыхъ регламентовъ стали должности королевскихъ портныхъ, сапожниковъ, стодяровъ и ремесленниковъ другихъ спеціальностей. Всѣ они пользовались привилегіей независимости отъ цеховой администраціи, избавляемы были отъ ея визитац-й и суда и имѣли право работать не только на короля.

164) Франсуа I въ 1543 г. сдѣлалъ счетчиковъ, продавцевъ и выгрузчиковъ морской рыбы на Парижскомъ рынкѣ королевскими чиновниками, покупающими свои должности отъ казны. Прежде они выбирались корпораціею (chasse marées). Генрихъ II долженъ былъ Марку Бешо (Marc Bechot) довольно большую сумму; чтобы расчитаться съ нимъ, онъ учредилъ должности экеровъ, клеймовщиковъ, контролеровъ и продавцевъ вина во всѣхъ городахъ, расположенныхъ по теченію Сены, Йоны, Марны и Уазы и передалъ право продажи ихъ Бешо въ уплату своего долга. Карлъ IX въ 1574 г. объявилъ должности присяжныхъ въ корпораціяхъ каменьщиковъ и плотниковъ продажными отъ короны. Levasseur t. II p. 108—109. Генрихъ III въ 1580 г. издалъ манифестъ, который гласилъ, что король «имѣя въ виду дать почувствовать всюду радость и довольство (afin de faire cognoistre partout l'aise et contentement), которыя онъ ощущалъ по поводу брака своей сестры Маргариты съ королемъ Наварскимъ, постановляетъ, что во всѣхъ городахъ, чрезъ которыя она проѣзжала или будетъ проѣзжать впослѣдствіи, она можетъ дать 2 диплома въ каждомъ цехѣ. (Ibidem).

165) Кромѣ того учреждались три диплома въ каждомъ цехѣ, которые можно было получить по королевскому патенту. (Lettres patentes), заплативъ, конечно, деньги. Levasseur t. II p. 124.

166) Исключеніе составлялъ Парижъ, въ которомъ нельзя было устроиться на тѣхъ же основаніяхъ. Наоборотъ парижскій мастеръ могъ поступить въ цехъ любаго города во всемъ государствѣ. Ibid. p. 12. Если Levasser и отзывается объ этой мѣрѣ: «il agit en roi de France, qui porte des lois générales, mais qui y déroge en faveur de sa capitale», то этотъ отзывъ отдаетъ фразерствомъ. Тутъ король Франціи именно скорѣе дѣйствуетъ какъ феодалъ, который пристрастенъ къ своему прирожденному феоду.

167) Прево Ліона, говоря объ упадкѣ шелковаго производства, писалъ, что это происходитъ отъ того, что этимъ занимаются люди незнакомые съ процессами производства. Тоже писали и другіе прево и интенданты. Ibidem p. 174 въ примѣчаніи.

168) Ліонскій прево сообщаетъ, что представляемый имъ проэктъ регламента обсужденъ въ собраніи мастеровъ и болѣе искусныхъ подмастерій. Между тѣмъ въ Реймсѣ посланные Кольберомъ два суконщика Poquelin и Lacroix заставили городскихъ чиновниковъ подписать проэктъ регламента. какъ одобренный мѣстными мастерами суконщиками, тогда какъ послѣдніе единодушно протестовали противъ него. Levasseur t. II p. 178.

169) Намъ кажется весьма вѣроятнымъ подобное объясненіе, въ виду того, что тамъ вообще сила традиціи такъ и бьетъ въ глаза, когда присмотришься къ матеріальной жизни. Напр. Домà предмѣстія Templi поражаютъ тѣмъ, что они снизу до верху набиты ремесленниками. Неудобство явное имѣть мастерскую на 6 этажѣ. Въ другихъ кварталахъ Парижа чувствуется недостатокъ въ ремесленникахъ. Мы знаемъ, что прежде, до революціи въ Тамплѣ было много ремесленниковъ, потому что на эту часть города не распространялся цеховой режимъ. Сильно распространенное употребленіе масляныхъ лампъ. Платье старое всегда виситъ, а не складывается, какъ новое. (т. I p. 264).

170) Levasseur t. I p. 527.

171) Ibid. t. II p. 357. Невѣжество ихъ было такимъ же общимъ явленіемъ, какъ и недобросовѣстность. Одинъ современникъ говоритъ о нихъ: «инспектора увеличивали число регламентовъ, чтобы увеличить число ихъ нарушеній и чтобы расширить свою власть. Совѣтъ (государств.), привыкшій смотрѣть на промышленность сквозь невѣрныя очки этихъ господъ, судитъ о пользѣ инспекторовъ по числу закононарушеній, объ открытіи которыхъ они доносятъ; ихъ собственный интересъ заставляетъ ихъ увеличивать число первыхъ. Плодовитые на пустые протоколы и безплодные въ отношеніи полезныхъ мѣропріятій, они постоянно малюютъ купца и фабриканта бунтовщиками, которыхъ цѣль избавиться отъ силы закона, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они только вынуждены сообразоваться съ требованіями потребителей».... «Мы знаемъ между ними (инспекторами) такихъ, которые руководятся полезными цѣлями и общественнымъ благомъ....; но каково образованіе и опытность этихъ людей. призванныхъ руководить промышленностью? Многіе изъ нихъ полные невѣжды въ торговлѣ. Вотъ примѣръ: въ Анкорса (Ancorsat), маленькой деревнѣ около Тьера (Tiers) дѣлали желѣзныя ножницы, которыя продавались купцами Марсели въ Левантъ, Берберію и Испанію. Инспектора, наблюдавшіе за этой фабрикой, нашли предусудительнымъ, что покупаются ножницы не закаленныя. и не могли себѣ представить. чтобы ихъ можно было на что либо употреблять. Они остановили производство ихъ, какъ противное регламентамъ. Открылось гораздо позже, что эти желѣзныя ножницы служатъ въ Берберіи и другихъ странахъ для сниманія со свѣчей. Но уже было поздно. Фабрика въ Анкорса пала, и вслѣдствіе этого многія сосѣднія деревни разорились и обезлюдѣли». Considerations sur le commerce.... p. 95 и 96.

185) Ibid. Этотъ высокопоставленный человѣкъ вѣроятно Гурне. Онъ покровительствовалъ цитируемому нами автору. См. Kellner Zur Geschichte des Phisiokratismus.

186) Considerations sur le commerce ect. 37.

187) Ibidem p. 13.

188) Ibid. 156—158.

189) Ibidem p. 158—162.

190) Oeuvres de Turgot, edit. Guillaumin. t. II p. 249 et 302—307.

191) Ibid. p. 249.

192) Ibidem p. 312 § I et II.

193) Ibidem p. 313 § X, XI et XII.

194) Ibidem p. 314 и 315 § XIV, XVII и XVIII.

195) Сюда относятся: 1) Цѣнность имущества цеховъ, 2) пошлины и налоги, установленныя для погашенія этихъ долговъ и 3) сбереженія отъ уменьшенія расходовъ взиманія этихъ налоговъ и отъ уничтоженія цеховыхъ расходовъ. Ibid. § XIX, XX, XXI и XXII.

196) Ibid. p. 316 § XXIII et p. 312 § IV et V.

197) Histoire du Regne de Louis XVI par J. Drox. 1860. t. I p. 155. Remontrances du Parlement de Paris Amsterdam. 1776 г. Это сочиненіе выпущено было тайкомъ врагами Тюрго и изъ него мы заимствовали содержаніе ремонстрацій. Руанская ремесленная палата, возражая противъ эдикта, доказывала вредъ свободы тѣмъ, что она влечетъ за собою мошенничество и лѣнь рабочихъ и приводитъ въ защиту своего мнѣнія многіе примѣры мошенничества на фабрикахъ, избавленныхъ отъ цеховаго надзора. Ch. Quin Lacroix. Histoire de anciennes corporations p. 404.

198) Oeuvres de Turgot. Proces varbal du lit de juctice 12 Mars 1776.

199) Louis Blanc. Histoire de la Revolution française t. I p. 493 и Nervo Histoire de Finances t. II p. 85.

200) Droz Histoire du Regne de Louis XVI t. p 160.

201) Bachaumont. Memoires secretes pour servir à l'histoire de la république des lettres en France depuis 1762 jusqu'à nos jours. Londres, 1780 t. IX p. 142 Эти мемуары били ведены въ видѣ рукописнаго періодическаго изданія, которое составлялось подъ руководствомъ Bachaumont. Для этого устроена была цѣлая канцелярія. Но не всѣ томы мемуаровъ ведены подъ руководствомъ Bachaumont'a, хотя въ первоначальномъ изданіи, которымъ намъ пришлось пользоваться они цѣликомъ носятъ это названіе. На стр. 536 у Foncin. (Essai sur le ministere de Turgot). Николай названъ президентомъ академіи, и далѣе говорится, что онъ сдѣлалъ тоже при принятіи присяги въ палатѣ. Въ I омъ случаѣ онъ ссылается на Condorcet, письмо отъ 12 Іюня 1776 г. къ Вольтеру, а во второмъ на мой источникъ, только, на 153 стр. IX т.

202) Edit du Roi, par lequel Sa Majesté en créant de nouveau six corps des marchands et quarante quatre communautés d'Arts et Metiers conserve libre etc. Versailles, Août 1776. Прибавленіе къ эдикту подъ заглавіемъ Etat de sif corps des marchands et de quarante quatre communautés § 4 p. 26.

203) Ibid. p. 27. Liste des professions faisant parti des communautés suprimées qui pourront être exercées librement. Такихъ профессій насчитано 21.

204) Toqueville. l'ancien regime 1866 p. 285.
205) Levasseur, t. II p. 406.
206) Bachaumont. Memoires t. IX p. 162.
207) Condorcet. Vie de M. Turgot Berne. 1787 (анонимное сочиненіе) p. 173. Не дѣлая большой ошибки, можно приписать и Кондорсе чувства, которыя онъ приписываетъ Тюрго. Срав. Foncin. Essai sur le ministere de Turgot p. 537—538.
208) Foncin. Essai ss le ministére de Turgot p. 437 et 508.
209) Oenvres de Turgot, t. II p. 252 et 253.
210) Remontrances du parlement de Paris. Amsterdam 1776.
211) Memoire sur les corvées изданъ въ 1785 году, и написанъ по показанію Al. Barbier (Словарь анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненій). De la ,Galezier'омъ.
212) Въ этомъ отношеніи Тюрго и де ла Галезьеръ согласны. Тюрго указываетъ на пограничныя провинціи, какъ мѣсто введенія дорожной повинности; де ла Галезьеръ указываетъ на Лотарингію и Шампань и Эльзасъ, т. е. на тѣ же пограничныя провинціи. Далѣе идетъ разногласіе не особенно значительное о времени введенія дорожной повинности. Такъ какъ показанія де-ла-Галезьера отличаются большою точностью, и такъ какъ во времена регентства, по крайней мѣрѣ въ началѣ, недостатокъ въ деньгахъ ощущался сильно, то введеніе corvée въ это время становится вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ это не важно, ибо тутъ дѣло идетъ лишь о частномъ введеніи corvée. Что касается общаго введенія дорожной повинности, то де-ла-Галезьеръ не указываетъ его времени. Остается показаніе Тюрго и показаніе парламента въ Remontrances. Слѣдуетъ предпочесть показаніе Тюрго, т. е. 1737 г.; и вотъ на какихъ основаніяхъ: 1) показаніе Тюрго обстоятельно. Въ то время какъ парламентъ указываетъ только годъ, Тюрго указываетъ и лицо и документъ, которыми была введена дорожная повинность, 2) показаніе Тюрго подтверждается показаніемъ Мирабо, который въ своемъ замѣчаніи на эдиктъ Тюрго подтверждаетъ свидѣтельство послѣдняго относительно изданія генералъ-контролеромъ Орри инструкціи о corvée. Oeuvrs de Turgot t. II p. 252 et 253. Признавая же фактъ, что общее введеніе дорожной повинности принадлежитъ Орри, мы этимъ самимъ отвергаемъ указаніе парламента на 1726 г., ибо Орри былъ генералъ-контролеромъ съ 1730 до 1745 г. Трюденъ былъ директоромъ дорогъ и мостовъ. Turgot. Oeuvres t. I p. 351.
313) Lettres pour servir de suite à l'Ami des hommes. Lettre d'un ingénieur de province à un inspecteur des ponts et chaussés.—sur les corvée 1760. Paris in 4-° стр. 1760; срав. стр. 19, гдѣ говорится, что «On shoisit», «on le fait»; на 20-й же страницѣ сказано: «или онъ былъ рекомендованъ инженеру сеньоромъ». Эта брошюра приписывается Мирабо каталогомъ національной библіотеки.
214) Necker. De l'administration des finances da la France. 1784, t. II p. 230. Считая 4 kil. въ лье, получимъ, что километръ дороги обходился 2583 L.
215) Foncin. Essai p. 374. Oeuvres de Turgot t. II p. 240.
216. Foncin. Essai 375 и 376.

217) Въ своихъ замѣчаніяхъ на эдиктъ онъ говоритъ: il est impossible de presumer que M. Orry, qui a été longtemps controleur general des finances sous le regne de Louis XV, et M. Trudaine

le pere lui même n'aient pas senti comme nous tous les inconvenients qui en resultent. Il n'est guére plus possible de penser qu'ils n'aient pas imaginé que la voie d'une imposition particuliere pour cet objet paraitrait la plus simple et qu'ils n'aient pas songé, qu'il semblait plus juste et plus facile de faire partager ce fardeau aux proprietaires, et même de le leur faire supporter entierement». Въ другомъ мѣстѣ онъ спрашиваетъ: «Pourquoi donc ces deux administrateurs aussi habiles qu'attachés au bien de l'Etat, ont-ils préféré la corvée de bras et de chevaux à l'imposition? Oeuvres de Turgot t. II p. 253 et 254, также и замѣчанія на 265 и 266 стр.

218) Ibid. p. 241.

219) Ibid. p. 28).

220) Remontrances p. 20.

221) Oeuvres de Turgot t. II. p. 329. Proces verbal de lit de justice tenu à Versailles le 12 Mars 1776. Серье высчитываетъ, что трудъ 100000 солдатъ будетъ стоить ежедневно 25000 франковъ, что составляетъ 5 су въ день, что конечно ниже обыкновенной платы, какъ видно изъ приведенныхъ выше расчетовъ Мирабо и Беррійского провинціальнаго собранія. Расчетъ-же автора, что сумма равная стоимости ручнаго труда достаточна для содержанія повозокъ, не вѣренъ, такъ какъ изъ выше указанной оцѣнки ручнаго труда у Мирабо и въ расчетѣ Беррійскаго собранія, оказывается, что расходъ на повозки выше расхода на ручной трудъ: именно у Мирабо ручной трудъ 101 т. L, а повозки 121 т. L; въ расчетѣ Беррійскаго собранія на 240 т. L, истраченныхъ на ручной трудъ приходится 384000 L. расхода на повозки. —

222) Isamber Recuil general des anc. lois franç depuis l'an 420. Jusqu'a la revolution de 1789 t. XXIV p. 68.

223) Foncin. Esai p. 542 въ примѣчаніи. По его мнѣнію 8 парламентовъ не получили февральскаго эдикта, но по его-же показанію бумаги 6 парламентовъ (Экеъ, Бордо, Дуэ) Нанси, Реннъ, Греноблъ) не заключаютъ въ себѣ слѣдовъ представленія эдикта къ регистраціи, 2 (Безансонъ и Дижонъ) не получили, 4) (Мецъ, по Руанъ и Тулуза) получили. Изъ послѣднихъ только Тулузскій регистровалъ эдиктъ 24 Апрѣля съ оговоркою, что духовенство должно быть подчинено налогу. Заключеніе автора, что всѣ шесть парламентовъ, въ архивахъ которыхъ нѣтъ слѣдовъ представленія эдикта къ регистраціи, не получили послѣдняго, слишкомъ поспѣшно. У Bachaumont есть указаніе, что впослѣдствіи парламентъ Бордо (считающійся въ числѣ не получившихъ) издалъ представленіе (remontrance) противъ дорожной повинности, въ которомъ настаивалъ на томъ, что пóдать, замѣняющая ее не должна допускать привилегій и выразитъ готовность самъ принять участіе въ налогѣ. Въ заключеніи представленіе заключало похвальное слово Тюрго. Время этаго представленія мы не можемъ опредѣлить съ точностью, хотя продолжатель мемуаровъ (Mairobert) Башамона сообщаетъ помянутое извѣстіе подъ 20 Іюня 1784 года и сообщаетъ, что въ этотъ моментъ представленіе начинаетъ распространяться въ публикѣ, (Bachaumont) t. XXVI p.126); но это по большей мѣрѣ можетъ доказывать, что представленіе въ это время было напечатано (конечно подпольнымъ путемъ). По всей вѣроятности представленіе сдѣлано раньше. Во всякомъ случаѣ это представленіе доказываетъ, что былъ внесенъ къ регистраціи эдиктъ,

возстановляющій дорожную повинность, а этотъ фактъ въ свою очередь доказываетъ существованіе регистраціи эдикта, уничтожающаго дорожную повинность, ибо если бы этаго не было, то не было бы надобности регистровать первый. Далѣе у Ла-Галезьера (Memoire sur les corvées) находимъ указаніе, что въ постановленіи своемъ (отъ 14 Янв. 1785 г), парламентъ Бордо заявляетъ о невѣрности слуховъ, будто онъ возставалъ противъ уничтоженія corvée. Такимъ образомъ нельзя поставить парламентъ Бордо въ число, не получившихъ эдиктъ.

224) Essai sur les ponts et chausseés, la voirie et les corvćés. Amsterdame 1759 in 12-e par Duclos (по каталогу Barbier).

225) L'abbé Baudeau. Memoire sur les corvées, servant de replique à leurs apologistes. 1775 in 12-o.

226) О немъ упоминаетъ Bachaumont. t. IX p. 35 Въ Національной библіотекѣ его нѣтъ.

227) Pierre François Boncerf (по Barbier и Bachaumont) Les inconvenients des droits feodaux. 1775 Lonres p. 41.

228) Foncin, p. 434.

229) Bachaumont, t. IX. p. 51.

230) Foncin, p. 438.

231) Ibid. p. 436 и 437.

232) Bachaumont. t. IX p. 85 (16 Апр. 1776 г.) Этой брошюры мы не нашли. Содержаніе ея указано Мэроберомъ въ общихъ чертахъ. Упоминаніе же объ учрежденіяхъ, которыя тщетно стараются защитить ихъ приверженцы, указываетъ на corvée, ибо въ это время больше всего толковали объ этомъ предметѣ.

233) Observations sur les remontrances relatives aux corvées, ou lettre de M***. 1777 in 12-e. Авторъ неизвѣстенъ.

234) Ibid. p. 18.

235) Projet patriotique pour l'entretien des ponts et chaussées. A. la Haye. MDCC, L, XXVII.

236) Necker. De l'administration des finances de la France t. II стр. 225 въ примѣчаніи. Натуральная повинность этой провинціи заменена денежною въ 1781 г. причемъ постановленіе государственнаго совѣта объ этомъ воспроизводитъ эдиктъ Тюрго. См. Arret du conseil qui ordonne que les travaux des grandes routes qui s'executaient ci-devant par la corvée dans la generalité de Berri le seront à l'avenir à prix d'argent 13. Avril 1781. Jsambert не приводитъ текста постановленія, а отсылаетъ къ эдикту Тюрго.

237) De-la-Galeziere. Memoire sur les corvées 1785.

238) Правительство все таки осталось позади требованія времени. Въ 1787 г. оно замѣняетъ натуральную повинность денежною; но послѣднею обложены только платящіе taille. Jsambert. Recueil t. XXVIII, указъ 27 Іюня 1787 г.

239) Это стихотвореніе произвело впечатлѣніе (Bach. Mem. secr. VIII 343. Foncin Essai p. 333.

240. Bachaum. Mem. secr. t. IX p. 35.

241. Bach Mem. secr. IX 51.

242) Содержаніе брошюры Вольтера изложено въ главѣ о натуральныхъ повинностяхъ.

243) Oeuvres t. X. Correspondance avec le Roi de Prusse,

272) H. Martin Histoire de France t. XVI p. 354.

273) Corr. Metra II p. 174. Foncin, Essai p. 313.

274) Foncin p. 517. Предмѣстье Тампль было свободно отъ цеховыхъ установленій Парижа, а потому здѣсь селились всѣ ремесленники и купцы, не принадлежавшіе къ цехамъ Парижа. И теперь путешественникъ можетъ быть пораженъ скученностью ремесленниковъ и купцовъ въ этой части города. Многоэтажные дома снизу до верху покрыты вывѣсками всевозможнаго рода.

275) Marie Antoinette. Correrp. secr. p. Arnet de Geffroy t. II p. 386.

276) Arneth et Geffroy. Marie Antoinette t. II p. 383. Такая откровенность, замѣчають издатели переписки Мерси, во всякомъ случаѣ достойная сожалѣнія, съ Безенвалемъ, была неумѣстна и неосторожна.

277) Foncin Essai p. 125.

278) Arneth et Geffroy. Marie Antoinette II p. 281. Графъ Мерсие успѣлъ остановить королеву въ этомъ дѣлѣ; послѣ онъ ей представилъ, какъ неосторожно она поступила, ходатайствуя за иностраннаго принца въ ущербъ французамъ и испрашивая увеличенія расходовъ, когда король заявилъ намѣреніе соблюдать экономію. Королева оправдывалась тѣмъ, что не можетъ ни въ чемъ отказать принцессѣ Ламбаль и обѣщала въ будущемъ сдерживать себя. Мерси былъ убѣжденъ, что королева исполнитъ обѣщаніе и удержится отъ исполненія приписываемаго ей намѣренія—возстановить для принцессы Ламбаль мѣсто «министра двора королевы» (p. 282). Это было въ январѣ; въ октябрѣ принцесса Ламбаль получила сказанное мѣсто.

279) Foncin Essai p. 180.

280) Arneth et Geffroy, t. II p. p. 381—382.

281) Arneth et Geffroy. t. II p. 446 и 442 (въ примѣчаніи).

282) Daire. Notice historique sur Turgot. Oeuvres de T. t. I p. CX.

283) Daire. Not. hist. Oeuvres de T. t. I. p. CXI. Разсказъ этотъ сообщенъ Дюпономъ де Немуромъ, а онъ слышалъ его отъ герц. d'Анживилье, который въ свою очередь слышалъ отъ короля жалобы на Тюрго за его дурные отзывы, отзывы, почерпнутые изъ упомянутыхъ писемъ.

284) Foncin p. 526.

285) Arneth et Geffroy. Marie Antoinette t. II p. 446.

286) Arneth et Geffroy. Marie Antonette p. p. 446—448. Также смотри стр. 442 въ примѣчаніи, гдѣ передано содержаніе оффиціальнаго рапорта Мерси къ Маріи Терезіи.

287) Ibid. p. 441.

288 Ibid. письмо отъ 30-го Мая p. 449.

289) Ibid. письмо отъ 13 Іюня стр. 453.

290) Arneth et Geffroy. Marie Antoinette t. II p. 442 (въ примѣчаніяхъ) Foncin, Essai p. 531.

291) Bach. Mem. Secr. t. IX p. 129. Письмо Морепа. Je m'empresse, Monsieur, à Vous temoigner la part que Madame de Maurepas et moi avons pris à l'événément qui Vous est arrivé. J'ai l'honneur d'être etc.

292) Намекъ на дѣло Гина.

293) Указаніе на письма, писанныя наканунѣ по поводу назначенія Амело.

294) Daire Not. hist. sur Turgot p. CXIII.

295) Bach. Mem. Secr. t XVII. p. 228.

296) Ibid. t. IX p. 115. Брошюра вышла въ концѣ Мая 76 года и называлась: «Suit du dialogue sur les mariages des protestants ou reponse de M. le curé de***.

297) Ibid. IX p. 142.

298) Foncin Essai p. 538. (Письма Вольтера въ собраніи его сочин.)

299) Bach. Mem. secr. t. IX p. 161 и 170.

300) Foncin. p. 539.

301) Foncin. p. 539.

302) Ibid. p. 536.

303) Foncin. p.537.

304) Oeuvres Posth de Turgot. Observation d'un republicain Lausanne 1787 г. стр.115.

305) Oeuvres de Turgot. t. II. p. 548. Онъ говорилъ: «Они (муниципальныя собранія) будутъ имѣть всѣ преимущества Etats безъ ихъ дурныхъ сторонъ: ихъ безпорядка, интригъ, корпоративнаго духа, сословной вражды и сословныхъ предразсудковъ.—

Опечатки.

Страм.	Строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
VII	6	историчеслая	историческая
2	25	феодалимомъ	феодализмомъ
24	25	c'est a	c'est la
43	27	устан	устами
56	21	иножно	можно
58	33	церовозку	перевозку
60	13	Сартинъ	Сартинъ,
70	34	разсчитывая,	разсчитывая
77	1	привилленія	привиллегія
78	11	Это	Эта
»	28	Le	Je
79	33	корресподеецін	корреспонденціи
124	19	обзываніе,	обзываніе
125	9	такого	такого-же
126	28	служащему	служащаго
174	5	промынленности	промышленности
182	6	выралотавшимися	выработавшимися
183	23	демонстра	ремонстра
185	27	одма	дома
191	22	топерь	теперь
202	17	другахъ	другихъ
209	32	празу	праву
213	5	сословны	сословныхъ
214	17	пресила	правила
247	33	эта	это
258	19	Морена	Морепа
